

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ»**

№ 3 (11)

**Издается с 2009 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2014**

VESTNIK

**MOSCOW CITY
TEACHERS' TRAINING
UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

**SERIES
PHILOSOPHICAL SCIENCES**

№ 3 (11)

**Published since 2009
Quarterly**

**Moscow
2014**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И.М.

председатель

ректор ГБОУ ВПО МГПУ,
кандидат педагогических наук, доцент,
почетный работник общего образования
Российской Федерации

Рябов В.В.

заместитель председателя

президент ГБОУ ВПО МГПУ,
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО

Геворкян Е.Н.

заместитель председателя

первый проректор ГБОУ ВПО МГПУ,
доктор экономических наук, профессор,
академик РАО

Агранат Д.Л.

проректор по учебной работе ГБОУ ВПО МГПУ,
доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Бессонов Б.Н.

главный редактор

заведующий общеуниверситетской кафедрой философии
ГБОУ ВПО МГПУ, доктор философских наук, профессор

Бирич И.А.

заместитель главного редактора

профессор общеуниверситетской кафедры философии
ГБОУ ВПО МГПУ, доктор философских наук

Жукоцкая А.В.

профессор общеуниверситетской кафедры философии
ГБОУ ВПО МГПУ, доктор философских наук

Чёрненькая С.В.

ответственный секретарь

доцент общеуниверситетской кафедры философии
ГБОУ ВПО МГПУ, кандидат философских наук

Черезов А.Е.

профессор общеуниверситетской кафедры философии
ГБОУ ВПО МГПУ, доктор философских наук

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2074-7829

© ГБОУ ВПО МГПУ, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора

Задачи номера	8
---------------------	---

Смыслы и ценности общества

<i>Хохлов А.С.</i> «Теория бесконфликтности» как миф советского обществознания	10
<i>Бессонов Б.Н.</i> Россия в XXI веке: социальные и духовные ориентиры (<i>Часть 1: Построение гражданского общества</i>)	17
<i>Фролова М.И.</i> Проблемы гуманизма в творчестве И.Т. Фролова	33
<i>Капицын В.М.</i> Сложности научной квалификации прав человека	43

Философия образования

<i>Геворкян Е.Н., Васильев И.А.</i> Социально-философские аспекты проблем и перспектив развития вузовской науки	51
<i>Уймина Т.Н.</i> Отчуждение в образовании как тенденция современного социума	67
<i>Кондратьев В.М.</i> О мотивации к самопознанию как о задаче философии образования	78

История идей и современность

Иванюшкин А.Я. Идея евгеники в философском
и научном дискурсе (*Часть 2: Фрэнсис Гальтон*) 90

Методологические проблемы науки

Мамедов Н.М. Экология и становление новой культуры..... 105

**Авторы «Вестника МГПУ», серия «Философские науки»,
2014, № 3 (11)**..... 117

Требования к оформлению статей 119

CONTENTS

The Word of Editor-in-Chief

The Issues of Vestnik	8
-----------------------------	---

Meanings and Values of the Society

<i>Hohlov A.S.</i> «The Theory of Non-Conflict» as a Myth of Soviet Social Science	10
<i>Bessonov B.N.</i> Russia in XXI Century: Social and Spiritual Guidance (<i>Part 1: Building of Civil Society</i>).....	17
<i>Frolova M.I.</i> Problem of Humanism in the Works of I.T. Frolov	33
<i>Kapitsyn V.M.</i> Classification of Human Rights: the Logical and Anthropological Aspects	43

Philosophy of Education

<i>Gevorkyan E.N., Vasiliev I.A.</i> Social and Philosophical Aspects of Problems and Prospects of Development of Higher Education Science	51
<i>Uimina T.N.</i> Alienation in Education as a Tendency of Modern Society	67
<i>Kondratyev V.M.</i> About Motivation to Self-Knowledge as about a Problem of Philosophy of Education.....	78

The History of Ideas and Contemporary

Ivanyushkin A.Y. The Idea of Eugenics in the Philosophical and Scientific Discourse (*Part 2: Francis Galton*)..... 90

Methodological Problems of Science

Mamedov N.M. Ecology and the Formation of a New Culture 105

**«MCTTU Vestnik» / Authors, series «Philosophical Sciences»,
2014, № 3 (11) 117**

Style Sheet..... 119

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ЗАДАЧИ НОМЕРА

Новый номер журнала «Философские науки» открывается разделом «Смыслы и ценности общества», в котором рассматриваются наиболее значимые проблемы общественного развития нашей страны в XX в., а также ее перспективы в XXI в. Анализируя тенденции развития советского общества в период 30–80 гг. XX в., А.С. Хохлов показывает пагубный характер так называемой «теории бесконфликтности» как для общественной практики советского общества, так и для общественнознания в целом. «Теория бесконфликтности», снимая вопрос о внутренних противоречиях нового общественного строя, отрицала объективность экономических законов социализма, абсолютизировала командно-административную волю верховной власти.

В статье Б.Н. Бессонова рассматриваются проблемы построения в России гражданского общества. Подчеркивается, что первой и главной ценностью гражданского общества является социальная справедливость. Экономика должна служить тому, чтобы неуклонно повышать

благополучие народа, улучшать все стороны жизни и тем самым создавать благоприятные условия для гармоничного развития всех членов общества, для утверждения социальной справедливости. Социальная справедливость предполагает также ограничение принципа свободы и равенства. Найти их меру — важная задача гражданского общества.

Редакция журнала с глубоким уважением относится к памяти выдающегося советского и российского философа, академика Ивана Тимофеевича Фролова (1929–1999). Мы публикуем статью, подготовленную к печати его дочерью Марией Ивановной Фроловой. В статье отмечается, что Иван Тимофеевич был основоположником научного гуманизма, опирающегося на новейшие знания о человеке, добытые наукой. И.Т. Фролов всегда подчеркивал, что мир может быть спасен только в том случае, когда человек начнет измерять достижения научного прогресса человеческой мерой — мерой добра, разума, справедливости.

В разделе «Философия права» В.М. Капицын исследует аспекты

классификации прав человека как своеобразных граней самопознания и самоутверждения человека. В сфере жизни (сфера повседневности) автор выделяет четыре группы прав человека: территориальные, естественно-антропологические, духовно-культурные и агентно-профессиональные права, посредством которых люди институционализируют свое поведение, формируют механизмы поддержки «своих», фильтрации «чужих».

В разделе «Философия образования» Е.Н. Геворкян и И.А. Васильев анализируют с социально-философской точки зрения перспективы развития вузовской науки. Авторы подчеркивают, что вузовская наука должна базироваться на взаимодействии, сотворчестве опытных научно-педагогических кадров с молодыми исследователями.

Т.Н. Уймина рассматривает проблему отчуждения в образовании как опасную тенденцию современного социума. Гуманизация образования — вот решающий фактор противостояния отчуждению. Гуманизация образования — это гуманное человеческое отношение к ученику, умение и стремление видеть в нем человека и принимать его таким, каков он есть, а не пытаться его переделывать. И самое главное — видеть цель образования во всестороннем физическом и духовном развитии личности.

В рубрике «История идей и современность» мы продолжаем публикацию работы А.Я. Иванюшкина об идеях евгеники в философском и научном дискурсе. Автор анализирует идеи основоположника научной евгеники Фрэнсиса Гальтона, который, собственно, и создал сам термин «евгеника». В буквальном переводе это слово означает: «наука о рождении хороших детей». Оценивая учение Гальтона, профессор Иванюшкин отмечает, что в нем своеобразно переплелись идеи вырождения и расизма. С самого начала идеи Гальтона о евгенике были чреватые «оборотничеством», которое сразу же обнаружилось, когда в нацистской Германии перешли от слов к делу — насильственной стерилизации, эвтаназии, а затем и к геноциду «неарийского» населения.

В заключительном разделе журнала опубликована статья профессора Н.М. Мамедова о проблемах экологии и условиях устойчивого развития в мире. Автор подчеркивает необходимость как можно более шире прививать учащимся экологические знания, а также усилить внимание к качеству экологического образования в России. Оно должно исходить из приоритета ценностей природы, должно показывать учащимся опасные тенденции разрушения природных ресурсов, убеждать их, что природа — это «неорганическое» тело человека, губя которое, человек губит самого себя.

Б.Н. Бессонов

А.С. Хохлов

«Теория бесконфликтности» как миф советского обществознания

В данной статье рассматривается «теория бесконфликтности», господствовавшая в нашей стране с середины 30-х гг. XX в. и до середины 80-х гг. Показана пагубность данной теории не только для общественной практики советского общества, но и обществознания в целом.

Ключевые слова: общественные противоречия; социальный конфликт; марксистская теория; индустриальное общество; модерн.

В истории любого общества бывают периоды, когда наблюдается явное несоответствие процессов, происходящих в основных сферах жизни общества потребностям эпохи, и тогда общество вступает в полосу кризиса, который грозит крупными потрясениями всей социальной системе, если не будут найдены эффективные пути его преодоления. С нарастанием кризисных явлений в обществе более мобильные социальные силы стремятся преодолеть возникший кризис посредством преобразования архаичных социально-политических институтов, тормозящих развитие страны.

В России процесс становления индустриальной эпохи был весьма противоречивым, затянутым, что отчасти и предопределило драматические события XX в. В рамках классической науки проблема общественных противоречий была хорошо разработана и могла послужить теоретической базой для практического применения в условиях построения социализма. Но ход событий последующих семи десятков лет показал неготовность представителей правящей элиты, разных ее поколений, использовать на практике эти теоретические наработки.

На начальном этапе социалистического строительства государство рассматривалось как творец самих социалистических производственных отношений, при этом отрицалась объективность экономических законов социализма, т. е. снимался вопрос о внутренних противоречиях развития нового строя.

(В данной статье термин «социалистический» используется в том значении, в котором он использовался на протяжении всего периода существования советского государства.) Методологической ошибкой сталинской концепции социальных преобразований была абсолютизация целостности общества на основе сведения всего многообразия форм общественной жизни к единому стандарту, ориентированному на командно-административную волю верховной власти. Отступления от стандарта рассматривались как фактор враждебности к социализму и влекли за собой политические репрессии.

К середине 30-х гг. XX в., завершив переходный период от «неразвитого капитализма» к «основам социализма», власть заявила о торжестве в нашей стране «теории бесконфликтности». В работе опального русского профессора Питирима Сорокина «Современное состояние России» скрупулезно анализировалось состояние, в котором оказалась Россия в результате конфликтов — войны и революции [9]. Масштаб трагедии, сопровождавшей Россию, как в первые годы Советской власти, так и в последующие десятилетия, говорит о том, что ни о каком бесконфликтном развитии не может быть и речи.

Во время Великой Отечественной войны и послевоенный период «теория бесконфликтности» была предана некоторому забвению. Во второй половине 50-х — первой половине 60-х гг. XX в. в отечественном общественном сознании был выдвинут тезис о том, что при социализме снимаются антагонистические противоречия, но сохраняются неантагонистические. Последние трактовались как бесконфликтно разрешаемые коллизии, устранение которых происходит без борьбы, в процессе самосовершенствования социалистических производственных отношений. По существу, и здесь вопрос о реальных противоречиях социализма снимался.

В 50–60-е гг. в публикациях отечественных авторов противоречия рассматривались в сфере базисно-надстроечных отношений, внутри способа производства, между интересами личности и общества, между интересами различных социальных групп в условиях социализма.

В 70-е гг. в общественном сознании стала превалировать тенденция по лакировке действительности, сглаживанию остроты все более накапливавшихся в стране социальных проблем и противоречий. С партийных трибун поддерживалось стремление к самовосхвалению и выпячиванию «исторических преимуществ и достижений социализма в решении сложнейших социально-политических, экономических и национальных проблем, <...> в утверждении высоких нравственных ценностей» [6: с. 459]. В тот период в жизни общества открытые конфликты, массовые акции протеста были сравнительно редким явлением. Но даже если такие коллизии случались, то достоверные сведения о них не доходили ни до обществоведов, ни до общественности. Лишь в самом конце XX в. появился обобщенный аналитический материал по акциям протеста в нашей стране, которые имели место в период «хрущевской оттепели» и «брежневского застоя» [4].

«Теория бесконфликтности», по существу, была составной частью идеологии и психологии застоя и их закономерным выражением. В господствовавших в ту пору идеологии и обществоведении понятием «социальный конфликт» было принято обозначать проявления антагонистических противоречий, таких как классовая борьба, социальные революции, национально-освободительные движения, войны.

Напротив, в неантагонистическом характере противоречий социалистического общества обычно усматривали решающий аргумент при обосновании вывода о неприменимости этого понятия к характеристике социальных отношений в социалистическом обществе. Считалось, что антагонистические противоречия капитализма неминуемо приведут к конфликту, к «насильственной форме их разрешения» в виде победы социализма. Несомненно, объективная возможность развития и разрешения социальных противоречий без неизбежного перехода в состояние конфликта составляет отличительную особенность неантагонистических противоречий. Вместе с тем подчеркнем, что объективная возможность разрешения противоречий социализма реализуется не сама собой, не автоматически. Вопреки «теории бесконфликтности» ее реализация происходит не бесконфликтно, а через борьбу противоположностей, через взаимодействие названной возможности с человеческим фактором.

К. Маркс считал капитализм последней в истории общественно-экономической формацией, в которой антагонизм вырастает из «общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма» [5: с. 8]. Он не исключал существования в будущем обществе индивидуального антагонизма. Вырастающий из индивидуальных либо групповых условий жизнедеятельности людей антагонизм проявляется в столкновениях отдельных лиц и групп друг с другом, а также в коллизиях между личностью и группой, группой и обществом в целом. При социализме такие столкновения также принимали форму социального, а иногда и политического конфликта (1953, 1956, 1968, 1979/80 гг).

По мнению М.Н. Руткевича: «Неразработанность теории конфликта в марксистско-ориентированной макросоциологии во многом объясняется влиянием сталинской вульгаризации марксизма. Если понятие противоречия входило во все учебники философии, но весьма неохотно допускалось для характеристики отношений между социальными группами советского общества, то понятие конфликта предназначалось для описания конфликтов между индивидами и малыми группами. Что же касается конфликтов между социальными группами в советском обществе, то о них, как правило, умалчивалось» [8: с. 343].

Четверть века тому назад партийное руководство СССР признало, что наше общество, как и мировой социализм, проходит через своеобразный кризис развития. Обществоведы отметили, что этот кризис связан с грузом прошлого, с загнанными вглубь, развивавшимися десятилетиями деформа-

циями и противоречиями. Сегодня, имея более объективные представления о развитии советского общества, следует признать, что основная причина распада СССР и мировой системы социализма не в «кризисе развития», а в отсутствии должного внимания со стороны власти именно к феномену противоречий.

Во второй половине 80-х гг. отечественные исследователи — А.П. Бутенко, М.Н. Руткевич, В.С. Семенов, А.С. Ципко предприняли попытку анализа теоретических представлений о проявлениях общественных противоречий в условиях социализма. А.П. Бутенко считал главной силой, противостоящей движению вперед советского общества, бюрократию: «...идеология и психология застоя, чуждые диалектике, явились выражением интересов и сознания... стоявшей в тот период у власти брежневской бюрократии» [1: с. 84–85].

В советской традиции общественнознания господствовала следующая методологическая установка: в контексте социального развития противоположности неравнозначны, неравноценны. Это означало, что одна из сторон противоречия является прогрессивной и ее необходимо всячески поддерживать, стимулировать, а другая сторона олицетворяет застой, тормоз развития, а посему должна быть устранена. Эта установка на практике приводила к грубейшим ошибкам, к насильственному устранению одной из противоположностей. Тем самым искусственно прерывался естественный процесс общественного развития. Те, кто так рьяно защищал марксистско-ленинскую диалектику, либо сами ее не понимали, либо не хотели ею руководствоваться. Гегель в свое время отмечал: «Нечто существует лишь постольку, поскольку способно удерживать в себе противоречие, если же нечто существующее не способно иметь в себе противоречие, то оно... погибает» [2: с. 67].

Д.В. Ольшанский отмечал, что пренебрежение со стороны власти настроением масс «загнало общество в ситуацию кризиса — во многом, именно из-за “оправданного наукой” монополизма принимавшихся решений и связанного с этим игнорирования психологии масс» [7: с. 5].

В годы перестройки анализ противоречий советского общества был вроде бы поставлен в центр внимания в материалах XXVII съезда партии, на пленумах ЦК КПСС, на XIX партконференции. Об этом неоднократно в своих выступлениях говорил М.С. Горбачев. Однако данное «искусство политического руководства» оказалось неэффективным, поскольку проводимые реформы стали все больше «пробуксовывать».

Имея своим конечным источником определенное противоречие, достигшее в своем развитии предельного состояния (фазы противоположности), конфликт возникает в результате осознания борющимися сторонами данного противоречия как взаимной несовместимости их социальных интересов и целей. Поэтому конфликт представляет собой более или менее сознательное противоборство общественных сил по преодолению и разрешению лежащего в его основе известного противоречия.

Исторический опыт развития советского общества показал, что при отсутствии своевременной и должной гармонизации интересов различных социальных групп могут возникнуть коллизии, определяемые как конфликт. Редакция журнала «Социологические исследования» на одном из заседаний «круглого стола» отмечала, что миф о том, что «рабочий при социализме является хозяином производства, долгое время мешал признать существование различий интересов внутри производственного коллектива, неоднозначность, а в ряде случаев и противоположность мотивов деятельности исполнителей и администрации коллектива и органов государственного управления, включая возможность столкновения интересов и забастовку как способ решения подобных конфликтов» [3: с. 26].

Марксистское понимание социальных коллизий, детерминированных противоречиями общественного способа производства, не утратило своей значимости в выявлении причин, приведших к кризису советской модели общественного развития. Важнейший аспект противоречий в сфере материального производства советского общества состоял в том, что настоятельные потребности развития производительных сил все более сдерживались существовавшим хозяйственным механизмом, целой системой давно устаревших и просто порочных форм и методов управления. Безусловно, сводить социальные конфликты только к противоречиям общественного способа производства было бы неверно, но то, что они в эпоху модерна, или функционирования индустриального общества, играли важную роль, признается даже оппонентами Маркса.

Один из идеологов перестройки, А.Н. Яковлев, признавался: «Слишком часто откладывалось решение тех вопросов, которые необходимо было решать в любом случае... Например, необходимо было провести широкую де-бюрократизацию социально-экономического комплекса, осознать и преодолеть сопротивление глубоко эшелонированной структуры старорежимных интересов» [10: с. 6].

В постперестроечный период (90-е гг.) считалось, что неантагонистические конфликты — это коллизии конструктивного, созидательного плана, выполняющие позитивные функции в общественной жизни. Они в основном свободны от насильственных, разрушительных форм проявления, отличаются сравнительно мирным и организованным характером развития. Вместе с тем такие конфликты также не обходятся без издержек для трудовых коллективов, социальных групп, этносов, общества в целом. Даже принимая во внимание все возможные положительные моменты, свойственные феномену социальных конфликтов, нельзя не заметить главного. Сам факт их возникновения указывает на проявление в развитии социальных процессов элементов стихийности и непредсказуемости со всеми их негативными для общества последствиями.

Причин несвоевременного разрешения существующих противоречий может быть несколько. Они носят теоретический и практический характер.

В 90-е гг. ряда конфликтов в нашей стране можно было бы избежать или ограничить нанесенный ими обществу ущерб, будь на то политическая воля лидеров и господствующей политической элиты. Исследование проблемы противоречий и конфликтов можно вести успешно лишь с учетом представлений о социальном конфликте как особом явлении общественной жизни, элементе диалектического и формально-логического противоречия. Но такие представления еще недостаточно полны и нуждаются в дальнейшем изучении.

Чтобы приблизиться к достоверному пониманию социальной практики, надо учитывать различные теории классической и постнеклассической науки. Такой подход позволит не только беспристрастно сопоставить различные точки зрения на природу и форму социального конфликта, но и наметить то общее, теоретически ценное, что сближает различные обществоведческие концепции или разделяет их, не умаляя их научно-теоретического статуса.

Сегодня становится все более очевидным, что некоторые виды конфликтов действительно играют позитивную роль в социальной практике, но утверждать, что любой конфликт — это благо, является заблуждением. Искусственное сдерживание конфликтов, основанное на игнорировании созревших противоречий, впрочем, как и искусственное их провоцирование для достижения узкогрупповых, эгоистических интересов, не является нормой социальной динамики. С другой стороны, пренебрежительное отношение к проблеме зарождения, развития и проявления общественных противоречий, независимо от той или иной формы общественного устройства, порождает кризисы и конфликты, начиная с микроуровня и заканчивая мегауровнем. Современный мир переживает глобальный экономический и финансовый кризис, что говорит о противоречиях общемирового характера. Современный подход к этой проблеме предполагает своевременное выявление общественного противоречия и наличие доступных каналов транслирования выявленного противоречия во властные структуры для принятия адекватного решения. Это позволит ослабить вертикальную мобильность противоречий, а также предотвратит деструктивные конфликты. В этом плане классическая теория и методология изучения сущности и проявления социальных противоречий и конфликтов равно применима для анализа индустриального и постиндустриального этапов развития общества.

Литература

1. *Бутенко А.П.* Современный социализм. Вопросы теории. М.: Политиздат. 1989. 303 с.
2. *Гегель.* Наука логики. М.: Мысль, 1999. 1072 с.
3. Забастовки в СССР: новая социальная реальность // Социологические исследования. 1989. № 1. С. 26–35.
4. *Козлов В.А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953 – начало 1980-х гг.). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. 416 с.
5. *Маркс К., Энгельс Ф.* К критике политической экономии. Предисловие. Соч. 2-е изд. Т. 13. М., 1959. С. 5–9.

6. *Нечипоренко Л.А.* Феномен социального конфликта в условиях социализма // Драма обновления / Сост. и общ. ред. М.И. Мелкумян. М.: Прогресс, 1990. С. 455–479.
7. *Ольшанский Д.В.* Массовые настроения переходного времени // Вопросы философии. 1992. № 4. С.3–15.
8. *Руткевич М.Н.* Общество как система. Социологические очерки. СПб.: Алетейя, 2001. 444 с.
9. *Сорокин П.А.* Современное состояние России // Новый мир. 1992. № 4–5.
10. *Яковлев А.Н.* Реформация в России // Общественные науки и современность. 2005. № 2. С. 6–13.

Literatura

1. *Butenko A.P.* Sovremenny'j socializm. Voprosy' teorii. M.: Politizdat. 1989. 303 s.
2. *Gegel'.* Nauka logiki. M.: My'sl', 1999. 1072 s.
3. *Zabastovki v SSSR: novaya social'naya real'nost'* // Sociologicheskie issledovaniya. 1989. № 1. S. 26–35.
4. *Kozlov V.A.* Massovy'e besporyadki v SSSR pri Xrushheve i Brezhneve (1953 – nachalo 1980-x gg.). Novosibirsk: Sibirskij xronograf, 1999. 416 s.
5. *Marks K., E'ngel's F.* K kritike politicheskoy e'konomii. Predislovie. Soch. 2-e izd. T. 13. M., 1959. S. 5–9.
6. *Nechiporenko L.A.* Fenomen social'nogo konflikta v usloviyax socializma // Drama obnovleniya / Sost. i obshh. red. M.I. Melkumyan. M.: Progress, 1990. S. 455–479.
7. *Ol'shanskij D.V.* Massovy'e nastroyeniya perexodnogo vremeni // Voprosy' filosofii. 1992. № 4. S.3–15.
8. *Rutkevich M.N.* Obshhestvo kak sistema. Sociologicheskie ocherki. SPb.: Aletejya, 2001. 444 s.
9. *Sorokin P.A.* Sovremennoe sostoyanie Rossii // Novy'j mir. 1992. № 4–5.
10. *Yakovlev A.N.* Reformaciya v Rossii // Obshhestvenny'e nauki i sovremennost'. 2005. № 2. S. 6–13.

A.S. Hohlov

«The Theory of Non-Conflict» as a Myth of Soviet Social Science

This article considers the «theory of non-conflict,» prevailing in our country since the mid 30s of the twentieth century to mid 80s. The author shows malignancy of this theory not only for the social practice of Soviet society, but also of social science in general.

Keywords: social contradictions; social conflict; Marxist theory; industrial society; modern.

Б.Н. Бессонов

Россия в XXI веке: социальные и духовные ориентиры¹

Россия, русские, россияне внесли огромный вклад в развитие мировой науки, культуры, искусства, философской мысли. Но что же происходит сегодня? Почему в начале XXI в. многие русские ученые, политики, деятели культуры, представители самой широкой общественности стали говорить о кризисе, кризисе экономическом, политическом, духовном, который переживает современная Россия? Где корни этого кризиса? В статье анализируются причины того, почему СССР был разрушен, как страна вступила в условия «рынка», а также необходимость построения в России гражданского общества, формирования национальной идеи.

Ключевые слова: социальные ценности; гражданское общество; социальная справедливость; демократия; национальная идея.

Часть 1: Построение гражданского общества

Русь. Россия. Русские, россияне. Эти слова известны всем культурным людям мирового сообщества. В XIII–XIV вв. эти слова стали символом страны, спасшей Европу от татаро-монгольского нашествия; в начале XIX в. Россия встала на пути претендовавшего на мировое господство Наполеона; в середине XX в. Россия вместе с другими республиками Советского Союза, свободолюбивыми народами других стран сокрушила фашизм, угрожавший всем людям порабощением, попранием всех моральных ценностей, разрушением цивилизационных основ жизни человечества.

Величайшие научные открытия ассоциируются с именами таких выдающихся русских ученых, как М.В. Ломоносов, Д.И. Менделеев, К.Э. Циолковский, Н.И. Вавилов, И.В. Курчатов, А.Д. Сахаров. А.С. Пушкиным, Л.Н. Толстым, Ф.М. Достоевским, А.П. Чеховым, М. Горьким, М.А. Шолоховым, А.А. Ахматовой, М.И. Цветаевой зачитывались и зачитываются целые поколения людей на Западе и Востоке. Величайшие наследия в мировой культуре оставили П.И. Чайковский, М.И. Глинка, М.П. Мусоргский, С.В. Рахманинов, Д.Д. Шостакович, А. Рублев, В.И. Суриков, И.Е. Репин, А.А. Иванов и многие другие россияне.

В XIX в. и начале XX в. в России сформировалась замечательная плеяда мыслителей (А.И. Герцен, В.Г. Белинский, А.С. Хомяков, Н.Г. Чернышевский,

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 13-16-77022).

Вл.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, С.Л. Франк и др.), создавших оригинальные школы русской философской и общественно-политической мысли.

Но что же происходит сегодня? Почему в начале XXI в. многие русские ученые, политики, деятели культуры, представители самой широкой общечеловечности стали говорить о кризисе, кризисе экономическом, политическом, духовном, который переживает современная Россия? Где корни этого кризиса?

Почему СССР был разрушен? Многие видят истоки кризиса в самой истории русского народа, противоречивой и трудной: в татаро-монгольском иге, в крепостничестве; в почти постоянной, непрерывной борьбе с иноземными захватчиками; во внутренних социальных конфликтах, разламывающих наше общество на протяжении столетий; в русском характере — характере, якобы чрезмерно широком, созерцательном, неделовитом, более того — верноподданническом и даже рабском и так далее, и тому подобное. Особенно «достаётся» советскому периоду нашей истории. Истории наиболее нам близкой и живой.

В 90-х гг. XX в. Советский Союз был разрушен. Утвердилась новая, антисоциалистическая власть. Ее приверженцы грубо, нагло и лживо стали клеветать на советскую власть. Все беды, все несчастья России якобы проистекают из того, что в 1917 г. победили большевики, насильственно прервавшие естественный поступательный путь развития страны.

Между тем многие русские мыслители, отнюдь не сочувствующие большевикам, причины русской революции видели в реакционности русской монархии. Так, Г. П. Федотов отмечал, что начиная с Александра I русская монархия есть сплошная реакция, прерываемая несколькими годами половинчатых, неискренних реформ. Смысл этой реакции — топтание на месте, торможение, «замораживание» России. Н.А. Бердяев считал, что революция в октябре 1917 г. — неотвратимая судьба России. Октябрьская революция спасла Россию от грозившей ей экономической и социально-политической катастрофы, приобщила к общественной жизни широкие слои русского народа и укрепила национальное самосознание — сознание великой миссии России в мире. Примечательно, что Бердяев еще в 1907 г. предсказал, что в случае революции к власти в России придут большевики, больше никому.

Большевики, победив в революции и гражданской войне, оказались в труднейшем положении. Как строить новое общество в отсталой, разрушенной стране, да еще и в изоляции? Как действовать, где взять средства, как мобилизовать людей? Объективные условия, как очевидно, создавали предпосылки для жесткой централизации власти, мобилизационных способов решения хозяйственных проблем, суровых административных мер контроля. Этому также способствовали, с одной стороны, привычка жить под железной рукой (в этом с критиками русского характера в известной мере можно согласиться), а с другой, — как это ни парадоксально, — огромный энтузиазм народа,

готового идти на любые жертвы во имя нового, справедливого общества. В конечном счете, многое из того, что происходило в нашей стране при советской власти, с культурно-цивилизационной точки зрения следует оценить как авторитарную попытку модернизации России, ликвидации ее отсталости от Запада. (В сущности, в истории России все попытки модернизации были «догоняющими» и, как правило, осуществлялись сверху: Иваном Грозным, Петром I, Александром II и т. д.).

Советское руководство — Сталин прежде всего — «подхлестывало» страну. Надо было ускоренным темпом осуществлять индустриализацию, развивая прежде всего тяжелую промышленность, и коллективизацию сельского хозяйства. И опять-таки надо иметь в виду, что индустриализация и коллективизация решались с учетом необходимости укрепления обороноспособности страны. Приходилось спешить, ограничивать производство товаров широкого народного потребления. Иначе, разъяренный Сталин, у нас не было бы ни черной металлургии, ни металла для производства машин. Мы были бы безоружны перед лицом капиталистического окружения. Что бы сегодня ни говорили ангажированные властью лжецы об индустриализации и коллективизации, об «упущенных» возможностях, достижения страны были реальны.

Принципиально важный результат индустриализации — преодоление технико-экономической отсталости страны, завоевание экономической независимости. По структуре экономического производства Советский Союз в середине 30-х гг. XX в. вышел на уровень развитых стран мира. Значительно выросла численность людей, овладевших индустриальными профессиями. Рабочий класс составлял теперь треть населения. Была осуществлена программа ликвидации безграмотности населения. К началу 40-х гг. уровень грамотности нашего народа составлял свыше 80 %.

Выросла новая интеллигенция. В начале 1937 г. в СССР уже около 10 миллионов человек занимались умственным трудом. Миллионы крестьян, объединившихся в колхозы, также смогли почувствовать перспективу. Они получили сотни тысяч тракторов, комбайнов, грузовых автомобилей; смогли повышать образование, их жизненные условия улучшились. В результате огромной интернационалистской работы свыше пятидесяти народов впервые получили свою письменность. На окраинах бывшей царской империи создавались индустриальные центры, формировался рабочий класс, новая национальная интеллигенция. Развивался и процесс консолидации наций и народов СССР.

Сороковые годы принесли нашему народу тяжелые испытания. Началась война с фашистской Германией. Страна готовилась к войне. Были предприняты экстренные меры по развертыванию мощной экономической базы на Урале и в Сибири, позволившей в кратчайшие сроки наладить в стране производство вооружений. Не все удалось сделать...

В первые месяцы войны наша армия терпела тяжелые поражения. Проявив стойкость, мужество и героизм, советский народ выстоял и сокрушил фашизм,

спас свою Родину, человечество от фашистского порабощения. Честные люди помнят, что принесла нам война. Погибло 27 миллионов советских граждан; фашисты разрушили 32 тысячи промышленных предприятий, 98 тысяч колхозов, 1876 совхозов, сожгли 1710 городов, более 70 тысяч деревень и поселков, уничтожили более 6 миллионов зданий, оставили без крова 25 миллионов человек. В целом, в результате агрессии германского фашизма Советский Союз потерял 30% своего национального богатства.

Какая другая страна, какой другой народ могли выдержать такое?.. Все восстановить и снова идти вперед? Советский народ смог. Смог и пошел вперед, наращивая экономический и культурный потенциал. В 80-е гг. XX в. СССР стал одной из самых мощных в экономическом и интеллектуальном плане держав. Достиг и стратегического равновесия с США. Но что произошло далее? Почему Советский Союз, достигший в тяжелейшей борьбе, благодаря самоотверженным усилиям советских людей, такой огромной экономической и интеллектуальной мощи, был разрушен?

Дело в том, что в те же самые 80-е гг. замедлилось производство энергоресурсов, выросли транспортные расходы. Ухудшились показатели ресурсосбережения, производительности труда, застопорилось внедрение новых технологий, компьютеризация и т. п. Кризисные явления возникли и в сельском хозяйстве: снизился сбор зерна, его почти постоянно приходилось закупать за границей. Это привело к нехватке продовольственных и других продуктов первой необходимости, что, естественно, вызвало серьезное недовольство населения. Пал авторитет руководителей КПСС и государства. Партийная номенклатура все более вырождалась, все больше отрывалась от рядовых членов партии и от основной массы населения. В партию пришло немало карьеристов и просто подлецов, желавших под прикрытием партийного билета вершить свои грязные дела. Все это вело к падению авторитета партии в целом. Многие люди утратили доверие к коммунистическим идеалам и целям, в стране падала трудовая дисциплина, ответственность людей за дела в обществе. Страна, народ ждали перемен.

В 1985 г. к руководству партией и страной пришли Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе, Медведев и др. Они провозгласили необходимость коренной перестройки всех сфер общественной жизни. Основные слагаемые перестройки: реконструкция экономики на самой передовой научно-технической основе; активизация трудящихся на базе сильной социальной политики; развертывание широкой демократизации, самоуправления народа; утверждение принципов высокой нравственности и других ценностей социализма и так далее, и тому подобное. Реализация программы перестройки, безусловно, обеспечила бы динамичное продвижение нашего общества по пути прогресса, однако этого не произошло. Горбачев и его окружение объявили о перестройке, в сущности в целях обмана советского народа. О философском осмыслении этого обмана см. книгу Д.И. Дубровского «Обман» [4]. Для них главной целью было укрепление собственной власти, приобретение «имиджа» на Западе.

В этих условиях консолидировались антисоциалистические силы. В 1991 г. они объединились вокруг Б. Ельцина, захватили власть и разрушили Советский Союз, открыли шлюзы дикому рынку, разбойничьему капитализму, ограбили народ — миллионы людей оказались в положении нищих и полуничих. Резко возросла смертность, упала рождаемость. Миллионы детей стали беспризорными. Миллионы молодых людей превратились в наркоманов и алкоголиков. До «ельцинистов» Россия никогда не была так криминализована, не знала такого падения нравов. Никогда прежде власть в России не была столь циничной, бесстыдной, наглой, вызывающе презрительно относящейся к нормам нравственности и столь равнодушной и высокомерной по отношению к народу.

В начале 2000-х гг. В.В. Путин и его правительство в большей мере стали говорить о повышении роли государства в социально-экономической политике, о лучшей социальной защите граждан, о необходимости роста инвестиций в образование и здравоохранение, о морали, о борьбе с коррупцией, о патриотизме, об укреплении обороноспособности государства. По ряду вопросов международной политики стали более определенно критиковать США, Запад в целом.

Россия и «рынок». Однако Россией по-прежнему правит узкая группа олигархов-миллиардеров и обслуживающее их коррумпированное чиновничество. При такой власти и такой прокапиталистической политике России трудно надеяться на достойное будущее. Напротив, скорее всего, что будут расти бедность, бездуховность, будут новые кровавые разборки, будут ужесточаться национальные проблемы, будет падать и международный престиж России. Выход из создавшегося положения только один — отказ от прокапиталистического, проолигархического пути. Поскольку экономика в конечном счете — решающий фактор общественного развития, постольку следует обратиться к экономике, к принципам хозяйствования, которые позволят нашей стране развиваться эффективно и на благо людей. Конечно, рынку надо сказать: «Да». Но тезис, будто рыночная конкуренция — только благо, что только она, отсекая все недееспособное, помогает укрепиться здоровому, принять нельзя.

Во-первых, абсолютный, идеальный рынок невозможен уже потому, что действующими лицами в нем являются не вычислительные машины, а люди, которым присущи соблазны нарушать рыночные законы с помощью власти, завоевания монопольного положения или просто обмана, коррупции и т. п., что и происходит везде, а в нашей стране — особенно.

Во-вторых, сегодняшний мир «рыночной» экономики на Западе насчитывает миллионы бедных, миллионы безработных. Отношения между развитыми и развивающимися странами также показывают, к какому неравноправию приводит «мировой рынок». Огромные массы людей в развивающихся странах страдают от голода, болезней, неграмотности, в то время как одна десятая часть населения земли — Западная Европа и США — потребляют 70 % всех имеющихся на планете сырьевых ресурсов.

В свете вышесказанного просто непорядочно расхваливать рыночную модель экономического роста, имеющую своим следствием слаборазвитость трех четвертей мира. Совершенно очевидно, что за культом рыночной экономики скрывается старая эксплуататорская идеология: право на жизнь имеет лишь сильный, то есть богатый. Адам Смит — родоначальник политической экономики, на которого назойливо ссылаются западные и «наши» либералы-рыночники как на безоговорочного апологета «невидимой руки» рынка, постоянно подчеркивал важность нравственных оценок, изначально свойственных человеку. В душе каждого человека, по Смиту, таится «беспристрастный наблюдатель», оценивающий его чувства и поступки без какой-либо связи с чувством полезности и выгоды. По крайней мере, человеку присущи две способности, совершенно не сводимые к соображениям об их выгоде и пользе: познание (мышление) и самообладание.

Да, считал А. Смит, оптимальное состояние общества достигается в результате торговли и обмена, через свободные действия индивидов. «Каждому человеку, пока он не нарушает законов справедливости, предоставляется совершенно свободно преследовать по собственному разумению свои интересы и конкурировать своим трудом и капиталом с трудом и капиталом любого другого лица и целого класса» [6: с. 497]. Склонность к обмену продуктами, присущая людям, стихийно обеспечивает достижение экономического и, в результате, — социального развития. Правитель этого добиться не в состоянии: для этого у него нет нужных знаний и информации. Вообще никакая человеческая мудрость не в состоянии «руководить трудом частных лиц и направлять их к занятиям, более соответствующим интересам общества». При условии, что люди не нарушают «законов справедливости», подчеркивал А. Смит. В этой связи он подверг критике философа Б. Мандевиля за его отказ от морали. Б. Мандевиль утверждал: лишь собственная выгода служит нравственным мотивом. Так называемые социальные пороки (гордость, любовь к роскоши) оправданы, поскольку способствуют росту экономики. «Главное заблуждение в сочинении доктора Мандевиля состоит в том, что он... видит тщеславие во всем, что находится в зависимости от чувствований других людей, и с помощью такого софизма доказывает свое любимое положение, что все эгоистические пороки составляют всеобщее благо», — писал А. Смит.

Нравственность, присутствующая в каждом индивиде, наполняет «смыслом пристойного» все частные интересы. Роль государства в таком случае заключается в том, чтобы обеспечить соблюдение людьми законов.

Как очевидно, А. Смит отнюдь не абсолютизирует значения *laissez faire* (принципа невмешательства). Государство, по его мнению, может и должно вмешиваться в экономическую сферу, должно ограничивать устремления предпринимателей к монополии, должно защищать каждого члена общества от насилия и несправедливости, должно заботиться об образовании, о выполнении общественных работ и т. п.

У чисто рыночного капитализма в России нет перспективы не только потому, что он отвергает регулирующую роль государства, но и потому, что он игнорирует социокультурные, нравственные доминанты, исторические традиции, особенности страны. Россия не принадлежит к западной цивилизации, она — самодостаточная цивилизация, не нуждающаяся в американских и европейских моделях. Реальностью и идеалом ее народа всегда были коллективистские ценности: социальная справедливость, социальное равенство, независимость, свобода, объединенный (соборный) труд, солидарность и единение и в бедах, и в победах.

Вспомним: русские философы всегда обосновывали нравственную общность хозяйственной деятельности. В частности, Вл.С. Соловьев в книге «Оправдание добра» требовал преодолеть ложный отрыв экономики от нравственных ценностей человеческой деятельности. С.Н. Булгаков доказывал, что политическая экономия — это прикладная этика, или этика хозяйственной жизни. Он показал, что свобода невозможна, если человек беден; борьба против бедности, подчеркивал философ, — это борьба за право, за развитие человеческого духа. Бесспорно, по его мнению, духовно-культурный расцвет страны совпадает со временем ее наивысшего материального расцвета (и наоборот: культурный застой ведет к упадку материальному), однако само духовное развитие человека зависит от выбора им духовно-культурных идеалов.

В этой связи С.Н. Булгаков большое значение придавал труду. В процессе творческого труда человек преодолевает «экономического» человека, производящего и потребляющего лишь материальные блага. В творческом труде человек выступает как творец, как субъект, как созидатель духовных ценностей. Более того, по мнению С.Н. Булгакова, народно-хозяйственная деятельность — фактор преодоления индивидуализма, ибо субъектом народного хозяйства выступают не отдельные производители, не их алгебраическая сумма, но народ как целое. Главным принципом, целью народно-хозяйственной деятельности является благосостояние всех, а не рост богатства отдельных людей, отмечал философ. Именно поэтому, считал Булгаков, вопрос о собственности не является главным. Все зависит от исторических условий. Задача государства — исходить не из характера собственности, а из роста благосостояния народа. Вместе с тем С.Н. Булгаков подчеркивал значение планирования экономики. «Никакое хозяйство не ведется чисто механически, вне всякого плана и целесообразности, — элементы познавательного научного отношения к миру как объекту хозяйства из него неустранимы, и в этом смысле наука никогда не оставалась и не останется вполне чужда человеку» [2: с. 138]. В России, подчеркивает также и Н.А. Бердяев, буржуазный строй, господство частной собственности всегда считали грехом не только революционеры, но и религиозные люди. Сама русская буржуазия чувствовала себя нравственно ущербной.

Как проницательны были русские мыслители! Будто предвидели нашу сегодняшнюю ситуацию. Они были уверены, что высокое развитие хозяйства

выдвигает задачу выработать такой социально-экономический порядок, в котором был бы осуществлен синтез ценных сторон индивидуалистического хозяйства с ценными сторонами коллективного хозяйства.

Сегодня только то правительство России имеет исторический шанс вернуть доверие народа, которое откажется от ставки на монетаризм и другие исключительно экономическо-финансовые доминанты. Посредством усиления государственного регулирования оно должно придать экономике четкую социальную направленность, преодолеть правовой и моральный «беспредел»; покончить с коррупцией, с организованной преступностью; способствовать подъему национальной экономики; поддерживать отечественных производителей. Оно должно рассматривать образование и здравоохранение не как «услугу», а как образование и воспитание личности, как задачу «сбережения» народа (А.И. Солженицын). Оно обязано вернуть людям чувство уверенности в их сегодняшнем и завтрашнем дне. Без этого у правительства нет будущего, без этого оно не сможет обеспечить движение нашего общества вперед.

Подчеркнем еще раз: рынок, поскольку он способствует развитию инициативы и предприимчивости людей, нужен. Однако в целом нет никакой автоматической зависимости типа: рынок, децентрализация — это экономическая эффективность, свобода, самоуправление и т. п. Напротив, есть многие сферы хозяйственной деятельности, которые нуждаются в обязательном государственном планировании и управлении.

Конечно, соединение противоположностей — личной инициативы и коллективных ценностей — сложное искусство: их можно соединить таким образом, что получится симфония, но можно соединить и так, что получится какофония. Нам надо учиться искусству соединения противоположностей. Рынок, личный интерес, экономическая эффективность, самоуправление, дух коллективизма, стремление к социальному равенству, социальная защищенность и справедливость, развитие личности, свобода человека и т. д. — вот из чего складывается равнодействующая «параллелограмма сил» в современном обществе.

Важнейшим фактором интенсификации экономики в современном обществе является научно-технический прогресс. К сожалению, в нашей стране реально НТП явно недооценивается (хотя о нем много говорят), во всяком случае, он протекает преимущественно эволюционно, путем совершенствования действующих технологий либо частичной модернизации машин и оборудования. В современных же условиях нужны революционные сдвиги — переход к принципиально новым технологическим системам. Только опираясь на научно-техническое обновление производства можно достичь передовых рубежей производительности труда и в то же время придать труду творческий характер.

Между тем в стране число специалистов научно-технической сферы резко уменьшилось. Много ученых и специалистов покинули страну. Материально-

техническая база для исследовательской деятельности устарела. Значительно сократилось информационное обеспечение научно-технической деятельности. Наши правители проявляют удивительную недалекость — экономят на науке, на научно-техническом прогрессе, не заботятся о том, чтобы поставить ученого, исследователя, инженера, учителя на должную высоту. А без этого у нас не будет ни профессионализма, ни компетентности. Не будет и экономического развития. Ведь главной движущей силой, трансформирующей экономику, является поток новых знаний, устремляющихся в сферу производства из исследовательских институтов, лабораторий и т. п. Следовательно, потребности даже одной только экономики требуют развертывания научного поиска, внедрения научных достижений, уважения к знаниям.

Итак, бесспорно, экономика — важнейшая сфера жизни общества. Однако экономика, экономическое развитие — не самоцель. Экономику нельзя отрывать от социальной жизни; рентабельность, экономическая эффективность должны служить тому, чтобы неуклонно, шаг за шагом повышать благосостояние народа, улучшать все стороны жизни людей и тем самым создавать благоприятные условия для подъема социальной активности, гармоничного развития каждого человека. То есть важно учитывать, что экономический рост создает лишь предпосылки для духовного развития человека. Без сомнения, экономический рост, уменьшая проявления бедности, смягчает социальную напряженность в обществе. И все же никакой автоматической зависимости между экономическим ростом и общественным благосостоянием и личным счастьем человека нет.

Россия и формирование гражданского общества. Важнейшую роль в совершенствовании общества играют социальные ценности. Первой и главной ценностью общества является социальная справедливость. Справедливость — главная опора, которая несет все огромное и величественное строение человеческого общества; если ее убрать, то это строение неизбежно рухнет, разбившись на мелкие кусочки, подчеркивал А. Смит. Ничто не возмущает нас больше, чем несправедливость: все другие виды зла, которые приходится нам терпеть, — ничто по сравнению с ней, так утверждал и И. Кант.

Но каковы конкретно составляющие социальной справедливости? В первую очередь — жизненный уровень народа. Экономическое развитие должно служить тому, чтобы неуклонно, шаг за шагом, повышать благосостояние народа, улучшать все стороны жизни и тем самым создавать благоприятные условия для гармоничного развития людей. К сожалению, в России задача повышения жизненного уровня народа всегда решалась плохо. Мы до сих пор все еще не можем обеспечить граждан высококачественными продуктами питания и предметами потребления. Мы плохо, а из-за пренебрежения к нуждам народа нынешних властей — еще хуже, стали решать проблемы образования, здравоохранения россиян. По-прежнему тяжелой остается и жилищная проблема. Причем в стране доминирует нисходящая мобильность социальных

слоев. По уровню дифференциации доходов между высшими и низшими (работающими) слоями — в 20 раз — Россия оказалась в числе развивающихся стран.

Конечно, в условиях, когда не удовлетворяются самые необходимые материальные и духовные потребности людей, любые рассуждения о социальных ценностях, о разумных, здоровых потребностях, о том, что понимать под качеством жизни, звучат, мягко говоря, раздражающе. Тем не менее это важные вопросы теоретического и нравственного порядка. Разумеется, не стоит проповедовать аскетизм, но вместе с тем общество должно решительно выступить против вещизма, накопительства, безудержной погони за материальными благами как принципов жизни сограждан.

К сожалению, у нас в стране, особенно за годы советской власти, у многих граждан вошло в привычку иждивенчество, удовлетворенность тем, что гарантировано государством на основе принципа уравнительного распределения. Наряду с этим на современном этапе развития нашего общества, вследствие безграничного внедрения рыночных отношений и недостатка культуры, многие люди сформировали извращенное представление об истинных интересах и ценностях личности, непомерно возвеличивают свое Я; их личные эгоистические потребности порой принимают столь гипертрофированные формы, что становятся опасными для общества. Общество должно выступать за полное удовлетворение всех тех материальных благ, которые дают возможность человеку жить в достатке, удобно, достойно, которые обеспечивают необходимые предпосылки для его физического и духовного развития, для всестороннего расцвета его способностей.

Конечно, определить меру материальных благ, необходимых человеку для полноценной во всех отношениях жизни, нелегко. Это зависит от реальных возможностей общества, от его социальных и нравственных ценностей, от ценностных ориентаций самой личности. Тем не менее эта мера должна быть. Обществу, несомненно, чужд тот тип человека, который стремится получать от общества, без всякого контроля над его трудом, все, что только его душе угодно: предположим, любое количество автомобилей, пианино, трюфелей и т. п. Справедливое общество предполагает образ жизни человека, который не имеет ничего общего с обывателем, требующим невозможного. Бережливость, скромность в материальных потребностях и потреблении — неотъемлемое качество «естественного» человека, отмечал А. Смит. И подчеркивал, что бережливость — особая забота государства; оно должно предохранять от разбазаривания все, что было получено в результате производственной деятельности, сводить к минимуму непроизводительные расходы, всемерно увеличивать фонд накопления [6: с. 52].

Однако если в деле удовлетворения материальных благ необходимо известное самоограничение, то в сфере духовных запросов никакие ограничения в принципе недопустимы. Вместе с тем подлинное духовное богатство

базируется все-таки на некоторой «односторонности»: целеустремленности, увлеченности, преданности человека какой-либо одной идее, концентрации всех его духовных сил на одном главном деле. Устремленность же одновременно «ко всему» может обернуться опасностью дилетантизма.

Но чтобы получать от общества все необходимое для труда, образования, охраны здоровья и отдыха, гражданин обязан участвовать своим трудом в создании таких же благ для других, для общества в целом. Именно трудовой вклад в общее дело должен служить мерой получаемых человеком благ, его достоинства, определять то положение, которое он занимает и в своем коллективе, и в обществе в целом. В этом коренная основа социальной справедливости, представляющей важнейший фактор единства и стабильности общества.

Разумеется, воплощение в жизнь принципа оплаты по труду — дело будущего. Пока же люди, принадлежащие к власти имущим и к аппарату, их обслуживающему, а также владельцы крупных капиталов получают доходы, явно не соответствующие затратам их труда, в результате чего социальная дифференциация в российском обществе не только не уменьшается, а возрастает. Вместе с тем возникает вопрос: как соединить принцип распределения благ по количеству и качеству труда человека с идеей о социальном равенстве людей, под знаком которой совершались все антифеодальные и антибуржуазные революции и без стремления к реализации которой действительно не может утвердиться гуманное, свободное, демократическое общество? Ведь принцип оплаты по труду в силу того, что различные люди имеют неодинаковые способности, а также неодинаковое семейное положение и т. п., предполагает известное неравенство в пользовании материальными и духовными благами.

И тем не менее, как это ни парадоксально звучит, именно принцип распределения по труду обеспечивает продвижение по пути социального равенства. Уже тот факт, что используется единая мера — труд, ставит людей в одинаковое положение, дает им равные шансы. Распределение по труду побуждает каждого полнее развивать свои способности, повышать образование и квалификацию, и это, наряду с ростом производительности труда, способствует также все большему уменьшению различий в культурно-техническом и профессиональном уровне работников, а значит, и выравниванию уровней их жизни.

«Наши» либералы, объясняя бедность, материальную необеспеченность широких масс нашего народа, клеветают на него: русские-де ленивы, не любят трудиться, поэтому они никогда не будут жить так, как живут европейцы и американцы. На самом деле наши люди трудолюбивы, работают не меньше и с не меньшим мастерством, чем немцы, французы, англичане, американцы и т. д. Наш народ живет и работает в более трудных условиях: у нас огромное пространство, его нужно обустроить, у нас более суровый климат, все это требует больших затрат — ресурсных и энергетических; нам труднее проводить сельскохозяйственные работы: благоприятные условия для сельского хозяйства

у нас не более пяти месяцев, в других странах — до 10 месяцев. В условиях враждебного окружения России приходилось затрачивать колоссальные трудовые усилия на создание военной техники, на оборону. А после войн — на восстановление страны, так как большей частью наш народ оборонялся, то есть сражался на своей территории. Так что трудолюбия, мастерства, творческой инициативы русским людям, русскому народу не занимать. В этом он не уступает никакому другому народу.

Важнейшую роль в деле обеспечения фактического равенства граждан должен иметь фонд социальной защиты, создаваемый обществом. Он должен играть решающую роль в развитии общегосударственных систем народного образования, здравоохранения и социального обеспечения, в улучшении условий быта и отдыха людей, т. е. должен смягчать объективно неизбежные различия в материальном положении отдельных граждан, семей, социальных групп, выравнивать социально-экономические и культурные условия для воспитания детей, способствовать ликвидации малообеспеченности отдельных групп населения. Сегодня немало теоретиков и особенно публицистов проблематику социального равенства дискредитируют как утопическую, как псевдопроблему. Конечно, в обществе, где господствует частная собственность, рынок и конкуренция, которые создают условия для недобросовестных людей жить вовсе не по труду, а, напротив, с помощью эксплуатации присваивая прибавочный продукт, произведенный трудом других людей, достижение социального равенства невозможно. И тем не менее, если мы хотим создать справедливое, свободное, демократическое общество, то должны рассматривать социальное равенство в качестве важнейшей цели. При этом речь ни в малейшей степени не идет о каком-либо нивелировании, о какой-либо унификации физических и духовных сил, способностей людей. Речь идет о том, чтобы поставить всех граждан в равное положение к средствам производства, гарантировать равное право на труд и его вознаграждение, открыть равные социальные возможности для получения образования, медицинского обслуживания, для приобщения к достижениям духовной культуры.

Стремление к социальному равенству извечно. Не социализм породил это стремление. Об этом свидетельствует вся история человечества. Вспомним Древний Китай, Конфуция. Наряду с требованием послушания и почтения к старшим Конфуций обращал внимание и на необходимость преодоления поляризации богатства и бедности среди населения. Когда богатства распределяются равномерно, то не будет бедности; когда в стране царит гармония, то народ не будет малочислен; когда царит мир между верхами и низами, не будет опасности свержения правителя. Древнегреческий философ Пифагор полагал, что равенство — это справедливость, что за равное необходимо воздавать равное. Другой знаменитый грек — Демокрит — также считал, что справедливость требует надлежащей меры в имущественных отношениях. Аристотель рассматривал справедливость как одинаковую пропорцию

взаимных обязательств; он подчеркивал, что этой пропорциональностью поддерживается вся общественная жизнь. Нарушение относительного равенства является, по Аристотелю, главной причиной всякого рода социальных возмущений.

А. Смит, на которого так любят ссылаться либералы, также утверждал, что ни одно общество не может процветать и быть счастливым, если значительная часть его членов будет бедна и несчастна. Кроме того, просто несправедливо, если непосредственные создатели материальных благ не могут иметь их в сносном количестве. Тем более что щедрая оплата труда поощряет трудолюбие. В любом случае, подчеркивал А. Смит, жизненные блага должны иметь трудовое происхождение, то есть быть результатом трудового вклада человека в общее благо.

Без социального равенства нет и подлинной свободы. Суждения, будто равенство ограничивает свободу, неверны. Конечно, если не понимать равенство в том духе, как его понимают «бесы» в одноименном романе Ф. М. Достоевского: «Не надо образования, довольно науки! И без науки хватит материалу на тысячу лет, но надо устроиться послушанию. В мире одного только недостает, послушания. Жажда образования есть уже жажда аристократическая. Чуть-чуть семейство или любовь, вот уже и желание собственности. Мы уморим желание... Всех к одному знаменателю, полное равенство. Необходимо лишь необходимое. Полное послушание, полная безличность» [3: с. 423].

Социальное равенство ограничивает произвол. Но настоящую свободу — свободу развития личности — напротив, обеспечивает. Свобода имеет много граней. Самое важное — быть внутренне свободным. Внутренняя свобода, утверждал И. Кант, — основание достоинства человека. Без внутренней свободы нет человеческого достоинства, нет личности.

И. Г. Фихте считал, что лишь мое самосознание, мои действия превращают мою зависимость в свободу; свобода — это и перемена внешних обстоятельств, это и изменения в самой глубине моего существа. Быть свободным — это значит бороться за свободу, становиться свободным.

Социальная справедливость предполагает органичное единство свободы и равенства. Другое дело, что их нельзя доводить до крайности, тогда они действительно становятся несовместимыми. Чрезмерная индивидуальная свобода порождает неравенство людей, равенство в духе тоталитарных утопий подавляет свободу. Найти их меру — важная политическая и нравственная задача общества и государства.

И конечно же важнейшим социальным ориентиром развития нашего общества является демократия. В конечном счете характер общества и государства зависит от того, кто и как принимает решения, связанные с коренными условиями жизни людей. Сами ли люди или утвержденные ими их представители, или же группы людей и даже отдельные лица, действующие и принимающие политические или другие решения независимо или даже вопреки

воле широких народных масс. То есть народовластие, демократия, или анти-демократический (авторитарный, тоталитарный) режим того или иного класса, социального слоя, группы лиц или даже одного человека. Вот реальные проблемы становления подлинно свободного и правового государства.

Впервые путь демократии как власти народа провозгласили Американская и Французская буржуазные революции. Именно они впервые декларировали права человека и гражданина, объявили свободу, равенство, личную неприкосновенность; восстания против угнетения признали естественным и неотъемлемым правом человека. Конечно, в буржуазном обществе гражданские права и свободы носят формальный характер, ибо отсутствие частной собственности у большинства граждан препятствует реальному осуществлению этих прав и свобод. Тем не менее даже формальное провозглашение этих прав и свобод означает поступательное движение общества.

Сегодня демократическое общество — это общество, которое безоговорочно признает основные права и свободы человека, свободу слова, собраний, вероисповеданий, равенство всех перед законом, имеет Конституцию, базируется на разделении законодательной, исполнительной и судебной властей. Граждане должны иметь возможность осуществлять контроль над деятельностью государственных органов, полномочия которых должны ограничиваться определенными сроками; все граждане могут принимать участие в выборах правительственных органов и т. д., и т. п. Нам надо раз и навсегда усвоить: монополия на власть ведет к несправедливости и угнетению. Разделение власти — основа для независимости государства от права. Бесспорно, подлинная демократия может существовать только там, где равенство всех перед законом, всеобщее избирательное право дополнены, закреплены правом на обеспечение работой; минимальный доход, позволяющий жить достойно, — правом на образование, охрану здоровья и другие социальные права.

Одним из самых больших препятствий на пути развития нашего общества, утверждения в нем демократии является бюрократизм. Его социальная сущность заключается в том, что работники аппарата государственной власти фактически присваивают законодательные и исполнительные полномочия, уходят из-под контроля, интересы дела подчиняют интересам своей карьеры и привилегий. В любом случае, главной, истинной целью бюрократии являются самосохранение, отстаивание своих собственных эгоистических интересов. Понятно, что антиобщественная деятельность бюрократии может осуществляться лишь скрытно, за завесой секретности. «Всеобщий дух бюрократии есть тайна, таинство, — отмечал К. Маркс. — Соблюдение этого таинства обеспечивается в ее собственной среде ее иерархической организацией, а по отношению к внешнему миру — ее замкнутым корпоративным характером. Открытый дух государства, а также государственного мышления представляется поэтому бюрократии предательством по отношению к ее тайне» [5: с. 271–272].

И наши отечественные мыслители также указывали на бюрократизм и бюрократию как на тормоз развития российского общества. В частности,

Н. Бердяев писал, что «Россия — самая государственная и бюрократическая страна в мире... Интересы государства занимают совершенно исключительное и подавляющее место в русской истории... Бюрократия развивалась до размеров чудовищных... И она превратилась в самодовлеющее отвлеченное начало; она живет своей собственной жизнью, по своим законам, не хочет быть подчиненной функцией народной жизни» [1: с. 6–7].

Государство сильно, когда народ считает его своим государством, когда он уважает людей, стоящих у власти, и доверяет им; когда у власти стоят люди, заботящиеся о благе народа, а не о личных привилегиях, когда власть — служение, бремя, долг перед страной и народом, а не коррупция, жульничество и воровство. Решающим фактором преодоления бюрократии и бюрократизма является развитие политической культуры у широких слоев населения. Процесс управления общественными делами сложен, требует знаний, умения, времени. Не каждый гражданин готов взять на себя дополнительную нагрузку. И все-таки гражданин должен учиться управлять делами общества.

Литература

1. Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Советский писатель. 1990. С. 6–7.
2. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.: Наука, 1990. 138 с.
3. Достоевский Ф.М. Бесы // Собр.соч.: в 15 т. Т. 7. Л.: Наука, 1988–1996.
4. Дубровский Д.И. Обман. Философско-психологический анализ. 2-е изд., доп. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2010. 336 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50-ти т. 2-е изд. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1955–1981. С. 271–272.
6. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962. 497 с.

Literatura

1. Berdyaev N.A. Sud'ba Rossii. M.: Sovetskij pisatel'. 1990. S. 6–7.
2. Bulgakov S.N. Filosofiya hozyajstva. M.: Nauka, 1990. 138 s.
3. Dostoevskij F.M. Besy // Sobr.soch.: v 15 t. T. 7. L.: Nauka, 1988–1996.
4. Dubrovskij D.I. Obman. Filosofsko-psixologicheskij analiz. 2-e izd., dop. M.: Kanon + ROOI «Reabilitaciya», 2010. 336 s.
5. Marks K., E'ngel's F. K kritike gegelevskoj filosofii prava // Marks K., E'ngel's F. Soch.: v 50-ti t. 2-e izd. T. 1. M.: Gospolizdat, 1955–1981. S. 271–272.
6. Smit A. Issledovanie o prirode i prichinax bogatstva narodov. M.: Soce'kgiz, 1962. 497 s.

Продолжение в следующем номере.

B.N. Bessonov

**Russia in XXI Century:
Social and Spiritual Guidance
(Part 1: Building of Civil Society)**

Russia, Russians, Russia citizens have made a huge contribution to the development of world's science, culture, art, philosophic thought. But what is happening today? Why in the beginning of XXI century many Russian scientists, politicians, artists, representatives of the widest possible public began to talk about the crisis, the economic, political, spiritual crisis, which is experiencing modern Russia? Where are the roots of this crisis? The article analyzes the reasons why the Soviet Union was destroyed, how the country entered the terms "market", the need to build civil society in Russia, the need of formation of the national idea.

Keywords: social values; civil society; social justice; democracy; national idea.

М.И. Фролова

Проблемы гуманизма в творчестве И.Т. Фролова

Статья посвящена исследованию роли и места проблемы гуманизма в творческом наследии выдающегося русского философа академика Ивана Тимофеевича Фролова (1929–1999). И.Т. Фролов обозначил принципиально новую ситуацию в исходном отношении «человек – природа», когда человек сам становится объектом антропогенного воздействия, а природа выступает как встроенная в человеческую деятельность. Эпоха НТР требует от человечества перестроить свои общественные отношения и отношения с природой на гармоничной основе, так, чтобы всякие частные интересы были подчинены задаче выживания и развития человечества. В этой глобальной перестройке мышления и практики заключается стратегия создания новой цивилизации и нового человека — не только разумного, но и гуманного.

Ключевые слова: гуманизм; глобальные проблемы; общечеловеческие ценности; перестройка.

В 60-х гг. XX в. в советской философии начали широко исследоваться проблемы гуманизма. Особенно основательно они разрабатывались в трудах академика Ивана Тимофеевича Фролова (1929–1999) (см.: [2; 4; 6–9; 16]). Главным в философском творчестве И.Т. Фролова было исследование проблемы человека в условиях современной научно-технической революции, когда человек начинает вмешиваться не только во внешнюю, но и в свою собственную природу. Это сопряжено со множеством непредвиденных рисков. Явным следствием новых отношений между человеком, обществом и природой становятся глобальные проблемы.

И.Т. Фролов был одним из пионеров изучения глобальных проблем. Он подчеркивал, что глобальные проблемы не являются чем-то внешним по отношению к человеку. Это проблемы его самого, и в эпоху глобального кризиса именно проблема человека находится в центре системы глобальных проблем, возникающих в результате человеческой деятельности, охвативших теперь всю планету. Но в кризисном социуме человеческая деятельность носит отчужденный характер. Поэтому результаты ее оборачиваются против человека.

И.Т. Фролов всегда подчеркивал, что не следует демонизировать науку и технику, возлагать на них ответственность за процессы дегуманизации. Важно, в какой мере процессы развития науки и техники подконтрольны обществу. Общество вправе знать о возможных опасностях не постфактум, а заранее, говорил И.Т. Фролов. В этой связи им была выдвинута стратегия гуманитарной

экспертизы любых социально-экономических и научно-технических проектов, затрагивающих жизнь и здоровье людей. Сам философ участвовал в Правительственной комиссии, которая положила конец проекту поворота сибирских рек на юг. Проект, который привел бы не только к экологической, но и к культурной и антропологической катастрофе.

Комплексный, взаимосвязанный характер глобальных проблем в концепции И.Т. Фролова вытекает из планетарного характера человеческой деятельности. Он считал, что ни одна из глобальных проблем не может быть решена в отдельности. Комплексный характер глобальных проблем хорошо просматривается в современных вооруженных конфликтах. Как правило, причиной их становится ресурсная проблема — нехватка нефти для обеспечения функционирования экономик развитых стран. Одновременно возникают и проблемы отсталости развивающихся стран. Если конфликты заканчиваются войнами, то это приводит к обострению экологической проблемы. В свою очередь, падение жизненного уровня в послевоенных странах приводит к ухудшению положения в демографии и здравоохранении.

И.Т. Фролов в качестве концепции, которая бы указывала выход из сложившейся в мире кризисной ситуации, выдвинул методологию комплексного междисциплинарного подхода к изучению человека и идеологию нового научного гуманизма. Сегодня, отмечал И.Т. Фролов, все науки в той или иной степени становятся науками о человеке. Задача философии должна заключаться в том, чтобы налаживать взаимодействие специалистов разных наук в изучении комплексных проблем. Комплексные исследования — это не просто сложение результатов разных наук, а взаимодействие между ними в решении проблем на уровне методологии.

И.Т. Фролов выдвинул в связи с разработкой комплексной методологии познания природы и человека и новое понимание роли философии в науке и культуре. Современная наука представляет собой весьма сложное образование. И.Т. Фролов считал тенденцию к интеграции знания ведущей, главной, так как в ряде случаев в результате интеграции могут возникать «комплексные системы» [14: с. 28], включающие наряду с научной и иные составляющие: общественную, политическую, нравственную, художественную. Ядрами объединения выступают глобальные проблемы человеческой деятельности, решение которых не может не носить комплексного характера.

В результате интеграции возникают так называемые междисциплинарные «стыки», иными словами, «точки роста» нового знания. Междисциплинарные стыки отражают, с одной стороны, реальную сложность познаваемой природы, тем более природы, преобразованной деятельностью человека. С другой стороны, реальной основой сложного узла взаимодействий выступает углубляющееся разделение труда, в котором научный, технический и производственный труд уже нельзя выделять в чистом виде, столь сильна степень взаимной дополнительности. Скажем, изучение проблемы здоровья сегодня

немыслимо в монодисциплинарном ключе. Необходимо привлекать и практикующего врача, и физиолога, и химика, и социолога, и демографа, и эколога, и этика. Сразу же возникает проблема интеграции столь разнородного знания об одной и той же комплексной проблеме. Роль интегратора здесь должна брать на себя философия.

И.Т. Фролов постулировал триединую задачу философии в комплексном исследовании человека [14: с. 25–26]. **Первая** ее задача или же функция — интегративная. Она заключается в постановке новых проблем на стыках разных наук. То есть интеграция, синтез понимаются И.Т. Фроловым глубоко диалектически. Соединение наук ведется не через обнаруженные моменты сходства, а через постановку новой проблемы, в решении которой каждая из наук призвана занять свое место, взаимно дополняя друг друга.

Возникает вопрос о способах налаживания диалога между представителями разных наук — известная проблема нахождения «общего языка». В 1985 г., когда И.Т. Фролов выдвинул на страницах «Литературной газеты» идею создания Института человека для разработки комплексных проблем, вопрос обеспечения междисциплинарного диалога возник одним из первых [13: с. 3]. И.Т. Фролов считал, что эту проблему решает **вторая** функция философии — методологическая. Философия призвана анализировать пути познания, вырабатывать, теоретически оттачивать методы исследования. Согласно И.Т. Фролову, философия налаживает взаимодействие разных наук через взаимодействие их методов.

Третья функция философии: ценностно-регулятивная, аксиологическая, суть которой в соотнесении процесса познания с гуманистическими идеалами, в его социально-этической оценке. Важнейшее значение эта функция приобретает в познании, связанном с человеком. И.Т. Фролов считал необходимой выработку различных этических кодексов, которые бы регулировали процесс научного исследования, затрагивающий сами основы жизни человека, и подчеркивал, что возрастание правовой и этической ответственности ученых вовсе не ведет к ограничению свободы научного поиска. Просто со свободой всегда сопряжена ответственность, тем более если речь идет о будущем человечества.

Особенно опасно, когда к научному интересу примешивается интерес социальный. Никакое законодательство не остановит спекуляций в сфере продления жизни или клонирования умерших по клеточному материалу, если в сферу науки будут допущены рыночные отношения. И.Т. Фролов предлагал в случаях, когда принятие решения на эксперимент сопряжено с непредсказуемыми опасностями, отложить решение на будущее. В этом заключен глубокий социальный смысл, так как последствия — как социальные, так и биологические — такого рода экспериментов предсказать невозможно.

Кроме того, И.Т. Фролов всегда призывал не переоценивать наши сегодняшние знания о человеке. Мы можем, не зная ряда сложных корреляций,

вторгнуться в такие сферы, откуда возврата назад уже не будет. Самодовольство недостаточного знания бывает хуже незнания. Оно может породить такие формы существования, которые могут вступить в борьбу со своим прародителем — человеком, и человек с ними справиться не сможет. Этот вид отчуждения преодолеть не удастся. Сегодня мы видим, насколько эти опасения актуальны. (Стоит только ознакомиться с проектами российских трансгуманистов «Детство – 2030» и «Россия – 2045».)

И.Т. Фролов выдвинул новаторскую идею нового типа науки. В философии и методологии науки продолжается дискуссия о роли ценностей в научном познании. Весьма распространена точка зрения, что процесс научного познания не подлежит нравственной оценке. Научное познание ориентировано исключительно на поиск истины. Подобная трактовка объективности познания восходит к Декарту. Но в современном познании ситуация меняется. Классическая методология Нового времени выносила познающего субъекта «за скобки». Но сегодня любой изучаемый объект так или иначе включен в глобальную деятельность человека. Более того, все чаще наука сталкивается с ситуациями, когда в познании приходится совершать этический выбор. Особенно наглядно это видно на примере генетики человека. Поэтому ценностное измерение должно учитываться в научном познании не только при оценке полученных результатов, но и при постановке проблемы, и при выборе путей и средств исследования, и в самом процессе исследования. Соответственно в процессе научного познания возрастает роль философии.

Поэтому важнейший принцип концепции И.Т. Фролова — приоритет человека. Он подчеркивал, что разного рода технологические, экологические, конфликтологические и прочие проблемы — лишь частные случаи проблемы человека. Но почти всегда при исследовании проблем берутся за анализ частного, не видя общего. Необходимо, говорил И.Т. Фролов, перевернуть пирамиду наук так, чтобы в основании нее находилось постижение человека, чтобы этой цели служили все науки — от астрофизики до молекулярной биологии.

И.Т. Фролов был тем философом, благодаря которому в контекст науки и общественного сознания второй половины 1980-х гг. был включен принцип приоритета общечеловеческих ценностей. Согласно И.Т. Фролову, изучение глобальных проблем должно вестись комплексом наук, а решение их должно стать плодом совместных усилий всех стран. Поэтому основным принципом в решении глобальных проблем должен стать принцип приоритета общечеловеческих ценностей. И.Т. Фролов выводит этот принцип из известного Манифеста Рассела – Эйнштейна 1955 г., в котором говорилось о необходимости нового мышления в ядерный век. Мыслить по-новому значит исходить из приоритета общечеловеческих интересов над любыми частными интересами. Только так в нашу эпоху можно преодолеть отчуждение и обеспечить выживание человечества.

И.Т. Фролов выдвинул идею новой цивилизации. Можно рассматривать эту идею как своего рода прогноз будущего, когда будет решена проблема

новой гармонизации отношений между индивидом и обществом, проблема преодоления глобального социально-антропологического кризиса XX–XXI вв. Суть идеи новой цивилизации состоит в том, что будущее человечества напрямую зависит от изменения его ценностных установок, от того, станут ли доминировать гуманистические ценности. Только в обществе с такой ценностной системой возможна новая цивилизация.

И.Т. Фролов считал, что в глобализующемся мире общецивилизационные процессы начинают доминировать над формационными. Будучи причастен к формированию политической линии нашей страны в период перестройки, И.Т. Фролов сформулировал глобальную мирную стратегию. Суть ее заключалась в сотрудничестве государств с различным социальным строем в решении глобальных проблем на благо всего человечества. В этом виделся приоритет, а не в бессмысленной конфронтации и гонке вооружений.

Отсюда понятна взаимосвязь принципа приоритета общечеловеческих ценностей и принципа новой цивилизации. И.Т. Фролов в статье «Новое мышление и новый гуманизм» писал, что «в новых условиях развивающихся взаимосвязей экономического, политического, научного, культурного характера, которые все больше объединяют мир, обнаруживают его целостность, когда мы утверждаем приоритет этих целостных связей, в этих условиях мы должны научиться видеть то общее, что объединяет человечество и характеризует самого человека» [1: с. 513]. Выдвигая этот принцип, И.Т. Фролов, безусловно, заглядывал далеко в будущее. Сегодня наглядно видны попытки использовать общецивилизационные процессы интеграции в интересах узких групп, господствующих в мировой экономике. Подобная стратегия уже привела к глобальному экономическому кризису.

И.Т. Фролов обладал уникальным даром научного предвидения, который присущ лишь истинному философу. Еще в середине 1970-х гг. он писал о том, что в результате экологических проблем человеческая природа подвергается все большему испытанию. В связи с этим он ставил задачу адаптации человеческой природы к миру, сильно измененному в результате антропогенных воздействий [1: с. 514].

Важно видеть оригинальность просветительских установок И.Т. Фролова. В отличие от просветителей, считавших природу человека неизменной, И.Т. Фролов, используя выражение Маркса, говорил, что человечество находится в «абсолютном движении становления», что человеческая природа изменчива, более того, что человек сам начинает теперь формировать ее и несет за это ответственность. Он формулировал идентичность человека через постоянное отрицание им своего наличного состояния и движение к очередному идеальному состоянию. Так следует понимать высказанную им идею о том, что диалектика развития человека составляет предмет философской науки о человеке [15: с. 20].

Понимание человека у И.Т. Фролова новаторское. В нем нет каких-либо констант, нет приписывания природе человека тех или иных постоянных

качеств. Человек здесь — существо, постоянно превосходящее самого себя. И.Т. Фролов выдвигал идею нового определения человека — не только как человека разумного, но как человека разумного и гуманного. Соединение разума и гуманности он называл мудростью. И.Т. Фролов не мыслил новый гуманизм отдельно от задачи решения глобальных проблем человечества.

Важнейшими текстами, в которых И.Т. Фролов изложил учение нового гуманизма, стали его речь «К постижению человека разумного и гуманного» на XIX Всемирном философском конгрессе (1993) и статья «Новый гуманизм» [12].

В речи на Всемирном философском конгрессе в Москве в качестве одной из важнейших проблем И.Т. Фролов обозначил следующую: «...гуманистическая культура: кризис и пути выхода из него» [1: с. 538–548]. Он решительно выступил против дискредитации идеи приоритета общечеловеческих ценностей, которая велась одновременно с противоположных сторон. Против нее ополчились догматики-сталинисты в нашей стране, а на Западе — те мыслители, которые видели, подобно Хантингтону, будущее мира в виде глобального конфликта цивилизаций. Осознавая удесятирившуюся сложность проблем, И.Т. Фролов подчеркивал необходимость воспитания новых поколений в культуре мира и диалога, что сформировало бы среду, готовую воспринимать идеи нового мышления и приоритета общечеловеческих ценностей.

Главную опасность И.Т. Фролов видел в том, что современная наука, затрагивающая непосредственно человека, развивается под воздействием политических и коммерческих факторов. Гуманистическая ориентация науки существенно ослабела в последние десятилетия. И.Т. Фролов вновь, как в 60-е и 70-е годы, вынужден был говорить об опасности технократизма и сциентизма. «Чисто сциентистский и технократический подход неизменно приводит к негативным или даже трагическим последствиям», — говорил И.Т. Фролов, обращаясь к философам всего мира [1: с. 538–548]. В числе новейших проблем, стоящих перед человечеством, он назвал проблемы генной инженерии и биотехнологии и предостерегал от серьезной опасности манипуляции человеком и его природой с использованием новейших достижений науки. И.Т. Фролов все больше размышлял об этической стороне развития современной науки, о выработке системы запретов, которая позволила бы предотвратить отрицательные последствия использования новых технологий.

Вывод, который следует из этой мысли для социальной философии, состоит в том, что сегодня философские вопросы развития общества невозможно не только решать, но даже ставить вне гуманистической, социально-этической проблематики. Гуманистическая проблематика в социальной философии завязывает в единый узел вопросы социального неравенства, технического прогресса, войны и мира, будущего человечества. И.Т. Фролов обосновывал в своем докладе принципиально новый уровень, на который выходит современный гуманизм. Это — гуманизм научный. Он связан с решением комплекса глобальных проблем

и опирается на новейшие знания о человеке, добытые наукой. Поэтому новый гуманизм у И.Т. Фролова — это научный гуманизм. В статье «Новый гуманизм» И.Т. Фролов отметил, что вопрос о гуманизме определяется тем, как мы понимаем человека и философию. Он вернулся к известной в эпоху Просвещения идее «нового человека», которая позднее была дискредитирована, отчасти справедливо, отчасти злонамеренно. И.Т. Фролов обратил внимание на то, что, когда человеческое общество стало глобальным, насущной стала задача выработки идеала того, каким должен быть человек, чтобы соответствовать новым возможностям и угрозам. Жизнь вновь поставила вопрос об идеале человека. Ответ на него призвана искать философия. Для И.Т. Фролова философия только тогда соответствует своему назначению, когда она выступает как учение о человеке в мире. В этом случае она становится делом человека, востребована людьми, а не замыкается в «башне из слоновой кости».

Человеческое предназначение философии особенно проясняется в переломные периоды развития общества, к каковым, безусловно, относится и наша эпоха. Как говорил И.Т. Фролов, философия сама по себе не может спасти мир, но мир не будет спасен, если человек не начнет выверять достижения, несомые прогрессом, человеческой мерой, мерой добра, разума, справедливости [12: с. 102].

Проанализировав драматический путь развития нашей страны в XX веке, когда в жертву неопределенному будущему приносились интересы людей сегодняшних, И.Т. Фролов сделал вывод, что гуманизм не может быть отложен «на потом». С другой стороны, он отметил, что гуманные начала общежития, уважение к правам личности должны вызреть в обществе, они не могут быть привнесены в него извне. Поэтому перед обществом и человеком встает задача постепенной гуманизации общественной жизни, привнесения в нее гуманистических начал.

Анализируя, каким образом философия может сыграть свою роль в этом процессе, И.Т. Фролов отмечал, что последствия деятельности философов вначале не заметны, но постепенно меняется мышление людей, меняется система ценностей. Дело это далеко небезобидное. Оно требует борьбы с другими идеологиями, оправдывающими зло и насилие соображениями целесообразности. Поэтому философское осмысление человека имеет своим продолжением борьбу за человека. Сегодня гуманизм — это стратегия решения глобальных проблем и духовная основа общечеловеческой солидарности. Современный гуманизм подчеркивает непреходящее значение индивидуальных усилий каждого в строительстве новой цивилизации.

И.Т. Фролов отдавал себе отчет, что новый гуманизм пока во многом цель и идеал, но кое-где — и практика. Свою роль он видел в том, чтобы способствовать формированию гуманистической системы ценностей и утверждению ее через деятельность международных организаций, таких как ООН, ЮНЕСКО, ЮНЕП, международных движений за мир, разоружение, экологическую

безопасность и социальную справедливость. Сегодня мы знаем, что новый генеральный директор ЮНЕСКО Ирина Бокова заявила новый гуманизм основополагающей линией работы ЮНЕСКО [3]. Практическим аспектом философской работы в этом направлении он считал выработку принципов глобального поведения, глобальной этики.

Последними выступлениями И.Т. Фролова, в которых он затрагивал проблемы гуманизма, стали его речи на Первом и Втором российских философских конгрессах [10–11]. И.Т. Фролов сформулировал девиз Первого конгресса: «Человек — философия — гуманизм». В своей речи он заявил, что большим достижением отечественной философии считает то, что гуманизм получил у нас глобальные, общечеловеческие измерения, стал составной частью демографических, экологических, биоэтических исследований. Он закончил свою речь следующим призывом: «Наш долг — укреплять мирное сосуществование и сотрудничество в мире, чтобы не дать возобладать (в том числе и у нас) националистическим и шовинистическим амбициям, милитаристской идеологии. Наш долг — постоянно утверждать приоритет человека во всех сферах жизни» [11: с. 17–18].

В интервью по поводу I Всероссийского философского конгресса академик И.Т. Фролов высказал следующую мысль о роли философии в культуре: «Нужно обратиться к человеческим измерениям политики, экономики, науки. И если философы не будут постоянно напоминать об определенных принципах и моральных нормах, человечество очень быстро деградирует. Люди перестанут быть людьми» [5].

Анализируя концепцию гуманизма И.Т. Фролова, можно констатировать, что гуманизм является методологической и мировоззренческой ориентацией, наилучшим образом отвечающей оптимальному решению социальных проблем общества в условиях глобальных вызовов человеческой цивилизации.

Литература

1. Академик Иван Тимофеевич Фролов. Очерки. Воспоминания. Избранные статьи. М. Наука. 2001. 648 с.
2. *Ань Цинянь*. Философия гуманизма И.Т. Фролова // Вопросы философии. 2012. № 3. С. 151–162
3. *Бокова И.* Новый гуманизм в XXI веке. // Место и роль гуманизма в будущей цивилизации. М. URSS. 2013. С. 12–18.
4. *Борзенков В.Г.* На пути к единой науке о человеке // Человек. 2004. № 3. С. 66–78.
5. Интервью с И.Т. Фроловым / «Философы рано вышли из катакомб» // Новое время (Санкт-Петербург). 1997. 5 июля. С. 1.
6. *Корсаков С.Н.* Иван Тимофеевич Фролов. М.: Наука, 2006. 576 с.
7. *Корсаков С.Н.* Комплексная концепция человека в философии И.Т. Фролова. Тверь: СФК-офис. 2009. 172 с.
8. *Ли Шандэ*. Философия человека И.Т. Фролова // Яо Ин. Философия гуманизма И.Т. Фролова. М.: УРСС, 2013. 264 с. С. 169–219.

9. *Пастушный С.А.* От исследования сущности жизни к этюдам гуманизма // Иван Тимофеевич Фролов. М.: РОССПЭН, 2010. 568 с.
10. *Фролов И.Т.* Век грядущий и перспективы человека // Вестник Российского философского общества. 1999. № 2. С. 35–38.
11. *Фролов И.Т.* Вступительное слово // Человек – Философия – Гуманизм: Основные доклады и обзоры Первого Российского философского конгресса (г. Санкт-Петербург, 4–7 июня 1997 г.): в 9 т. Т. IX. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 1998. 288 с. С. 14–18.
12. *Фролов И.Т.* Новый гуманизм // Свободная мысль. 1997. № 4. С. 96–102.
13. *Фролов И.Т.* Институт человека // Литературная газета. 1985. 27 февраля. С. 3.
14. *Фролов И.Т.* О человеке и гуманизме. М.: Политиздат, 1989. 559 с.
15. *Фролов И.Т.* Перспективы человека. М.: Политиздат, 1983. 350 с.
16. *Яо Ин.* Философия гуманизма И.Т. Фролова. М.: УРСС, 2013. 264 с.

Literatura

1. Akademik Ivan Timofeevich Frolov. Ocherki. Vospominaniya. Izbranny'e stat'i. M. Nauka. 2001. 648 s.
2. An' Cinyan'. Filosofiya gumanizma I.T. Frolova // Voprosy' filosofii. 2012. № 3. S. 151–162
3. *Bokova I.* Novy'j gumanizm v XXI veke. // Mesto i rol' gumanizma v budushhej civilizacii. M. URSS. 2013. S. 12–18.
4. *Borzenkov V.G.* Na puti k edinoj nauke o cheloveke // Chelovek. 2004. № 3. S. 66–78.
5. Interv'yu s I.T. Frolovy'm / «Filosofy' rano vy'shli iz katakomb» // Novoe vremya (Sankt-Peterburg). 1997. 5 iyulya. S. 1.
6. *Korsakov S.N.* Ivan Timofeevich Frolov. M.: Nauka, 2006. 576 s.
7. *Korsakov S.N.* Kompleksnaya koncepciya cheloveka v filosofii I.T. Frolova. Tver': SFK-ofis. 2009. 172 s.
8. *Li Shande'.* Filosofiya cheloveka I.T. Frolova // Yao In. Filosofiya gumanizma I.T. Frolova. M.: URSS, 2013. 264 s. S. 169–219.
9. *Pastushny'j S.A.* Ot issledovaniya sushhnosti zhizni k e'tyudam gumanizma // Ivan Timofeevich Frolov. M.: ROSSPE'N, 2010. 568 s.
10. *Frolov I.T.* Vek gryadushhij i perspektivy' cheloveka // Vestnik Rossijskogo filosofskogo obshhestva. 1999. № 2. S. 35–38.
11. *Frolov I.T.* Vstupitel'noe slovo // Chelovek – Filosofiya – Gumanizm: Osnovny'e doklady' i obzory' Pervogo Rossijskogo filosofskogo kongressa (g. Sankt-Peterburg, 4–7 iyunya 1997 g.): v 9 t. T. IX. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 1998. 288 s. S. 14–18.
12. *Frolov I.T.* Novy'j gumanizm // Svobodnaya my'sl'. 1997. № 4. S. 96–102.
13. *Frolov I.T.* Institut cheloveka // Literaturnaya gazeta. 1985. 27 fevr. S. 3.
14. *Frolov I.T.* O cheloveke i gumanizme. M.: Politizdat, 1989. 559 s.
15. *Frolov I.T.* Perspektivy' cheloveka. M.: Politizdat, 1983. 350 s.
16. *Yao In.* Filosofiya gumanizma I.T. Frolova. M.: URSS, 2013. 264 s.

M.I. Frolova

**Problem of Humanism
in the Works of I.T. Frolov**

The article is devoted to the investigation of the role and place of the problems of humanism in the creative heritage of outstanding Russian philosopher, academician Ivan Timofeevich Frolov (1929–1999). I.T. Frolov marked a fundamentally new situation in the original relation “man – nature”: when a person becomes an object of anthropogenic impact, and nature acts as a built in human activity. Period of IR requires from humanity to rebuild their social relations and relations with nature on a harmonious basis, so that any private interests were subordinated to problem of survival and development of humanity. In this global rearrangement of thinking and practice there is a strategy to create a new civilization and a new man — not only reasonable but also humane.

Keywords: humanism; global problems; universal human values; rearrangement.

В.М. Капицын

Сложности научной квалификации прав человека

В статье проведен критический анализ прежних классификаций прав человека, благодаря переосмыслению исследований ученых-логиков, философов и специалистов юридической антропологии. Проведенная перегруппировка и выделение других подклассов прав человека более адекватны их природе, применению в теории и практике, представлению их совокупности в качестве системы.

Ключевые слова: классификация; права человека; естественные и позитивные права; информативность предикатов; позитивизм; юснатурализм; юридическая антропология.

Последовательное изучение и применение классификаций началось в древнегреческой философии. В частности, Платон и Аристотель выделяли правильные и неправильные правления. В отечественной логике вклад в исследование классификаций внесли Г.И. Челпанов, Д.П. Горский, А.А. Ивин, Ю.В. Ивлев, А.Л. Никифоров, В.Н. Брюшинкин, К.В. Воронцов и др.

Цель статьи — критический анализ общепринятой классификации прав человека (далее ПЧ), уточнение принципов научной классификации.

Научную классификацию относят к логическим операциям с понятиями. Но некоторые логики выделяют классификацию отдельно от этих операций. Г.И. Челпанов в своем учебнике логики размещал отдельно главу о классификации, причем после глав об индукции, дедукции и гипотезе [9]. Объясняется это тем, что в научной классификации наиболее строго учитываются принципы конъюнкции и дизъюнкции, устанавливаются закономерные **связи между** родами (видами), определяется место каждого из них в системе [7: с. 55], а также содержатся элементы проектирования исследования в будущем.

В обществоведении познание объектов обладает особой сложностью: довольно размыты признаки объектов, границы понятий и дистанция между означаемым и означающим; сильна зависимость исследования и аргументации от идейной ориентированности ученых. Все эти сложности выявляются при классификации ПЧ. Их изучение и институционализация приближаются к системному состоянию. Но классификация их осложнялась идеологическими причинами, проявившимися при разработке Международного билля о правах человека. Первая его часть стала Всеобщей декларацией прав человека 1948 г.

Тогда человечество подходило к расколу на два военно-политических блока. Разработка Международного пакта о правах человека, призванного дополнить Всеобщую декларацию 1948 г., в условиях «холодной» войны затянулась на 18 лет. Идеологические споры разработчиков проекта из капиталистических и социалистических стран привели к тому, что к 1966 г. подготовили не один, как предполагалось, а два Международных пакта, разделивших ПЧ на *классические* (гражданские и политические) и *остальные* (экономические, социальные, культурные). США тем не менее не подписали Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.

О подобных прецедентах в свое время предупреждал и И. Кант, а позднее Г. Коген, характеризуя элементы сознания и науки, превращавшиеся в догматические или исторические предубеждения [1: с. 158]. В самом противостоянии политиков по ПЧ отразилась теоретическая борьба естественно-правовой теории (юснатурализма) и позитивизма. Это противоречие отразил еще Т. Пейн, различавший «естественные» и «гражданские» ПЧ. «Естественные права суть те, которые принадлежат человеку по праву его существования. <...> Гражданские права суть те, что принадлежат человеку как члену общества. В основу каждого гражданского права положено право естественное, существующее в индивидуе, однако воспользоваться этим правом не всегда в его личных силах. Сюда относятся все права, касающиеся безопасности и защиты» [5: с. 204–205].

Позитивизм считает реальными правами человека те права, которые гарантируемы законом (позитивные права). А естественные права для позитивиста — это лишь потенциальные возможности (свободы); их следует относить к сфере морали, а не права. С подобной позицией соглашались доктрины социалистических стран, поскольку при социализме обеспечение людей работой, жильем, помощь семьям с детьми считались не столько личной, сколько общественной заботой. Недостаток такого подхода — поощрение патернализма государства и пассивности граждан в защите своих прав. Преимущество — обеспечение определенного уровня равенства, уверенности в завтрашнем дне благодаря фондам общественного потребления, бюджетному здравоохранению, образованию, досугу детей, недорогим услугам ЖКХ и т. д.

В юснатурализме же утверждается, что если человек свободно распоряжается своей собственностью, реализует свободу слова, собраний, выбора профессии, то обретает гражданскую ответственность, самостоятельность, успешно конкурирует на рынке труда, обеспечивает себе гарантии от социальной эксклюзии. Преимущество подхода — обозначение активной индивидуальной и групповой позиции в защите своих прав. Недостаток — установка на жесткую конкуренцию, расширяющую риски социальной эксклюзии. Страховые компании и государство компенсируют часть ущерба, но, как правило, в процессе защиты гражданских, а не социальных прав.

Так, с 1966 г. в литературе стала закрепляться такая несбалансированная классификация «общепризнанных прав человека» [8]. В Европе утвердился

принцип неделимости ПЧ, что в некоторой степени повышало статус социальных прав. Но возникли трудности объяснения неделимости ПЧ, выделения общего в классических и «остальных» ПЧ. Эта классификация страдает неполнотой деления, неоднородностью оснований деления.

Но есть и подход юридической антропологии. Он не противопоставляет два другие подхода, но показывает, как разные группы ПЧ связаны с жизненными сферами и разными субъектами, стремится включить эти связи в сложную композицию оснований классификации. Такой синтетический подход помогает сглаживать крайности. Изучается более широкий круг проблем нормативизма, процесса, конфликтов. Истоки юридической антропологии — в учениях Т. Гоббса, Ш. Монтескье, исторической школы права, юридическо-эволюционизма, христианской антропологии (Иоанн Лествичник, Иоанн Дамаскин, С. Франк, С. Булгаков), работах М. Мид, Н. Рулана, Ж.-Л. Комарова, М.М. Ковалевского, Л.Б. Куббеля, А.И. Ковлера, И.Е. Сеницыной и др. В Африке выявили четыре тысячи правовых систем; для их анализа не подходят позитивизм и юснатурализм, тем более с их уклоном к европоцентризму.

Вырабатывалась сложная композиция таких оснований классификации ПЧ, как самоорганизация жизненных сил общества для поддержания достойного существования и взаимодействия с государством. Разные группы ПЧ в ходе их познания и реализации выделяются под знаками: а) природных, телесных, культурных, производственных сред; б) взаимодействий индивидуальных, групповых, государственных, международных субъектов права. ПЧ выступают и как нормативно-ценностные рамки жизненных возможностей, и как позиции, заставляющие субъектов права выстраивать свое целеполагание в политике. ПЧ опираются на ценности разного порядка: одни определяются в процессе восприятия регулирования повседневности, другие означают способы представления и защиты прав.

К тому же толкование и тех, и других модифицируется в зависимости от специфики государств. Н. Луман показал, что системы испробуют внутренние референции, рассматривая их как абсолюты; ориентация на человека является всего лишь идеологией: современное общество стремится только к выполнению функций. Различение «свобода – ограничения» и «равенство – неравенство» в отдельных правовых порядках могут быть истолкованы совершенно по-разному. Как и всякий путь к истине, оно не поддается до конца прояснению даже с помощью многозначных логик [4: с. 57].

Исторический анализ прослеживает изменения подклассов ПЧ. Классические негативные права получили мощную поддержку в буржуазных революциях XVII–XVIII вв. Финансово-экономическое влияние буржуа дополнялось требованиями неприкосновенности личности, свобод слова, собраний, предпринимательства, выборов и т. д. Выделение негативных ПЧ наметило контуры расширения объема для дальнейшего родо-видового разветвления. Но то, что назвали не совсем точно гражданскими правами, потом обозначит круг

требований, выходящих за рамки свободы гражданского оборота и выборов, как показало движение за гражданские права в США. По мере развития общества появлялись новые и новые возможности в разных жизненных сферах общества. Это верно и для понятия «политические права», обозначившего неопределенный объем для деления на группы ПЧ, относимые к разным субъектам (индивиды, всевозможные коллективы, государство, мировые системы капитализма и социализма, международное сообщество).

Таким образом наметилось, по крайней мере, два основания деления ПЧ (жизненные сферы и политизированное участие субъектов), чего не было учтено при разработке Международных пактов 1966 г. и привело к нестрогой пятичленной классификации. Нестрого выделены «социальные» права. Их называли еще «правами второго поколения». Но они манифестировались давно в требованиях массовых слоев населения, считавшихся аутсайдерскими (крестьяне, рабочие, городская беднота). Буржуазия с их помощью побеждала в революциях, но, приходя к власти, откладывала реализацию их требований, что обусловило борьбу профсоюзов и рабочих партий за социальные интересы людей труда.

Восприятие пятичленной классификации классических и «остальных» ПЧ привело в Европе к провозглашению концепции их неделимости. Опыт показал, что игнорирование одной группы прав действительно ведет к девальвации системы ПЧ в целом. Например, если человек неграмотен, то он не может реализовать другие ПЧ. Но возникают неразрешимые логические и онтологические вопросы. Могут ли обозначаться ПЧ «общепризнанной» пятисоставной системой в XXI в., не будучи оторванными от реальности? Обостряется онтологическое и логическое противоречия гражданских, политических и остальных ПЧ, выражающиеся в виде злоупотребления правом. Трансформации 1980–1990-х гг. в СССР, а затем России, Украине, Молдавии показали, что апелляция только к политическим, редуцировала «остальные» ПЧ и нередко разрушала и государства, и саму эту систему ПЧ. Реализация прав на создание НПО, самоопределение народов, права собственности в конце 1980 и 2000 гг., сопровождалась флуктуациями, перераставшими в «оранжевые» революции, «гуманитарные интервенции». Глобализация сопровождалась не оптимизацией такой системы ПЧ, а способствовала ее разрушению, что невозможно объяснить просто «незрелостью» правовой культуры некоторых обществ.

Какие компоненты (признаки) могут включаться в объект, отражаемый понятием «группа ПЧ»? Должен соблюдаться такой принцип индуктивного вывода логических закономерностей, как информативность предикатов. Ограничимся в данном контексте простым определением информативности. Она характеризует предикат: он считается более информативным, чем более способен выделять объекты «своего» класса, по сравнению со всеми объектами «чужих» классов [3]. Конечно, в обстановке идейных столкновений в ООН в 1950–1960-е гг. трудно было учесть все требования такого принципа.

Но в научной классификации важно достижение многоклассовой и взвешенной информативности, в том числе таких логических алгоритмов, как построение «решающих списков» и «решающих деревьев» и т. д.

Группа ПЧ должна объединять однородные конкретные классы, по некоторым признакам отличающиеся от других групп. Общий признак у всех ПЧ — характеристика возможности легитимно обладать благами гуманитарного характера (право на свободу от чего-то, на обладание чем-то, на участие в чем-то). А несоблюдение ПЧ — это лишение возможности таких благ. На основе общего признака все права объединяются в класс «ПЧ», в рамках которого они группируются с помощью различающих их признаков. Уже общий признак свидетельствует, что не все блага (и ПЧ) могут быть включены в составы названных пяти общепризнанных групп ПЧ. Трудно там найти место экологическим, земельным, жилищным, семейным, репродуктивным, конфессиональным, трудовым, организационным (корпоративным) правам, праву на развитие, коллективным правам народов и ряду других.

Необходима композиция, по крайней мере, из двух оснований классификации, что вряд ли может быть рассмотрено в рамках формальной (двухзначной) логики. Исследователи отмечают, что институциональные порядки и структуры личности имеют двойной статус. С одной стороны, они — компоненты жизненного мира, где у них есть навыки солидарности и социализации как ресурсы при достижении взаимопонимания. С другой стороны, они — элементы системного, или субъектного мира, т. е. противостоят актору как элементы ситуации, которые ограничивают сферу его действия подобно фактам (событиям). В этом случае они являются темой, предметом достижения взаимопонимания [2: с. 121–122].

Юридикологический подход отражает реальность, в которой одни группы ПЧ рождаются непосредственно в самоорганизации разных сфер повседневности (антропологических констант) при обустройстве жизненного мира. Это позволяет осознавать в повседневности человеческое достоинство, институционализировать условия такого осознания. Другие группы ПЧ зависят еще и от системного мира — политических и социально-правовых форм представления и защиты прав отдельными людьми, корпорациями, государством, мировым сообществом. Такой подход выявляет композицию двух оснований: жизненного мира и системного мира [10: с. 22].

Первичное основание деления — четыре жизненные сферы (повседневность), где осуществляется самоорганизация людей. Здесь люди с помощью жизненных сил создают каналы связи, институционализируют свое поведение, создавая локальные сообщества; в них формируются общность поведения, общие способы согласования, поддержки «своих». О внутреннем нормотворчестве в таких сообществах писал, в частности, Г.Ф. Пухта, выделяя государство в широком смысле («великое общество») и части государства (корпорации — городские и сельские общины, университеты и приходы

в качестве религиозных корпораций, ремесленные цехи, т.е. союзы, «которые развили в своей внутренней жизни такую же деятельность, как и общины»). «Вследствие этого в общинах возникает деятельность, подобная законодательству, которая в противоположность последнему называется *автономией*; положения, устанавливаемые в силу этой автономии, называются *статусами*» [6: с. 342].

Это основание классификации выделяет четыре подвида «горизонтальных» жизнесферных (первичных) ПЧ:

1) **территориальные права** в жизненной сфере, концентрирующей блага территории (климат, ландшафт, земля, вода, атмосфера); люди формируют территориальную идентичность и контроль, переходящий в ПЧ — экологические, земельные, миграционные, принимающего населения, коренных малочисленных народов;

2) **естественно-антропологические права** в жизненной сфере, концентрирующей контактный контроль за человеком со стороны других (семьи, общины), образцы демографического поведения, санитарии и гигиены, совместного общежития (взаимоуважения, толерантности, разрешения конфликтов), санитарные, медицинские, семейные (детей и родителей, супругов), репродуктивные, жилищные ПЧ;

3) **духовно-культурные права** в жизненной сфере, где образцы поведения отражаются в нормах морали, ритуалах культа, религиозных предписаниях, этикете, помогают сплачивать людей в субкультурном и этнокультурном плане; отсюда конфессиональные права, права на образование, сохранение этнической культуры;

4) **агентно-профессиональные права** в сфере, концентрирующей требования агентов, воспроизводящих блага, нужные потребителям; благодаря этому обеспечиваются права гражданского оборота, владения, пользования, распоряжения имуществом; сюда можно отнести то, что привыкли называть «гражданскими» правами, имеющими характер частноправовых возможностей юридических и физических лиц в эквивалентном обмене благами; сюда примыкают и трудовые права.

Выделим теперь вторичное основание классификации ПЧ. Все эти жизнесферные права могут приниматься в зависимости от характера гарантирования и широты гарантийной солидарности: а) индивидуальные; б) коллективные (групповые, корпоративные), общественно-государственные (эгалитарные, социальные), международные (интернациональные). По вторичному основанию выявляется некая общность и различие признаков групп ПЧ. Их выделяют иногда как «личные», «политические», «социально-экономические». Но если последовательно делить их по основанию зависимости от характера (способа) гарантий, возникают группы индивидуальных (частных, личных), коллективных, государственных (солидарных), международных (интернациональных) ПЧ как процедур гарантирования.

В жизненных сферах однородные интересы осознаются сначала как локальные индивидуальные и коллективные (местные, общинные, приходские, корпоративные) ориентиры, объединяющиеся в жизнесферные правила. Потом они приобретают вид индивидуально-личных, корпоративных, общественно-государственных, интернациональных ПЧ. Таким образом, идет нормотворчество, создание правил реализации, охраны и защиты ПЧ, в результате чего формируется гражданское общество, утверждается всестороннее достоинство людей, осознаются права и обязанности.

Показанная перегруппировка ПЧ важна для представления действительной неделимой системы. Осознание и отстаивание прав в соответствии с такой классификацией, — составная часть идентификации отдельного человека, члена групп (организаций), взаимосвязанного с государством гражданина и субъекта международного права. На таком комплексном основании (композиции оснований) зиждется современное гражданство (в том числе множественное и корпоративное гражданство), права человека и гражданина как устойчивая правовая связь жителей территории и государства, а также стимулы и гарантии обращения к международно-правовой защите.

Литература

1. Белов В.Н. К 160-летию со дня рождения Германа Когена. Предисловие к переводу // Личность. Культура. Общество. 2003. Т. V. Вып. 3–4 (17–18). С. 156–161.
2. Бусова Н.А. Модернизация, рациональность и право. Харьков: Прометей, 2004. 362 с.
3. Воронцов К.В. Лекции по логическим алгоритмам классификации. URL: [www.Machine.learning.ru \(wiki images/3/3e/Voron-ML-Logic.pdf\)](http://www.Machine.learning.ru/wiki/images/3/3e/Voron-ML-Logic.pdf) (Дата обращения: 02.04.2012 г.).
4. Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001. 256 с.
5. Пейн Т. Избранные произведения. М.: Академия, 1959. 406 с.
6. Пухта Г.Ф. Энциклопедия права // История философии права / Под ред. В.П. Сальникова. СПб.: Питер, 1998. С. 325–384.
7. Рузавин Г.И. Логика и основы аргументации. М.: Проект, 2003. 304 с.
8. Саидов А.Х. Общепризнанные права человека. М.: МЗ-Пресс, 2004. 267 с.
9. Челпанов Г.И. Учебник логики. М.: Научная библиотека, 2010. 128 с.
10. Habermas J. Between Facts and Norms. Contribution to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge: MIT PRESS, 1996. 636 p.

Literatura

1. Belov V.N. K 160-letiyu so dnya rozhdeniya Germana Kogena. Predislovie k perevodu // Lichnost'. Kul'tura. Obshestvo. 2003. T. V. Vy'p. 3–4 (17–18). S. 156–161.
2. Busova N.A. Modernizaciya, racional'nost' i pravo. Har'kov: Prometej, 2004. 362 s.
3. Voroncsov K.V. Lekcii po logicheskim algoritmam klassifikacii. URL: [www.Machine.learning.ru \(wiki images/3/3e/Voron-ML-Logic.pdf\)](http://www.Machine.learning.ru/wiki/images/3/3e/Voron-ML-Logic.pdf) (Data obrashheniya: 02.04.2012 g.).

4. *Luman N. Vlast'*. M.: Praxis, 2001. 256 s.
5. *Pejn T. Izbranny'e proizvedeniya*. M.: Akademiya, 1959. 406 s.
6. *Puxta G.F. E'nciklopediya prava // Istoriya filosofii prava / Pod red. V.P. Sal'nikova*. SPb.: Piter, 1998. S. 325–384.
7. *Ruzavin G.I. Logika i osnovy' argumentacii*. M.: Proekt, 2003. 304 s.
8. *Saidov A.X. Obshhepriznanny'e prava cheloveka*. M.: MZ-Press, 2004. 267 s.
9. *Chelpanov G.I. Uchebnik logiki*. M.: Nauchnaya biblioteka, 2010. 128 s.
10. *Habermas J. Between Facts and Norms. Contribution to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge: MIT PRESS, 1996. 636 r.

V.M. Kapitsyn

Classification of Human Rights: the Logical and Anthropological Aspects

The author conducted a critical analysis of previous classifications of human rights, thanks to the rethinking of contribution of scientists logicians, philosophers and professionals of legal anthropology. Undertaking the regrouping and the allocation of other subclasses of human rights is more appropriate to their nature, the application in the theory and practice, presenting them together as a system.

Keywords: classification; human rights; natural and positive rights; informational content of predicates; positivism; yusnaturalizm; legal anthropology.

**Е.Н. Геворкян,
И.А. Васильев**

Социально-философские аспекты проблем и перспектив развития вузовской науки

Цель статьи — осветить с социально-философских позиций проблемы функционирования и развития вузовской науки. Особую актуальность сегодня вызывает проблема места и роли молодых исследователей в научных и образовательно-научных организациях, их участие в научно-исследовательской деятельности. Авторы, используя результаты полевого социологического исследования, предприняли попытку обозначить конкретные факторы и «болевы́е точки», затрудняющие эту деятельность, и наметить пути их локализации.

Ключевые слова: студенческая наука; научно-исследовательская деятельность; социологическая диагностика; информанты; статусно-престижная область.

Теретико-методологические тенденции и практики

Научное знание в современном мире, при всем его многообразии и противоречивости, имеет тенденцию к постоянному росту и развитию. Статус науки в дискурсе концепции «Образование через всю жизнь» и широко пропагандируемого «общества знаний» неуклонно повышается. При этом, по мнению Д.В. Ефременко, «производство научного знания осуществляется не столько как поиск основополагающих законов природы, сколько как процесс, увязанный с контекстом применения этого знания, с представлениями о социальных потребностях и потенциальных потребителях» [2: с. 8].

При философском анализе проблемы правильным бы было взять за основу кантовский подход к пониманию феномена «знание». С точки зрения великого мыслителя, «философ должен определить: 1) источники человеческого знания; 2) объем возможного и полезного применения всякого знания; и наконец, 3) границы разума. Последнее есть важнейшее... <поскольку> философия есть наука об отношении всякого знания и всякого применения разума к конечной цели человеческого разума...» [3: с. 332–333].

Свою основную задачу авторы видят не в анализе сущности знания и/или сущности науки, которая, по определению известного социолога науки С. Фуллера, представляет собой репрезентативную корпорацию, «где немногие говорят от лица многих» [2: с. 10–11] и характер которой так же многообразен, как и характер знания. Для нас представляет определенный научный и исследовательский интерес проанализировать философские, социально-экономические, социологические «условия и воздействия совместной деятельности определенного типа, понимание которой возможно только исходя из субъективных переживаний, представлений, целей отдельного человека — из «смысла» деятельности...» [1: с. 78]. Задачу свою авторы видят и в том, чтобы продиагностировать и выявить определенные закономерности в отношениях, в оценках агентов действия (в нашем случае студентов, занимающихся научно-исследовательской деятельностью в рамках вузовской науки) сложившихся условий и факторов, детерминирующих эту деятельность. Это позволит нам наметить определенные шаги, направленные на повышение потенциала научно-исследовательской деятельности в учебном заведении высшего профессионального образования, а также обозначить приемлемые риски при принятии управленческих решений. При этом вузовскую и, в частности, студенческую науку мы предлагаем рассматривать не только как процесс по производству нового знания, но и как процесс социального обучения, предполагающий «лучшее понимание мотиваций других акторов, развитие культуры социальной коммуникации» [2: с. 9]. В свою очередь, если мы заключаем конвенцию о том, что научное исследование представляет собой коммуникативный процесс, то он может включать в себя «сложную гамму познавательных актов... “вопрошание” и предвосхищение ответа, согласие и возражение другим участникам коммуникации» [5: с. 41].

В настоящее время в контенте функционирования и развития вузовской науки особую актуальность вызывает проблема места и роли молодых исследователей в научных и образовательно-научных организациях. За последние годы в различных научных журналах и сборниках было опубликовано значительное число статей¹, и только в единицах (двух) из них нам встретился

¹ См., например: Гохберг Л., Кузнецова И. Вузовская наука перспективы развития // Высшее образование в России. 2004. № 4. С. 107–120; Стеценко А.И. Вузовская наука и студенты // Вестник Воронежского государственного университета. 2007. № 1. С. 65–77; Андреев Г.Г. Вузовская наука, есть ли свет в конце тоннеля // Инновации. 2008. № 4. С. 69–74; Баранов А.А., Малашенко В.Н., Мурашова Н.А. Студенческое научное общество: прошлое и настоящее, перспективы // Высшее образование в России. 2010. № 2. С. 95–100; Виноградова Е.В. Вузовская наука в России сегодня: реалии и перспективы // Международный журнал экспериментального образования. 2010. № 11. С. 180–182; Климова Н.В. Интеграция вузовской науки и учебного процесса в условиях гармонизации системы высшего образования // Фундаментальные исследования. 2011. № 12. С. 306–310; Лысакова В.Ю. Современные проблемы привлечения молодежи к научно-исследовательской деятельности // Вестник ТГУ. 2011. Вып. 11 (103). С. 142–148; Кольчатов Е.Ю., Кочева М.А. Проблемы студенческой науки на современном рынке труда // Международный журнал экспериментального образования. 2012. № 9. С. 33–35; Оленина Г.В. Социальное творчество студенческой молодежи и педагогическая проблема его проектирования в сфере досуга // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 3 (40). С. 108–110; и др.

некоторый социологический анализ интересующих нас проблем функционирования и развития вузовской (студенческой) науки.

О результатах социологической диагностики данной проблемы, о том, как характеризуют студенты свое положение в научно-исследовательской структуре учреждения высшего профессионального образования, и пойдет речь ниже.

Общая информация об исследовании

Исследование¹ было осуществлено в период проведения в МГПУ 7-й Межвузовской научно-практической конференции (МНПК) «Студенческая наука» (ноябрь 2013, г. Москва). В качестве основного метода сбора социологической информации был использован метод анкетирования.

Выборка носила случайный характер, но предполагала охват большинства участников мероприятий (студентов), предусмотренных утвержденным планом. Выборочная обследованная совокупность составила 396 респондентов (табл. 1).

Таблица 1

Распределение выборочной обследованной совокупности по институтам и факультетам вуза

Институты и факультеты	Всего участников 7-й МНПК (чел.)	Доля информантов (% от общего числа участников)
Институт педагогики и психологии образования (ИППО)	93	62
Институт специального образования и комплексной реабилитации (ИСОиКР)	57	74
Социальный институт (СоцИн)	65	60
Музыкально-педагогический факультет (Музпед)	40	80
Институт математики и информатики (ИМИ)	223	15
Институт психологии, социологии и социальных отношений (ИПССО)	125	53
Институт гуманитарных наук (ИГН)	101	76
Другие институты и факультеты МГПУ (не указали структурную принадлежность)	21	100
Другие вузы и колледжи	17	100
Итого:	742	53*

* Здесь и далее в таблицах и на рисунках данные представлены в процентах.

¹ Сбор социологической информации, ее первичную обработку осуществляли руководители и специалисты отдела мониторинга реализации научно-исследовательских проектов и отдела организации и проведения научных мероприятий Управления планирования и координации научно-исследовательских работ МГПУ.

Вышеприведенные данные дают основания полагать, что в результате исследования нами была получена достоверная и объективная социологическая информация, которая позволяет сформулировать вполне обоснованные выводы.

Социально-демографические характеристики акторов исследования даны в таблице 2.

Таблица 2
Социально-демографические параметры
акторов исследования

По форме обучения:	
– бюджетная	71
– внебюджетная	13
– не указали	16
По степени образования:	
– бакалавриат	54
– магистратура	6
– специалитет	24
– аспирантура	1
– не указали	15
По полу:	
– мужчины	19
– женщины	75
– не указали	6
По возрасту:	
– 17–20 лет	45
– 21–23 года	35
– старше 23 лет	12
– не указали	8

Помимо представленных данных, 22 % респондентов указали, что до поступления в вуз они были победителями и/или участниками городских, областных всероссийских конкурсов, предметных олимпиад (турниров) и т. п. Это может свидетельствовать об определенных предпосылках для развития потенциала студенческой научно-исследовательской деятельности.

Аналитическая часть

1. *Как повысить потенциал научно-исследовательской деятельности студентов?*

Один из итоговых вопросов, заданных участникам исследования, был сформулирован следующим образом: «**Что необходимо предпринять для повышения потенциала студенческой науки?**» Всего на этот вопрос, который носил открытый характер, ответили 23 % респондентов от числа выборочной

обследованной совокупности. Ими был сформулирован 121 неформализованный ответ. Из общего количества ответов 4 % не содержали конструктивных предложений и пожеланий. Поэтому за базовое число (100 %) нами были приняты 116 неформализованных высказываний, содержащих, с точки зрения исследователей, конструктивные предложения и пожелания.

Контент-анализ и квантификация неформализованных, нередко эмоционально окрашенных, суждений — а, по мнению немецкого исследователя А. Богнера, «современный ученый должен уметь проявлять и демонстрировать миру не только интеллект, но и эмоции» [4: с. 21], — позволили сконструировать (с определенной степенью условности и допустимости) ряд тематических блоков. Эти блоки в то же время мы вправе рассматривать в качестве направлений, по которым следует действовать, чтобы повысить потенциал студенческой науки.

1. Совершенствование содержания и организации научно-исследовательского и учебного процесса (41 % от общего количества конструктивных предложений);

2. Финансирование и материальное стимулирование научно-исследовательской деятельности студентов (24 %);

3. Мотивация и активизация студенческой и преподавательской научно-исследовательской деятельности (15 %);

4. Совершенствование информационных потоков (информационной составляющей) научно-исследовательской студенческой деятельности (11 %);

5. Развитие внутривузовского и межвузовского сотрудничества, в том числе и с зарубежными вузами (9 %).

Ниже мы рассмотрим более подробно предложения и пожелания информантов, вошедшие в первый и второй блоки.

В первый блок **«Совершенствование содержания и организации научно-исследовательского и учебного процесса»** вошли суждения студентов-информантов, в которых основное внимание было акцентировано на таких аспектах, как: *«проведение большего числа научных студенческих конференций, семинаров; создание экспериментальных площадок; сопоставление целей исследований с потребностями рынка; проведение открытых занятий с представителями практикующей деятельности; преподавание науки в наиболее интересной форме; открытие студенческих научных лабораторий; разработка образовательных программ в области др. наук, отличных от специальности; обязательное углубленное изучение 1–2-х иностранных языков, семинары по проведению исследований; установка новых компьютеров в компьютерном классе, создание сильного сигнала Wai-Fai; свобода в выборе тем и взглядов на разные проблемы; издание научных работ большим тиражом и более широкая торговля ими в общедоступных книжных магазинах; возможность развиваться в избранной научной сфере без трудностей; большие практики для студентов»* и ряд других аналогичных пожеланий.

Блок «**Финансирование и материальное стимулирование научно-исследовательской деятельности студентов**» занял вторую позицию. В частности, блок включал в себя следующие точки зрения: «...*производить выплаты за участие в науке для студентов и аспирантов. Труд должен быть вознаграждён; обеспечить материальное поощрение за лучшую проектную деятельность, выдавать сертификаты; мотивировать студентов повышенной стипендией, премиями, поездками, грантами и т. д.; поощрение студентов дипломами и премиями; финансовое стимулирование; увеличить финансирование аспирантам и студентам; стимулирование зарубежными стажировками, надбавками стипендий*» и т. п.

Государство в лице Департамента образования города Москвы выделяет на развитие вузовской науки, на проведение научно-исследовательских работ (НИР) довольно значительные финансовые средства. К примеру, в 2013 г. на выполнение вузом государственных заказов в сфере различных НИР было выделено в общей сложности свыше ста шестидесяти миллионов рублей. На 2014/2015 учебный год плановая цифра финансирования по данному направлению деятельности вуза должна составить порядка двухсот миллионов.

Одной из главных трудностей, с которой сталкиваются акторы студенческой научно-исследовательской деятельности, как следует из их ответов на вопрос «*С какими трудностями сталкивается научно ориентированные студенты?*», является «**нехватка практических навыков по проведению самостоятельных исследований**». На этом акцентировали внимание 58 % респондентов.

В большей степени **не удовлетворены** уровнем своих **практических навыков** в самостоятельном выполнении научно-исследовательской работы студенты Музыкально-педагогического факультета (78 %), ИСОиКР (69 %), СоцИн'а (64 %), студенты факультетов и институтов МГПУ, не указавших свою структурную принадлежность, (62 %), и студенты ИППО (59 %).

Второй по значимости трудностью, обозначенной молодыми информантами, выступает «**нехватка личных средств на приобретение научной литературы**». На этом «препятствии» сконцентрировала внимание, в целом по обследованной совокупности, четвертая часть информантов. Особо выделили эту проблему студенты факультетов и институтов МГПУ, не указавших свою структурную принадлежность (43 %), студенты других учебных заведений, участвовавших в мероприятиях 7-й МНПК «Студенческая наука» (41 %), а также студенты ИГН и СоцИн'а (38 и 33 % соответственно).

Несколько меньшая доля респондентов (23 %) обратила внимание на «**недостаток необходимой литературы в библиотеке института/университета**». При этом больше всех на это сетовали студенты других учебных заведений (41 %) и ИГН (38 %).

И, наконец, пятая часть акторов исследования выделила такой фактор, как «**недостаточная материально-техническая база лабораторий**». Особо

не удовлетворены этим компонентом научно-исследовательской деятельности студенты ИПССО — 64 %.

2. Что позволит повысить интерес студенчества к науке?

По мнению значительного большинства информантов (71 %), фактором, который бы способствовал повышению интереса представителей студенческой молодежи к научно-исследовательской деятельности, в первую очередь выступает **«стажировка за рубежом, участие в программах обмена с зарубежными вузами»**. В большей степени указывают на стимулирующую роль данного фактора студенты ИСОиКР (87 %), ИПССО (86 %), студенты факультетов и институтов МГПУ, не указавших свою структурную принадлежность (81 %), и ИГН (72 %). Однако вопрос о том, существуют ли в реальности предпосылки для широкомасштабного использования этого стимулирующего фактора, находится по большей части в ведении ректората вуза, а также руководства институтов и факультетов.

Вторую по степени значимости позицию в этом спектре факторов занимает **«премирование (имеется в виду материальное поощрение) лучших студенческих научных исследований»** (57 %). За решение вопроса в таком формате особенно настойчиво голосовали респонденты из СоцИн'а (69 %), студенты факультетов и институтов МГПУ, не указавших свою структурную принадлежность (67 %), ИПССО (65 %) и ИГН (62 %).

Фактор **«поощрение дипломами, грамотами, сертификатами и пр.»** занимает третью ступень в выделенном нами спектре стимулирующих факторов. Он собрал 43% голосов. Чаще других на него обращали внимание студенты ИПССО (76 %) и Музпед'а (47 %).

На следующей позиции находится фактор, реализация которого зависит в большей степени от государственной образовательной политики в стране, которую проводят в жизнь высшие органы исполнительной и законодательной власти и подчиненные им управленческие структуры в сфере образования. Однако мы полагаем, что если научно-педагогическая и студенческая общественность вузов более активно выступит в поддержку данного направления, то не исключено, что такой фактор, как **«поддержка государством развития не только технических, но и гуманитарных наук»** может сыграть свою позитивную роль в плане стимулирования интереса студенчества к научно-исследовательской деятельности. Его, в качестве стимулирующего, поддержал 41 % участников настоящего исследования. При этом активнее других к этой позиции обращались студенты ИПССО (53 %), СоцИн'а (49 %), студенты факультетов и институтов МГПУ, не указавших свою структурную принадлежность (48 %) и ИГН (45 %).

3. Студенты о наиболее предпочтительных формах научной деятельности.

В первую очередь, многие респонденты (54 %) подчеркнули классические для большинства не только представителей студенчества, но и научно-преподавательских кадров формы научно-исследовательской деятельности:

научно-практические конференции, семинары, круглые столы — доклады и статьи. Наиболее активными сторонниками этих форм выступили представители студенчества ИПССО (71 %), ИГН (61 %) и других факультетов и институтов МГПУ, не указавших свою структурную принадлежность (57 %).

Несколько меньшая доля (51 %) информантов выбрала такие же, не менее классические, формы, а именно: *конкурсы, фестивали, выставки.* Больше всего данные формы научно-исследовательской деятельности поддерживали респонденты из ИППО (69 %), Музпед'а (66 %) и СоцИн'а (62 %).

Третью строку в этом списке форм научной деятельности заняли *встречи с ведущими учеными* (44 %). За них довольно активно голосовали представители ИПССО (62 %), ИСОиКР (54 %) и ИГН (48 %). В данном случае мы можем предположить, что определенный контингент студентов испытывает своего рода «информационный голод» в плане научного общения.

И лишь 29 % акторов исследования отдали предпочтение сугубо научно-исследовательскому фактору — *лабораторным исследованиям и экспериментам.* Приверженцами данной формы научной деятельности прежде всего выступили студенты из ИПССО (74 %). Возможно, в данном случае сказалась отчасти специфика гуманитарно-педагогического профиля вуза. Однако почему-то не сказали своего слова, к примеру, студенты ИМИ, для которых работа в лабораторных условиях является одним из основных условий? Можно предположить, что материально-техническая оснащенность существующих в вузе лабораторий (и не только в ИМИ) не вполне удовлетворяет научно ориентированных студентов. Что, впрочем, частично и подтверждается ответами определенного контингента информантов о встречающихся в научно-исследовательской практике трудностях.

4. О проблемах информированности.

Несмотря на то, что блок предложений и пожеланий, названный нами «Совершенствование информационных потоков (информационной составляющей) научно-исследовательской студенческой деятельности», занял в общем спектре не ведущие позиции, мы считаем целесообразным уделить этому вопросу определенное внимание. Всего *лишь треть информантов*, отвечая на вопрос анкеты: «Всегда ли вы в курсе проводимых в университете конференций, чтений, дискуссионных клубов?» ответила на него вполне позитивно — *да, всегда.*

Больше всех осведомлены о проводимых мероприятиях, судя по ответам, студенты ИПССО (65 %) и ИСОиКР (64 %). Менее всего обладают информацией такого рода студенты других учебных заведений, участвовавших в мероприятиях 7-й МНПК «Студенческая наука» (12 %), а также студенты СоцИн'а (18 %), Музпед'а (19 %) и ИППО (22 %).

Однако хотелось бы акцентировать внимание на некоторых нюансах. В вопросе, который рассматривается, были также предложены следующие варианты ответов:

– *иногда, если сообщают преподаватели (методисты)*. Его выбрали 54 % информантов. При этом больше всего на это указывали студенты СоцИн'а и Музпед'а (по 72 %) и ИППО (65 %); меньше всего — респонденты из ИПССО (32 %) и ИСОиКР (38 %);

– *иногда, если в конференциях участвуют однокурсники (14 %)*. Чаще других информируют своих сокурсников по данному вопросу студенты СоцИн'а (26 %) и других учебных заведений (24 %). Реже всего — студенты ИМИ (6 %) и ИПССО (5 %);

– *иногда, если я вижу объявление о проводимой конференции*. Этот вариант прозвучал в 16 % ответов. Наиболее часто черпают информацию из данного рода источников респонденты, представлявшие СоцИн (31 %) и ИГН (26 %); реже — студенты ИПССО, ИСОиКР и других факультетов и институтов МГПУ, не указавших свою структурную принадлежность (по 5 %).

Руководствуясь рассмотренными данными, мы имеем определенные основания сформулировать следующее предположение: менее всего объективная, достоверная и оперативная информация о мероприятиях, связанных с научно-исследовательской деятельностью в вузе, доходила до студентов из ИПССО и ИСОиКР. На то, по всей вероятности, есть как объективные, так и субъективные причины, которые требуют своего дополнительного изучения.

И еще несколько моментов об информировании. В МГПУ и в других вузах осуществляется отбор проектов для участия в конкурсе УМНИК (участник молодежного научно-инновационного конкурса). Мы предприняли попытку выяснить, что знают о нем наши информанты и хотели бы они принять в этом конкурсе участие. Ответы на этот вопрос (в целом по обследованной совокупности) распределились следующим образом (табл. 3):

Таблица 3

**Информированность респондентов
о конкурсе УМНИК и отношении к участию в нем**

Да		Нет
32	Знаю	47
6	Участвовал	51
24	хотел (а) бы участвовать со своим проектом	37

Среди наименее информированных об этом конкурсе выделяются представители ИГН (71 %), факультетов и институтов МГПУ, не указавших свою структурную принадлежность (62 %), и Музпед'а (52 %).

Более всего респондентов, указавших, что они не участвовали в конкурсе УМНИК, из ИМИ (71 %) и ИГН (70 %). Наряду с этим *наибольшее желание* участвовать в нем выразили респонденты из ИПССО (44 %) и СоцИн'а (31 %). Вместе с тем свое *нежелание* участвовать в этом конкурсе «громче» всех озвучили студенты факультетов и институтов МГПУ, не указавших свою структурную принадлежность (48 %), СоцИн'а (49 %) и ИМИ (68 %). Опираясь

на представленные данные, мы можем сделать вывод о недостаточно активной работе сотрудников отдела по внедрению экспериментальной и инновационной деятельности университета, по более широкому привлечению к участию в конкурсе УМНИК студентов, занимающихся экспериментальными научными разработками.

5. Об отношении к студенческой науке.

Актеры настоящего исследования высказали свое мнение о том, как развивается вузовская студенческая наука. С точки зрения абсолютного большинства (87 %), студенческая наука развивается очень успешно и в основном успешно. Наряду с этим сформировался определенный контингент студентов, которые считают, что данный процесс развивается в вузе не совсем успешно и совершенно не развивается (11 %). Большую неудовлетворенность, по сравнению с остальными актерами исследования, в отношении развития вузовской науки выразили студенты других учебных заведений, участвовавших в мероприятиях 7-й МНПК «Студенческая наука» (41 %), СоцИн'а (20 %), ИМИ (18 %) и факультетов и институтов МГПУ, не указавших свою структурную принадлежность (15%). Более конкретно позиции информантов в отношении внутривузовской студенческой научно-исследовательской деятельности представлены на рисунке 1.

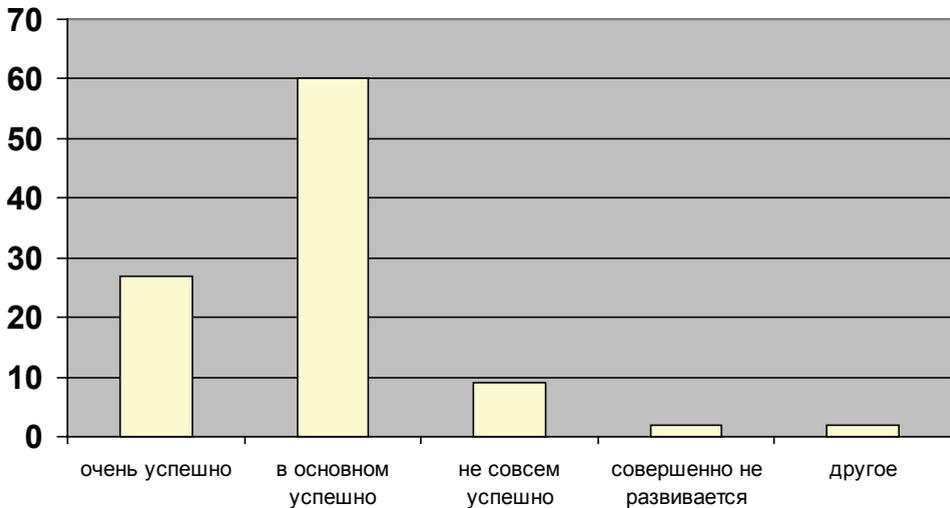

Рис. 1. Информанты о развитии студенческой науки в вузе

Фактором, характеризующим отношение индивида или группы к определенному виду деятельности, может также выступать факт участия или неучастия в тех или иных направлениях этого вида деятельности. Из всех вариантов ответов респондентов на вопрос: «В чем заключается ваше участие в научно-исследовательской работе?» преобладала позиция «подготовка курсовой/дипломной работы» — 72 %. Второе и третье место поделили такие виды

научной работы, как *«участие в конференциях, круглых столах и т.п. в качестве слушателя»* — 64 % и *«выступление с докладом на студенческих научных конференциях, семинарах и т.п.»* — 56 %. Основные же направления собственно исследовательской деятельности: *«проведение исследований во время учебно-производственной, полевой практики, экспедиций»*, *«участие в конкурсах научных работ»*, *«участие в работе экспериментальных площадок»* и *«проведение лабораторных опытов»* собрали в общей сложности лишь 59 %.

Во-первых, респонденты, в большинстве своем, под научно-исследовательской работой понимают, во-первых, направления учебной деятельности: подготовку курсовой/дипломной работы и рефератов (хотя это и не совсем так, поскольку нельзя полностью отрицать наличие в них элементов научной деятельности). Во-вторых, пассивное, в качестве слушателя, участие в конференциях, круглых столах и т.п. Больше всего подобной (пассивной) форме научно-исследовательской деятельности отдают предпочтение информанты из СоцИн'а (72 %), ИСОиКР (74 %) и ИПССО (86 %).

В ряду факторов, отражающих определенное отношение представителей студенчества к тому или иному виду деятельности, по нашему мнению, правомерно назвать их планы на будущее. В частности, мы поинтересовались, связывают ли они свою жизнедеятельность по окончании вуза с наукой (см. табл. 4).

Таблица 4

Связывают ли информанты свою деятельность по окончании вуза с наукой?

Да	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Нет	Затрудняюсь ответить	Она уже связана	Другое
12	27	22	7	23	5	1

Менее всего ориентированы на научно-исследовательскую деятельность по окончании вуза, судя по дифференцированным ответам информантов, представители студентов СоцИн'а (49 %), факультетов и институтов МГПУ, не указавших свою структурную принадлежность (48 %), Музпед'а (47 %), других учебных заведений, участвовавших в мероприятиях 7-й МНПК «Студенческая наука» (41 %) и ИМИ (38 %). Не сумели более конкретно, по сравнению с другими респондентами, спрогнозировать свое будущее в отношении научной деятельности информанты из ИППО (29 %).

И в заключение данного раздела рассмотрим точки зрения респондентов на то, как они представляют, с чем в первую очередь связано развитие науки в нашей стране. Всего на поставленный вопрос ответило 96 % акторов исследования. Бóльшее число голосов получила позиция *«развитие вузовского образования»*. На это возложили надежды 45 % от общего числа информантов. По сравнению с другими группами респондентов наиболее активно эту

позицию поддерживали студенты ИПССО (77 %), а менее активно — студенты других вузов и ИМИ (по 29 %) и Музпед'а (31 %). О том, что развитие науки в России связано с *повышением престижа страны в глазах мирового сообщества* подчеркнул 41 % респондентов. Особые надежды в этом плане опять же выразили респонденты из ИПССО (55 %). Менее всего в этом уверены студенты ИГН (30 %). В основу решения данного вопроса, полагаем, должен быть положен комплексный подход, должно быть найдено так называемое «золотое сечение».

Краткие выводы

В ходе проведенного анализа мы особое внимание сконцентрировали на тех сторонах и факторах научно-исследовательской деятельности, состояние которых вызывает у акторов определенную неудовлетворенность. Это, во-первых, обусловлено тем, что, как утверждают социальные психологи, наиболее информативными являются данные, содержащие неудовлетворенность теми или иными процессами, явлениями, факторами и т.п. И, во-вторых, как известно, «лучшее — враг хорошего», а потому модернизировать и/или реформировать то, что удовлетворяет акторов, по нашему мнению, на данном этапе не совсем целесообразно. И потому, мы полагаем, следует сосредоточить свое внимание на тех сторонах, направлениях, компонентах в контенте научно-исследовательской деятельности студентов, которые их удовлетворяют в меньшей степени.

В ходе настоящего исследования был осуществлен социально-философский анализ, социологическая диагностика ряда аспектов состояния вузовской (студенческой) науки. При этом мы постарались определить отношение участников исследования к ее формам и содержанию, выявить конкретные проблемные зоны и «конфликтные» ситуации функционирования данного феномена и предложить на рассмотрение научно-педагогической общественности наше видение некоторых перспектив и направлений его дальнейшего развития.

1. В целях повышения потенциала студенческой науки в вузе, с нашей точки зрения, следовало бы обратить первостепенное внимание на:

- совершенствование содержания и организации научно-исследовательского и учебного процессов;
- финансирование и материальное стимулирование научно-исследовательской деятельности студентов.

2. Одной из главных трудностей, с которыми сталкивается студент, участвующий в научно-исследовательской деятельности, является «нехватка практических навыков по проведению самостоятельных исследований». При этом в большей степени не удовлетворены уровнем своих практических навыков в деле проведения самостоятельной научно-исследовательской работы студенты Музпед'а, ИСОиКР, СоцИн'а, а также студенты факультетов и институтов МГПУ, не указавших свою структурную принадлежность, и студенты ИППО.

3. По мнению значительного большинства информантов, факторами, которые бы способствовали повышению интереса представителей студенческой молодежи к научно-исследовательским практикам, в первую очередь выступают: стажировка за рубежом, участие в программах обмена с зарубежными вузами; премирование (имеется в виду материальное поощрение) лучших студенческих научных исследований; поощрение дипломами, грамотами, сертификатами и пр.; поддержка государством развития не только технических, но и гуманитарных наук.

В этой связи было бы целесообразным усовершенствовать в вузе концепцию развития научно-исследовательской деятельности студентов, идеологической основой которой могло бы выступить триединство креативности, мобильности карьерного продвижения и выравнивания реальных, практических возможностей для всех акторов этого процесса. Это, в свою очередь, позволило бы повысить возможность социальной мобильности студентов, занимающихся научно-исследовательской деятельностью, и определенным образом выделить их положение в статусно-престижной области, поначалу, в студенческой страте, а в дальнейшем в страте научно-педагогической. В целях повышения потенциала вузовской науки, возможно, было бы целесообразным разработать в вузе комплексную систему материально-морального поощрения наиболее элитарной, активной группы представителей студенческой науки. Позитивную роль в решении данной задачи могла бы сыграть и разработка системы внутривузовской грантовой поддержки наиболее «продвинутых» молодых исследователей.

4. Многие респонденты выбрали наиболее классические для большинства не только представителей студенчества, но и научно-преподавательских кадров формы научно-исследовательской деятельности: научно-практические конференции, семинары, круглые столы — доклады и статьи; конкурсы, фестивали, выставки; встречи с ведущими учеными. Эти же позиции характеризуют участие студентов в научно-исследовательской работе. И лишь около трети молодых акторов исследования отдали предпочтение лабораторным исследованиям и экспериментам. В данном случае, по нашему мнению, в вузе следует уделять большее внимание экспериментально-проектной научной деятельности студентов.

5. Определенный контингент студентов испытывает некоторый дефицит в получении достоверной и оперативной информации: лишь треть информантов всегда в курсе проводимых в университете конференций, чтений, дискуссионных клубов. Менее всего объективная, достоверная и оперативная информация о мероприятиях, связанных с вузовской научно-исследовательской деятельностью студентов, доходила до акторов из ИПССО и ИСОиКР. Среди наименее информированных о конкурсе УМНИК выделяются представители ИГН, факультетов и институтов МГПУ, не указавших свою структурную принадлежность, и Музпед'а.

В плане повышения информированности студентов, занимающихся научно-исследовательской деятельностью, было бы целесообразным поработать над созданием внутривузовской/межвузовской (региональной и федеральной) инфраструктурой обмена научно-исследовательской информацией, которая обеспечивала бы доступ всех заинтересованных лиц к результатам студенческих научных исследований.

6. Почти половина респондентов связывает развитие науки в стране в первую очередь с развитием вузовского образования.

В заключение хотелось бы подчеркнуть следующее. Научно-педагогическим кадрам вуза, в целях повышения потенциала вузовской науки в целом и студенческой науки, по нашему мнению, следовало бы подумать над разработкой новой, современной концепции ее функционирования и развития. Эта концепция могла бы базироваться на сотворчестве опытных научно-педагогических кадров с молодыми исследователями. Ведь нередко идеи, высказанные начинающими учеными, могут оказаться оригинальными и далеко не тривиальными, и их, при определенной доработке, вполне могут поддержать опытные, маститые ученые. Отчасти это обусловлено и тем, что начинающие исследователи обладают «специфическими знаниями молодого поколения, выросшего в мире новых технологий» [6: с. 36]. Кроме того, сотрудничество профессионалов с молодыми учеными позволяет ученым с большим опытом научно-исследовательской деятельности лучше постичь новое и в общении с молодежью обмениваться знаниями, поскольку процесс этот взаимный. В свою очередь, по мнению Дж. Флеминг, участие молодых исследователей в совместных научных проектах не только позволяет получить им новые знания, но и «способствует профессиональному самоопределению... развивает коммуникативные навыки, повышает чувство уверенности в себе» [6: с. 36]. Такое участие облегчит будущим молодым ученым решение задач по определению своих ролевых и статусно-престижных позиций в научно-исследовательском и/или научно-педагогическом сообществе. Это, по нашему глубокому убеждению, является одной из основных целевых задач высшего профессионального образования.

Литература

1. Вебер М. Избранное. Образ общества: пер. с нем. М.: Юристъ, 1994. 704 с.
2. Ефременко Д.В. Социальные коммуникации науки в эпоху когнитивного капитализма: Введение к тематическому разделу // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: РЖ / РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. М., 2014. № 1. С. 5–12.
3. Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. 707 с.
4. Наука и общество: от информации к участию (Сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: РЖ / РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социальной психологии. М., 2014. № 1. С. 21.

5. *Огурцов А.П.* Научный дискурс: Власть и коммуникация (Дополнительность двух традиций) // *Философские исследования*. М., 1993. № 3. С. 41.
6. *Флеминг Дж.* Участие молодёжи в научных исследованиях: Путь ещё долг? // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература*. Сер. 11. Социология: РЖ / РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. М., 2014. № 1, с. 36.
7. *Bogner A.* Wissenschaft und Öffentlichkeit: Von Information zu Partizipation // *Handbuch Wissenschaftssoziologie / Hrsg. von S. Maasen, M. Kaiser, M. Reinhart, B. Sutter*. Wiesbaden: Springer, 2012. S. 379–392.
8. *Fleming J.* Young people's involvement in research: Still a long way to go? // *Qualitative social work*. L., 2011. Vol. 10. № 2. P. 207–223;
9. *Fuller S.* The governance of science: Ideology and the future of the open society. Buckingham; Philadelphia (PA): Open univ. press, 1999. P. 8.

Literatura

1. *Veber M.* Izbrannoe. Obraz obshhestva: per. s nem. M.: Yurist", 1994. 704 s.
2. *Efremenko D.V.* Social'ny'e kommunikacii nauki v e'poxu kognitivnogo kapitalizma: Vvedenie k tematicheskomu razdelu // *Social'ny'e i gumanitarny'e nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura*. Ser. 11. Sociologiya: RZh / RAN INION. Centr social. nach.-inform. issled. Otd. sociologii i social. psixologii. M., 2014. № 1. S. 5–12.
3. *Kant I.* Traktaty' i pis'ma. M.: Nauka, 1980. 707 s.
4. *Nauka i obshhestvo: ot informacii k uchastiyu (Svodny'j referat) // Social'ny'e i gumanitarny'e nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura*. Ser. 11. Sociologiya: RZh / RAN INION. Centr social. nach.-inform. issled. Otd. sociologii i social'noj psixologii. M., 2014. № 1. S. 21.
5. *Ogurczov A.P.* Nauchny'j diskurs: Vlast' i kommunikaciya (Dopolnitel'nost' dvux tradicij) // *Filosofskie issledovaniya*. M., 1993. № 3. S. 41.
6. *Fleming Dzh.* Uchastie molodyozhi v nauchny'x issledovaniyax: Put' eshhyo dolog? // *Social'ny'e i gumanitarny'e nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura*. Ser. 11. Sociologiya: RZh / RAN INION. Centr social. nach.-inform. issled. Otd. sociologii i social. psixologii. M., 2014. № 1, s. 36.
7. *Bogner A.* Wissenschaft und Öffentlichkeit: Von Information zu Partizipation // *Handbuch Wissenschaftssoziologie / Hrsg. von S. Maasen, M. Kaiser, M. Reinhart, B. Sutter*. Wiesbaden: Springer, 2012. S. 379–392.
8. *Fleming J.* Young people's involvement in research: Still a long way to go? // *Qualitative social work*. L., 2011. Vol. 10. № 2. P. 207–223;
9. *Fuller S.* The governance of science: Ideology and the future of the open society. Buckingham; Philadelphia (PA): Open univ. press, 1999. P. 8.

*E.N. Gevorkyan,
I.A. Vasiliev*

**Social and Philosophical Aspects of Problems and Prospects
of Development of Higher Education Science**

The purpose of the article is to highlight from the social and philosophical positions problems of functioning and development of university science. Of particular relevance this day is the problem of the place and role of young researchers in the scientific, educational and scientific institutions, their participation in scientific and research activities. The authors, using the results of field sociological research, undertook an attempt to designate the concrete factors and “hot spots” that impede this activity and plan the ways of their localization.

Keywords: student science; scientific and research activities; sociological diagnosis; informants; status and prestigious area.

Т.Н. Уймина

Отчуждение в образовании как тенденция современного социума

Данная статья предоставляет возможность взглянуть с исторической и философской точки зрения на проблему отчуждения в образовании, выявить причины, факторы его проявления на различных уровнях образования (в данном случае преимущественно на высшей его ступени). В статье обозначены возможные пути формирования и преодоления феномена отчуждения через тенденцию гуманизации образования средствами лично-ориентированного и гуманистического подхода. Показаны возможности и ошибки современного образования, дано философское обоснование направленности процесса отчуждения в рамках образования.

Ключевые слова: отчуждение; образование; гуманизм; лично-ориентированный подход; деятельностный подход; общественно-активный субъект.

В современной социокультурной среде мир с его многообразием деятельности, социальных отношений и культур, с различными возрастными группами не формирует тенденцию к достаточному общению человека с человеком, с обществом в том числе. Это явление убедительно демонстрирует отчуждение человека от собственной сущности. Содержание культуры — идеалы, смыслы и ценности — могут наполнять жизнь смыслом, но лишь в том случае, если человек вкладывает свои силы в дело их осуществления. Отчуждение проявляется в неспособности людей распознавать смыслы и ценности как возможности, существующие в реальных ситуациях. Сознательные представления человека о ценностях и смысле жизни становятся внешними и, следовательно, отчужденными от его реальной деятельности объяснениями, мотивировками. Попробуем разобраться в самом феномене отчуждения.

В философской системе Гегеля отчуждение занимает центральное место и рассматривается, с одной стороны, в связи с опредмечиванием (дух отчуждает себя в природе и, созерцая себя во внешней форме, приходит к осознанию своей сущности), и, с другой стороны, как несоответствие между родовой сущностью и эмпирической (индивидуальной) сущностью человека. Уже Гегель описывает ситуацию «порочного круга»: смысл действия не дан человеку в момент его осуществления, он осознаётся лишь *postfactum*.

К. Маркс рассматривает отчуждение как негативный феномен, связанный с социально-экономическими условиями, в которых трудовая деятельность не становится осуществлением творческих сил человека и не ведет его

к присвоению родовой сущности, являясь лишь средством к существованию. Отчуждение ведет к неспособности человека воспринимать общественный смысл предметов, он теряется в противоречащих друг другу требованиях различных сфер собственной жизни [6].

Экзистенциализм рассматривает отчуждение как субъективный феномен. Так, М. Хайдеггер связывает отчуждение с изначальной покинутостью сущего Бытием: лишь в моменты «стояния в Бытии» человек обретает подлинность, реализует свой смысл. Вне этой точки обозначение чего-либо как ценности становится лишь ярлыком, не имеющим ни познавательного, ни этического смысла [13]. И Ж.-П. Сартр, размещая человека в ситуации свободы, говорит о невозможности опереться на какую-либо предзаданную сущность.

Противоречие между общественной сущностью человека в марксизме и его индивидуальной неповторимостью в экзистенциализме кажется мнимым. Маркс отмечает, что «общественное» не сводится к «коллективному»: в первом случае речь идет о культуре, во втором — о формальной социальности. Чтобы оказаться в ситуации, воспринимаемой субъективно как свобода, человек уже должен в высокой степени овладеть собственным поведением — реализовать в себе родовую сущность, обретая относительную независимость от внутренних влечений и внешних требований [6].

На этой стадии развития индивидуальная сущность подчиняется закономерностям родовой сущности: поступая вопреки общечеловеческим культурным нормам, развитая личность разрушает сама себя [11]. Содержание культуры, которое человек приписывал определенным предметам или людям (фетишизм, в терминах Маркса), обретает характер внутренней инстанции — совести, вначале субъективно воспринимаемой как система внешних требований, затем — как внутренняя необходимость. Человек обретает способность к внутреннему диалогу с человечеством в форме диалога с собственной сутью, очеловеченным предметным миром.

И хотя В. Франкл, отводя важное место совести, не придает ценности «самокопанию», его ученики А. Лэнгле и Э. Лукас говорят о важности «медитативного одиночества» для диалога с «вечным Ты» [10]. Присваивая и реализуя в себе систему отношений, составляющих родовую сущность, человек рано или поздно оказывается в ситуации, феноменологически описываемой как кризис смыслоутраты, экзистенциальный вакуум [10]. Задача преодоления отчуждения встает перед ним как задача поиска и реализации уникального смысла собственной жизни, который хотя и является общественным по природе своей, но может быть действительно обнаружен только как индивидуальный.

«Принимая из социума некоторый готовый ответ на вопрос о смысле жизни, человек совершает бегство от свободы, неопределенности и одиночества ценой отказа от собственной индивидуальности» [11: с. 394]. Для того чтобы успешно переносить эту ситуацию неопределенности, действовать

в отсутствие однозначных внешних критериев или ориентиров, необходим определенный личностный ресурс, описанный как «отвага быть» (П. Тиллих), «решимость» (М.К. Мамардашвили) в философии или «жизнестойкость» (С. Мадди), «личностный потенциал» (Д.А. Леонтьев) в психологии. Открывая и осуществляя уникальный смысл собственной жизни, человек остается в ситуации экзистенциального одиночества, но преодолевает отчуждение, реализуя отношение, связывающее его с человечеством, другими людьми.

Необходимо различать, с одной стороны, собственно отчуждение, или *отчуждение от культуры, образования*, когда человек не овладел в достаточной степени культурными средствами, которые формируют «органы восприятия» смыслов и ценностей, расширяют возможности диалога с другими людьми и овладения собственным поведением; и, с другой стороны, *отчуждение от общества*, когда человек сознательно противопоставляет себя системе отношений, ценностей и смыслов, реализующейся в конкретном социуме и принадлежащей к общечеловеческой культуре, но неполной по отношению к ней [14].

Рассуждая о кризисе отечественного образования, а сегодня вообще трудно найти страну, в которой были бы довольны своей системой образования, следует учитывать, что об этом кризисе упоминали всегда. «Редко, когда какое-либо общество было удовлетворено своей системой образования. Даже в относительно благополучные времена типичны разговоры о кризисе. Поэтому важно четко сформулировать суть проблемы, чтобы выбрать оптимальные способы ее решения». «Различные философы и философские школы пытаются найти способы понимания и соответственно построения образовательных процессов, они пытаются выявить комплекс идей, которые позволили бы глубже понять и успешнее поддержать формирование индивидуальной культуры» [5: с. 5–6]. В рамках позитивного мышления современную ситуацию в системе образования адекватно было бы понимать не только как кризис, но и как естественный процесс постоянного изменения и трансформации, говорить о проблемах развития образования, поскольку оно теснейшим образом связано с человеком, который все время развивается и изменяется.

Современная российская система образования испытывает на себе двустороннее воздействие. С одной стороны, трансформирующееся общество создает условия, в которых старые образовательные принципы уже не действуют, а с другой, происходит изменение функций и роли образования во всем мире в силу перехода к информационному или постиндустриальному обществу и роста тенденций, ведущих к интеграции государственных образовательных систем (Болонский процесс и т. п.) Такая ситуация приводит к реформированию всех ступеней школы — средней и высшей. В новых условиях общественной жизни становятся актуальными активная жизненная позиция, навыки самообразования и самообучения. Для развития этого необходимо изучение сложившейся ситуации отчуждения учащихся в процессе образовательной деятельности и поиск социальных практик преодоления этого отчуждения [15].

В современной социальной теории традиционно сложились три основных подхода к изучению феномена отчуждения: универсальный, социально-психологический и социологический. Различаются они по характеру рассмотрения природы отчуждения и предлагаемых способов его преодоления. Первый подход видит в отчуждении неотъемлемую универсальную составляющую человеческого существования. Следовательно, с ней ничего не поделаешь, и остается только принять все, как есть. Таким образом, проблема снимается сама собой.

Второй подход рассматривает отчуждение как внутреннее психологическое состояние индивида, обусловленное характеристиками его личности. Поэтому для преодоления отчуждения, по мнению сторонников этого подхода, человеку необходимо пройти курс личной терапии и принять участие в психологических тренинговых занятиях. Представители третьего подхода видят причину отчуждения во внешних социальных структурах, в неравном распределении власти и ресурсов в обществе, обусловленном социально-историческими условиями. Для преодоления отчуждения в этом случае необходимо внести изменения в социальную систему, преобразовать характер взаимоотношений внутри нее. С этой точки зрения отчуждение в современном высшем образовании — это системная характеристика. Она не объяснима и не преодолима только лишь психологическими особенностями индивида. «Для преодоления отчуждения в данном случае необходимо включение учащихся, особенно старших школьников, в иные, нежели традиционное обучение, практики и формы деятельности. Достоинством социологического подхода является возможность с его помощью предложить реальные способы преодоления отчуждения» [9: с. 49].

В российской социологической школе наиболее адекватным в исследовании проблемы отчуждения является деятельностный подход, рассматривающий образование как специфическую деятельность личности, а личность как субъекта этой деятельности. Отчуждение проявляется в невозможности творческого самовыражения учащегося, в том, что человек превращается в пассивный объект процесса, в который он вовлечен, но над которым не властен. Это приводит к утрате осмысленной связи с внешним миром. Основная ценность субъективного жизненного мира — это взаимопонимание. Система же оценивает все с функционально-практической точки зрения, инструментальности, полезности в достижении поставленной цели. Колонизация жизненного мира приводит к тому, что люди, создав себе на пользу социальные структуры, становятся их рабами, отчужденными от своей деятельностной сущности.

Все причины, воспроизводящие отчуждение в школьном и профессиональном образовании, можно классифицировать по трем видам:

- внешние, или контекстные по отношению к системе образования;
- внутренние, находящиеся в ней самой;
- связанные непосредственно с личностью студента.

К внешним, контекстным влияниям относятся социально-экономическая и политическая ситуация в стране, положение на рынке труда выпускников высших учебных заведений, отношение к высшему образованию в обществе со стороны работодателей и других социальных институтов и т. д. К внутренним — сама модель образования, тип взаимодействия между студентами и преподавателями, методы, качество и условия обучения, другими словами, организация учебного процесса (планирование и рейтингово-модульная система оценки успеваемости, информационно-методическое обеспечение), уровень преподавания и использование педагогических технологий обучения и др. К внутриобразовательным факторам относятся проблемы системы образования, связанные с тем, что в России сложилось несоответствие системы образования новым социально-культурным и социально-экономическим условиям.

К причинам, связанным с самими студентами, относятся: психологическое состояние учащегося в процессе получения образования; отношение студента к занятиям; внутренняя мотивация, связанная с саморазвитием, раскрытием собственного потенциала, обретением новых знаний, и внешняя мотивация, направленная на достижение высокого положения, престижа в обществе, высоких заработков.

На сегодняшний день прослеживаются три группы мотивов поступления в вуз. Первая характерна в основном для крупных городов, где высшее образование обладает самодостаточной ценностью и является необходимым знаком поддержания и воспроизводства социального статуса. Вторая группа рассматривает высшее образование как канал социальной мобильности и гарантию дальнейшего трудоустройства. Третья группа рассматривает обучение в высшей школе как определенную социальную гарантию. Высшее образование может играть и играет роль социального «холодильника» или «кладовой», где молодежь пытается укрыться от безработицы, службы в армии, сложностей самостоятельной жизни. Роль вуза в качестве социальной защиты приводит к тому, что непосредственно образовательные мотивы и цели становятся вторичными, а следовательно, растет степень отчужденности учащихся от процесса освоения знаний, незаинтересованность их в этом. Еще один фактор мы можем обозначить как «генетический» — это формирование системы общего образования в отрыве от семьи.

Отчуждение учащейся молодежи в высшем образовании проявляется в конкретных формах. Первый вид — отчуждение студента от изучаемого им материала. Это происходит, поскольку изучаемое и осваиваемое учащимися знание изначально оторвано от своего источника и предстает в виде информации в учебном пособии вне понимания применения и значимости такового. Второй вид — отчуждение студента от учебного процесса, который становится чуждой деятельностью, не приносящей внутреннего удовлетворения и не определенной мотивационными процессами самого субъекта. Латентные

функции института высшего образования фактически стали превалирующими, оттеснив на второй план явные функции — получение знания и социализацию в профессиональной среде в силу неадекватности выбора профессии, невозможности реализоваться в постучебный период. Третий вид — отчуждение студента от своей человеческой природы, родового бытия, нарушение семейных традиций. Современный студент не рассматривает свою учебу как способ развития своей сущности, как продолжение семейных традиций, самореализации и самосовершенствования, у него не формируется образ собственного жизненного пути, не осознается свое призвание, а преобладает чувство временного пребывания в иной социальной среде и возможности прогнозировать практическую, материализованную ценность процесса и его результатов при удачном стечении обстоятельств. Четвертый вид — отчуждение студента от других людей, в первую очередь, от таких же, как он, студентов, затем от преподавателей. Это происходит от отсутствия общего поля переживаний, открытого общения в совместном творчестве, от утраты живой творческой коммуникативной среды и перехода в рамки технократического общения.

Практикой преодоления отчуждения на данном уровне образования можно назвать субъективирование, поскольку оно проецирует проявление в индивидуе таких качеств субъекта деятельности, как самостоятельность, активность и творчество. Отчужденная личность в полном смысле этого слова субъектом не является, она есть пассивный объект воздействия внешних сил. Основными элементами субъективирующих социальных практик являются: личная заинтересованность в обучении, наличие у студента собственного смысла, мотивация, ценность самообразования; творчество; включенность в практическую деятельность; акцентирование внимания на развитие отношений в ходе совместной деятельности, ориентация на сотрудничество, коммуникационность.

Социальные практики преодоления отчуждения можно классифицировать по различным основаниям. По инициированности (начало процесса): субъектно-объектная деятельность, определенная рамками инициированной деятельности. По целевой направленности (результат процесса): направленные на научно-теоретическую деятельность; направленные на профессионально-практическое развитие; направленные на самореализацию в сфере, не связанной с профессиональной деятельностью; гедонистические, ориентированные на развлечения и удовольствия; направленные на личностный рост; смешанные, т. е. видовая характеристика типологии деятельности. По включенности в социальную деятельность (среда, связь с другими социальными институтами): включенные; не включенные, находящиеся на стадии вхождения. По количеству включенных людей (характеристика процесса): индивидуальные; коллективные (типология групповой деятельности: количественные и деятельностно-существующие). По времени существования (характеристика процесса): одномоментные или кратковременные; долгосрочные.

Для преодоления отчуждения студенческой молодежи от образовательного процесса необходимо при подготовке к профессии учитывать и уделять внимание «метапрофессиональному» уровню, аспекту отношений. Это возможно при построении неформальных форм взаимодействия между студентами и преподавателями. Также необходимо включение в процесс образования активных форм обучения, способствующих проявлению инициативы у учащихся.

На сегодняшний день наиболее сформировавшимися и сложившимися субъективирующими практиками в системе высшего образования, согласно нашему исследованию, являются:

- инициированные структурой образовательного учреждения отделения дополнительного образования;
- инициированные отдельными преподавателями учебные авторские мастерские;
- культурно-развлекательные практики, способствующие проявлению творческих способностей учащихся.

Остро стоит проблема педагогической коррекции морального отчуждения. Основным фактором в решении этой проблемы является создание гуманной личностно-ориентированной среды в вузе. Практическая реализация идеи гуманизации в этом процессе связывается с системой социально-педагогического сопровождения студентов, находящихся в состоянии морального отчуждения.

Современное состояние социально-экономической и духовной сфер общества свидетельствует о массовых явлениях отчуждения и национальной обособленности, провалах в моральном аспекте, нарушениях взаимосвязи между национальными культурами, людьми — носителями разных мировоззренческих и нравственных взглядов, особенностях менталитета. Нынешний век принес обществу значительные нравственные потери, породил у людей «социальную глухоту», замкнутость на собственных проблемах, акцентирование на субъективных жизненных проявлениях. Поставлена под угрозу одна из главных гуманистических ценностей — взаимообщение и взаимопонимание, т. е. межличностная субъектно-субъектная активность, возможность слушать и слышать ближнего и рядом «стоящего», а также духовно-нравственное и физическое здоровье человека. Произошла подмена межличностной коммуникации на внутриличностное погружение и неприятие извне какой-либо помощи или корректировки.

Данное положение в обществе нельзя назвать чем-то новым и ранее неизвестным. Проблемой отчуждения людей друг от друга, отчуждения от морали, добра и справедливости, экономической составляющей занимались выдающиеся философы и психологи прошлого, как зарубежные, так и отечественные. Мы рассматриваем моральное отчуждение личности как отчуждение ее от добра, справедливости, традиционных нравственных ценностей общества,

и, как следствие этого, — дисгармонию в отношениях личности со значимыми близкими и с миром (его ценностями, нормами поведения, законами). Дисгармония проявляется в деятельности и общении, во внутренних переживаниях.

Учитывая, что молодые люди уже не поддаются тем методам воспитания, которым доступен ребенок, у них есть своя воля, свои убеждения, более или менее определенное самосознание, а потому они гораздо менее доступны схематическому воздействию, мы рассматриваем процесс педагогической коррекции морального отчуждения не только как деятельность педагога, направленную на нравственное развитие личности, но и как деятельность, направленную на поиск путей совершенствования среды, в которой формируется личность. Этот весьма важный гуманистический аспект образования мы встречаем в работах Е.В. Бондаревской по проблемам педагогической культуры, гуманизации педагогического процесса, личностно-ориентированному образованию и воспитанию [4].

Среда — это все, среди чего в окружающем мире находится и развивается личность. В понятие среды входят социальные, культурные, экологические факторы и природные условия жизни людей. Проблема создания гуманной личностно-ориентированной среды в различных образовательных учреждениях, идеи гуманизации образования, теории воспитания гуманной личности в различных педагогических системах, концепции личностно-ориентированного обучения и воспитания направлены на решение общей цели — коррекции отчуждения личности от нравственных норм общества, от других, от себя [1].

Проблема гуманизации образования поднималась многими великими педагогами в разные периоды (Ш. Амонашвили, П.П. Блонский, Януш Корчак, В.А. Сухомлинский, Л.Н. Толстой, К.Д. Ушинский и др.). Гуманизация образования — это гуманное (человеческое) отношение к ученику, умение видеть в нем человека и принимать его таким, какой он есть, а не пытаться его «подогнать», переделать [3].

Гуманистический подход связывает педагогическую коррекцию морального отчуждения с очеловечиванием учебного процесса, с учетом основных характеристик человека, который учится — общие, отличающие человека от всего остального, и индивидуальные, возрастные, групповые (например, особенности в здоровье, общении, познании и др.). Б.М. Бим-Бад напрямую связывает цель образования и духовное развитие личности: главная цель общего образования — духовное развитие личности [2].

Создание гуманной личностно-ориентированной системы в вузе, направленной на педагогическую коррекцию морального отчуждения, предполагает:

- 1) принять концепцию образовательного процесса не как соединение обучения и воспитания, а как развитие индивидуальности, становления способностей, где обучение и воспитание органически сливаются;

- 2) выявить характер взаимоотношений основных участников учебного процесса — администрации, учителей, учеников, родителей;

3) осуществлять поиск путей совершенствования среды, в условиях которой формируется личность.

Реализацию идей гуманизации, личностно-ориентированного образования в процессе педагогической коррекции морального отчуждения мы связываем с системой социально-педагогического сопровождения, которая может трактоваться как помощь субъекту развития в формировании ориентационного поля развития, ответственность за действия в котором несет сам субъект. Опираясь на то, что личность — это единство психических свойств, составляющих ее индивидуальность, система социально-педагогического сопровождения реализует в своей технологии важный психолого-педагогический принцип индивидуального подхода, согласно которому в учебно-воспитательной работе учитываются индивидуальные особенности каждого студента.

В свете теории социально-педагогического сопровождения технология педагогической коррекции морального отчуждения представляет собой сопровождение студентов в значимых для них системах отношений: студенты и родители, студенты и преподаватели, личность и личность (группа), группа и группа, личность и я, направленное на гармонизацию отношений студентов к миру, окружающим, себе. Личностно-ориентированная система социально-педагогического сопровождения создает условия для самопознания, самосовершенствования, самовоспитания, стимулирует студента к совершению осознанных, нравственных поступков. В результате студент:

- получает возможность взглянуть на себя изнутри и извне;
- сравнивает себя с другими студентами, оценивает свои поступки и поведение, учится принимать себя и других в целом, а не как совокупность хороших и плохих черт характера;
- вырабатывает силу воли, учится управлять собой через постоянное влияние на учебные и жизненные ситуации;
- учится преодолевать собственные эмоциональные барьеры;
- учится продуктивному общению путем достижения гармонии с окружением.

Все это способствует эффективному процессу преодоления отчуждения студента. Студент сознательно или стихийно мобилизует свои ценные качества. В то же время он компенсирует или как-то преодолевает те качества, которые препятствуют достижению успеха.

Существует большое противоречие между требованием профессиональной подготовки и стремлением к человеческому совершенствованию в смысле формирования «высокого сознания». А именно они (моральные и духовные ценности = сознание) и есть главное, к чему должен стремиться человек, чтобы достичь полной самореализации. Профессиональное совершенство необязательно выливается в совершенство человеческое, так как эти две сферы, как правило, не соприкасаются. Исключением являются педагогические профессии. Образование действительно расширяет культуру человека и по-

зволяет получить профессиональную подготовку, но жестко программирует его, заключая в определенные идеологические и поведенческие рамки, чем ограничивает интеллект и творческие способности [8: с. 426].

Литература

1. *Бессонов Б.Н., Бирич И.А.* Образование и гуманизация общества: монография. М.: МГПУ, 2013. 196 с.
2. *Бим-Бад Б.М.* Педагогическая антропология: учеб. пособие. М.: Изд-во УРАО, 1998. 576 с.
3. *Бирич И.А., Панченко О.Г.* В поисках новой методологии отечественного образования: история, современность, прогнозы: монография. М. – Екатеринбург: Урализдат, 2010. 256 с.
4. *Бондаревская Е.В.* Методологические стратегии личностно ориентированного воспитания // Известия Российской академии образования. 1999. № 3. С. 23–32.
5. *Гусинский Э.Н., Турчанинова Ю.И.* Введение в философию образования. М.: Логос, 2000. 224 с.
6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 54 т. Т. 42. М., 1955. С. 41–178.
7. *Маркузе Г.* Одномерный человек. М.: ООО «Изд-во АСТ», ЗАО НПП «Ермак», 2003. 331 с.
8. *Мораль XX века: пер. с исп. / Дарно Салас Соммер.* М.: ООО Издательский дом «София», 2004. 508 с.
9. *Спирин А.Д.* Личность и отчуждение: логико-мировоззренческие основания постановки проблемы. Кемерово, 1999. 95 с.
10. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 366 с.
11. *Фромм Э.* Концепция человека у К. Маркса // Душа человека. М.: Республика, 1992. С. 375–414;
12. *Фромм Э.* Революция надежды // Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993. С. 218–357.
13. *Хайдеггер М.* Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. 341 с.
14. *Шайхитдинова С.К.* Информационное общество и «ситуация человека»: Эволюция феномена отчуждения. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2004. 306 с.
15. *Шунгуров М.В.* Человек: бытие и отчуждение: опыт антропологической герменевтики = Man: being and alienation. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. 1999. 375 с.

Literatura

1. *Bessonov B.N., Birich I.A.* Obrazovanie i gumanizaciya obshhestva: monografiya. M.: MGPU, 2013. 196 s.
2. *Bim-Bad B.M.* Pedagogicheskaya antropologiya: ucheb. posobie. M.: Izd-vo URAO, 1998. 576 s.
3. *Birich I.A., Panchenko O.G.* V poiskakh novoj metodologii otechestvennogo obrazovaniya: istoriya, sovremennost', prognozy': monografiya. M. – Ekaterinburg: Uralizdat, 2010. 256 s.
4. *Bondarevskaya E.V.* Metodologicheskie strategii lichnostno orientirovannogo vospitaniya // Izvestiya Rossijskoj akademii obrazovaniya. 1999. № 3. S. 23–32.

5. *Gusinskij E'.N., Turchaninova Yu.I.* Vvedenie v filosofiyu obrazovaniya. M.: Logos, 2000. 224 s.
6. *Marks K., E'ngel's F.* E'konomicheskio-filosofskie rukopisi 1844 goda // Marks K., E'ngel's F. Soch.: v 54 t. T. 42. M., 1955. S. 41–178.
7. *Markuze G.* Odnomerny'j chelovek. M.: OOO «Izd-vo ACT», ZAO NPP «Ermak», 2003. 331 s.
8. *Moral' XX veka: per. s isp. / Darno Salas Sommer.* M.: OOO Izdatel'skij dom «Sofiya», 2004. 508 s.
9. *Spirin A.D.* Lichnost' i otchuzhdenie: logiko-mirovozzrenchesie osnovaniya postanovki problemy'. Kemerovo, 1999. 95 s.
10. *Frankl V.* Chelovek v poiskax smy'sla. M.: Progress, 1990. 366 s.
11. *Fromm E'.* Konceptsiya cheloveka u K. Marksa // Dusha cheloveka. M.: Respublika, 1992. S. 375–414;
12. *Fromm E'.* Revolyuciya nadezhdy' // Psixoanaliz i e'tika. M.: Respublika, 1993. S. 218–357.
13. *Xajdegger M.* Pis'mo o gumanizme // Problema cheloveka v zapadnoj filosofii. M.: Progress, 1988. 341 s.
14. *Shajxitdinova S.K.* Informacionnoe obshhestvo i «situaciya cheloveka»: E'voluciya fenomena otchuzhdeniya. Kazan': Izd-vo Kazanskogo un-ta, 2004. 306 s.
15. *Shungurov M.V.* Chelovek: by'tie i otchuzhdenie: opy't antropologicheskoy germenevtiki = Man: being and alienation. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta. 1999. 375 s.

T.N. Uimina

Alienation in Education as a Tendency of Modern Society

This article provides an opportunity to look from a historical and philosophical perspective on the problem of alienation in education, identify the causes, factors of its manifestations at different levels of education (in this case, mainly in its higher stage). In the article the author denoted possible ways of forming and overcoming the phenomenon of alienation through the trend of humanization of education by means of a person-centered and humanistic approach. The possibilities and errors of modern education are shown, the philosophical foundation of directivity of alienation process in the limits of education is given.

Keywords: alienation; education; humanism; person-centered approach; the activity approach; socially active subject.

В.М. Кондратьев

О мотивации к самопознанию как о задаче философии

Статья посвящена вопросам теории и практики развития мотивации к самопознанию как задаче философии.

Ключевые слова: философия; человек, самопознание, мир человека, мотивация.

Философия, по известному выражению Гегеля, есть эпоха, схваченная в мыслях. Редко кто из преподавателей не воспроизводит это высказывание на первой лекции, знакомя студентов с предметом философии. Но можно ли, основываясь на этом высказывании, пытаться понять самого себя, свое сознание и мышление? Наверное, мы должны сказать «да», таким путем можно познать самого себя, если осознавать, что знание эпохи — это мое знание, мои мысли, даже если они почерпнуты из кладовой мысли человечества. Хотя индивидуальное знание всегда ограничено, оно, тем не менее, позволяет индивиду успешно жить в его собственном мире, как и многим другим людям, особенно не задумываясь о границах своего знания, о горизонтах познания, как и о бесконечности мироздания. Но если признать правоту последнего суждения, то возникает вопрос о роли философии в жизни человека: почему нужно изучать эту дисциплину? Или даже иначе: для чего нужно знание самого себя?

Вопрос же о знании других, о тех, кто нас окружает, напротив, всегда был востребован, всегда интересовал людей, ибо без знания особенностей своих партнеров, друзей или врагов нельзя эффективно взаимодействовать с ними. В познании других большинство из нас доверяет высказыванию евангелиста Матфея: «По плодам их деяний узнаете их» [4]. О плодах деяний других обычно мы узнаём по результатам их действий во внешнем им мире. Однако о себе мы, как правило, не судим по плодам лишь своих внешних деяний. Причина чего кроется, наверное, в наличии внутренней жизни человека, внутренних деяний, о плодах которых мы не судим столь строго, как о внешних. И дело здесь не только в доброжелательном отношении к себе, а скорее в *недостаточной мотивации к самооценке* целей своих действий, возможностей их достижения. Но если бы человек обладал достаточной мотивацией, то для ее реализации были бы нужны знания и навыки ее осуществления. Именно различие этих навыков и знаний у студента и преподавателя проявляется на экзамене по любому курсу, философия здесь не исключение. Можно предположить, что задача философии заключается в формировании навыков и мотивов *самооценки* действий человека как ступеней его самопознания. Философия в таком случае оказывается учением о самопознании и о развитии мотивации к нему.

Одним из возможных оснований формирования мотивации к самопознанию является осознание и оценка своего положения в мире, возможностей его улучшения. Смысл вопросов И. Канта о том, «Что я могу знать? Что я должен делать? На что я смею надеяться?», заключается именно в выявлении возможностей самоопределения человека в мире [5: с. 438]. И предпосылкой ответа на них является ответ на вопрос «Что такое человек?» [5: с. 438]. Если осознание своего положения в мире предполагает знание этого мира, то основанием оценки своего места в нем служит отношение к ценностям. Следовательно, аксиология является одним из оснований осмысления всего этого процесса. Познание эпохи, свойственных ей ценностей, в этом случае оказывается условием самопознания и формирования мотивации к нему.

К верному ли выводу мы пришли? Скажем «да», ведь не случайно рефлексия и самопознание признаются специфическими функциями философии, а проблема идентичности — одной из ключевых проблем образования человека. Еще древние греки признавали важность самопознания. «Знай себя», — наставлял современников лакедемонянин Хилон, один из семи мудрецов Древней Греции. Можно сказать, что проблеме самопознания во все времена уделялось пристальное внимание, а мотивации к самопознанию (к занятию философией) — в значительно меньшей и различной для каждой эпохи степени. В эпоху Средневековья желание христиан познать Бога служит мотивом познания самого себя. Так, в «Исповеди» Блаженного Августина говорится: «Я буду искать Тебя, Господи, взывая к Тебе, и воззову к Тебе, веруя в Тебя...» [1: с. 8]. И это искание Бога Августин осуществляет в себе, в познании себя. «Меня не было бы, Боже мой, вообще меня не было бы, если бы Ты не был во мне. Нет, вернее: меня не было бы, не будь я в Тебе» [1: с. 9]. Если признать наличие Бога в человеке, то самопознание невозможно без знания Бога как части себя. Речь идет, конечно, не о физическом, а о духовном единстве человека с Богом. Однако духовное или интеллектуальное единство складывается в процессе жизни каждого человека с другими людьми, является всеобщим способом его существования. Самопознание оказывается не только познанием содержания своего внутреннего мира, но и способа своего существования. В таком случае процесс самопознания должен быть ориентирован на познание духовного единства человека с другими людьми, с их внутренним миром, с продуктами их духовной или интеллектуальной деятельности. О том, что это единство не бесконфликтно, красноречиво говорит известное высказывание Аристотеля: «Платон мне друг, но истина дороже».

Осознанию подлежат не только возможности и обязанности (долг) человека, о чем говорят вопросы Канта, но и его желания: «что я хочу делать?» или «как я хочу жить?», «ради чего?», «в чем смысл моей жизни?». Поиски ответов на эти вопросы способствуют не только самопознанию, но и становлению самостоятельности человека как основы его личности. Так как человек существо не только духовное, но и физическое, то самопознание распространяется и на познание материальной сферы жизни человека, его природных

и приобретенных потребностей. Изучению последних посвящено немало трудов. Одним из итогов этого познания является пирамида потребностей А. Маслоу, вершину которой занимает потребность в самоактуализации, осуществление которой зависит от самопознания [6].

Чем же объясняются различия в оценке значимости самопознания и в мотивации к нему в различные исторические времена? Во-первых, тем, что познание окружающего мира исторически первично, ибо оно способствует удовлетворению первичных потребностей человека. Лишь осознание положения человека в мире, его мифологическое и религиозное сперва, философское и научное объяснение позже ведёт к самопознанию. Вопрос о природе богов, волнующий древних греков и римлян, трансформировался в вопрос о роли богов в жизни людей, о взаимодействии человека и Бога [9]. Осмысление соотношения единого и многого служит в греческой философии основой для понимания единства Бога и человека, как и единства общества и человека [8]. Но знание этого единства не раскрывает особенных черт индивида. Выявление последних возможно уже на другом основании — на учении о наличии трёх миров жизни человека: внутреннего мира, мира ближайшего окружения и внешнего человеку мира [7]. Изменение роли каждого из миров в процессе взросления человека побуждает человека к самопознанию, и если оно происходит, то жизнь становится гармоничной, а человек — более самостоятельным. Самопознание не обязательно идеальный процесс. Артист познаёт себя на сцене, спортсмен — на спортивной арене, а военный летчик — в воздушном бою. Можно сказать, по деяниям своим я узнаю себя, и результаты познания мотивируют дальнейшее самопознание.

Внешние условия жизни человека (государство, общество) влияют, конечно, на жизнь его внутреннего мира, увеличивая или уменьшая его мотивацию к самопознанию. Прямую зависимость между ними установить трудно. Можно лишь предположить, что при более справедливой организации общества мотивация к самопознанию уменьшается. Характерное для современного общества резкое увеличение роли информации имеет следствием, на наш взгляд, снижение мотивации к обретению знания и к самопознанию. Противостоять этой тенденции — задача современного образования.

В этой связи обратим внимание на учебно-методическую сторону исходной для наших рассуждений проблемы. *Как можно познать эпоху? Как схватить ее в мыслях? Нам известны формы существования самой мысли — идея, понятие, суждение. Они выступают средствами познания. Благодаря им человек формирует собственную идеальную реальность, которой противостоит реальность материальная. Суть образования такова, что человеку необходимо познать собственную идеальную реальность, и внешнюю ему материальную реальность, их соотношение. Следовательно, только тот может схватить эпоху в мыслях, кто различает идею, понятие и суждение и видит их единство, их взаимосвязь, идеальную реальность и материальную.*

Однако мысль имеет не только форму, но и содержание, источником которого служит жизнедеятельность человека. Таким образом, благодаря свойству мысли представлять общее, отталкиваясь от частного, человек познаёт окружающий его мир, свойственную ему эпоху. Участвуют ли в познании эпохи чувства человека? Да, конечно, но чувства у каждого человека свои, свое восприятие цвета, звука, запаха. Но есть и общее в чувственном восприятии мира, подмеченное поэтами в известном высказывании: если мир дал трещину, то она проходит через сердце поэта (Гейне, Гёте). Нужно ли исключать общность чувств из характеристики эпохи? Полагаем, нет, не нужно. Согласимся с возможным возражением: наиболее выразительную форму общности чувств придает искусство, но безразлична ли к ним философия? Вновь скажем, *нет*, не безразлична. Иначе философия не занималась бы познанием добра, красоты, свойств души и духа. Видимо, в характеристике философии как эпохи, схваченной в мыслях, Гегель отразил лишь одну (рациональную) сторону философского познания мира. Правда, упрек в односторонности характеристики любого объекта противоречит диалектической сути философского мышления Гегеля.

Позволяет ли наш краткий анализ высказывания Гегеля считать философom лишь того, кто способен схватить эпоху в мыслях? Полагаю, что данному критерию не соответствует большинство живших и живущих философов. Скорее всего, лишь те, кто создал свою философскую систему (Платон, Плотин, Гегель), удовлетворяют названному критерию. В характеристике же современной эпохи мы встречаем спектр различных социальных учений (индустриальное, постиндустриальное, информационное, индивидуализированное, сетевое общество), отражающих ее различные измерения, но не схватывающих целостность эпохи. Поэтому обратимся к поиску иного критерия, характеризующего философию.

Творчество Гегеля позволяет его назвать — отношение к решению основного вопроса философии, вопроса об отношении мышления и бытия или, несколько проясняя формулировку, вопроса об отношении мышления (того, что происходит в голове человека) и реальности (того, что находится вне головы). Наверное, каждый человек в процессе своего взросления так или иначе решает этот вопрос, поэтому правомерно считать каждого человека потенциальным философом. Поэтому не случайно исследованием философских проблем занимались представители разных профессий: русский писатель А.Н. Радищев, физики А. Эйнштейн и В. Гейзенберг, да и Иммануил Кант пришел в философию из науки.

Интересен опыт самопознания Н.А. Бердяева, посвятившего самопознанию специальную монографию [2]. Интересен и в теоретическом, и в практическом плане как опыт самопознания русского человека. Предметом (принципом) самопознания в монографии выступают *деяния* философа, его искания смысла жизни человека. Сказанное не означает, что мыслитель не придает в этом поиске значения своим индивидуальным свойствам, физическим,

психическим и интеллектуальным, особенностям своего характера, своим знаниям, увлечениям, своим достоинствам и недостаткам. Напротив, в «Самопознании» отмечаются присущие ему чувства: «...мне было чуждо чувство вкоренённости в землю», «нелюбовь ко всему родовому — характерное мое свойство. Я не люблю семьи и семейственности...» [2: с. 14]. «У меня всегда было очень слабое чувство сыновства» [2: с. 15]. Отмечает он и «чувство греховности собственности» [2: с. 20]. Особенно характерным для себя философ считал чувство чуждости. «Я мучительно чувствовал чуждость всякой среды, всякой группировки, всякого направления, всякой партии. Я никогда не соглашался быть причисленным к какой-либо категории» [2: с. 45]. «Во мне самом мне многое было чуждо» [2: с. 45]. «В моем “я” есть многое не от меня. В этом сложность и запутанность моей судьбы» [2: с. 41].

Н.А. Бердяев, как видим, отчетливо осознавал эксцентричность человеческого существа, наличие в человеке естественных (природных) и искусственных (приобретенных) качеств, их противоречивую суть. Проявлениями этого противоречия, о чем пишет философ, является половая жизнь человека, борьба в ней животного и человеческого начал, примирение которых возможно во взаимной любви мужчины и женщины. Так, преступными он считал брачные отношения между Анной и Карениным, а не между Анной и Вронским.

Как и подобает философу, Н.А. Бердяев характеризует себя, свое становление, как во временном, так и в пространственном измерении: «...я не принадлежу к людям, обращенным к прошлому, я обращен к будущему» [2: с. 10]. Описание мест своего пребывания (Киев, Москва, Берлин, Париж, Рим), влияние их достопримечательностей на свой внутренний мир он считает необходимым отметить для понимания своего становления. Конечно, при анализе «Самопознания» нам (педагогам) интересно было бы знать, когда, в каком возрасте, философ начал осознавать свои действия так, как они представлены им на страницах книги. Ведь для того, чтобы сказать, что «в сущности, я стремился... к созданию собственного мира», нужно знать о наличии внутреннего и внешнего миров жизни человека [2: с. 30]. О внутреннем и внешнем мире, кроме религиозной литературы, говорится в «Философии духа» Гегеля, которую Н.А. Бердяев читал в 14-летнем возрасте, как и «Критику чистого разума», о чем сказано в «Самопознании», но не говорится в ней о начале рефлексии своих стремлений. Правда, возможно, важно начать смолоду осуществлять рефлексию над любыми своими действиями, сформировать навык рефлексии, а повод для его применения найдется. А философия начиная с Сократа учит именно рефлексии на примере знания о границах своего знания. Всё же, чтобы говорить: «...я человек драматической стихии. Более духовный, чем душевный человек», нужно различать понятия души и духа [2: с. 37]. И каков должен быть уровень понимания жизни человека, чтобы сказать: «в моей жизни не было цельности» [2: с. 65] или «идея свободы для меня

первичнее идеи совершенства» [2: с. 57]. В самопознании, наверное, нельзя обойтись без оценки цельности своей жизни, значимо и осознание своей первичной идеи по сравнению с другими, но, возможно, еще более значимым является вопрос об источнике развития внутреннего мира человека. Отвечая на него, Н.А. Бердяев пишет: «Я вижу два первых двигателя в своей внутренней жизни: искание смысла и искание вечности. Искание смысла было первичнее искания Бога, искание вечности первичнее искания спасения» [2: с. 84]. Искание смысла, как отмечает автор, уже дает смысл жизни. «Это и было мое настоящее обращение, самое сильное в моей жизни, обращение к исканию Истины, которое тем самым было верой в существование Истины» [2: с. 85].

Реализуя в своем самопознании принцип деяния, философ раскрывает смысл основной своей оригинальной идеи – оправдания жизни человека его творчеством. «Мой вопрос и заключается в том, может ли исходить благодатная сила, преодолевающая подавленность грехом, и от человека, может ли человек оправдать себя не только покорностью высшей силе, но и своим творческим подъемом. <...> Для меня творчество человека не есть требование человека и право его, а есть требование Бога от человека и обязанность человека по отношению к Богу. <...> Человек ждет рождения в нем Бога. Бог ждет рождения в Нем человека» [2: с. 209]. Очевидно, высказанная мысль значима для всех людей, независимо от их отношения к религиозной вере, значима и по сути своей, и как основание самопознания.

«Самопознание» Н.А. Бердяев заканчивает теоретическим вопросом, с которого можно бы начинать анализ самопознания: «...на протяжении всей истории философской мысли обращались к самопознанию, как пути познания мира. Но что это было за самопознание? Было ли это самопознание вот этого конкретного человека, единственного и неповторимого человека, было ли это его познание и познание о нем? Думаю, что это было не познанием о нем, а познанием человека вообще» [2: с. 316].

Обстоятельный ответ на заданный вопрос содержится в «Философии духа» Гегеля, в работе, хорошо известной Н.А. Бердяеву. Но прежде чем перейти к анализу взглядов Гегеля, отметим очевидное. Человек, как и всё в нашем мире, обладает свойствами всеобщими, общими и единичными, поэтому он и является особенным, отличным от других людей. Самопознание, естественно, направлено на познание всех указанных свойств, на их органическое (диалектическое) единство. К всеобщим относится наличие у человека естественных и искусственных свойств (качеств), создающих его эксцентричность, к общим — цивилизационные, национальные и социальные качества, и есть еще индивидуальные физические, психические (душевные) и интеллектуальные (духовные) качества. Познание любых из названных качеств возможно лишь диалектически: так как общее не существует без единичного и наоборот. Поэтому самопознание всегда есть и познание общего, свойственного данному человеку, а не только познание индивидуального.

Учение о самопознании основывается также на учении о трех мирах жизни человека: внутреннем, мире ближайшего окружения и внешнем человеку мире. Наибольший вклад в разработку этого учения внес немецкий философ XX века Хельмут Плеснер [7]. Повествование о родственниках, о близких людях, составляющих в различное время жизни человека мир ближайшего окружения, свойственно авторам всех известных Исповедей. Оно позволяет охарактеризовать не только содержание человеческих деяний, но и характер отношений между знакомыми, степень их осознанной самостоятельности, а следовательно, понять их как личность. Таким образом, самопознание должно следовать принципу единства деятельности (деяний) и отношений.

Раскроем теперь вклад Гегеля в учение о самопознании, представленное в его «Философии духа» [3]. Уже во Введении к работе Гегель провозглашает: «Познание духа есть самое конкретное и потому самое высокое и трудное. *Познай самого себя* — эта абсолютная заповедь ни сама по себе, ни там, где она была высказана исторически, не имеет значения только *самопознания*, направленного на *отдельные* способности, характер, склонности и слабости индивидуума, но выступает как значение познания того, что подлинно в человеке, подлинно в себе и для себя — познания самой *сущности* как духа» [3: с. 6]. Как видно, Гегель ставит перед человеком задачу познания его сущности, не опасаясь тем самым, как Н.А. Бердяев, утраты индивидуальных черт. Сущность же, по Гегелю, представляет противоречивое единство внешнего и внутреннего содержания познаваемого объекта, можно сказать, единство внешнего и внутреннего миров жизни человека. И, что замечательно, самопознание Гегель объявляет абсолютным законом духа: «Предъявленное дельфийским Аполлоном к грекам требование самопознания не имеет смысла заповеди, обращенной к человеческому духу извне, со стороны силы ему чуждой; напротив, побуждающий к самопознанию бог есть не что иное, как собственный абсолютный закон духа» [3: с. 6–7]. Очевидно, роль Аполлона (бога) по сравнению с абсолютным законом духа ничтожна. Вспомним, Н.А. Бердяев искание смысла и искание вечности рассматривал в качестве «двигателя в своей внутренней жизни». Если под духом понимать стремление к идеалам, что вполне возможно, то с пониманием самопознания как абсолютного закона духа Н.А. Бердяев должен быть согласен. Однако формулировка русского философа отмечает внутренний мотив самопознания, а Гегеля — внешний, как бы удаленный от человека. Но далее Гегель объясняет природу мотивации к самопознанию способом существования духа: «...дух не есть нечто пребывающее в покое, а скорее, наоборот, есть нечто абсолютно беспокойное, чистая деятельность... нечто внутренне связанное с телом благодаря единству понятия» [3: с. 9]. Именно поэтому «дух во всем, что есть на небе и на земле, познаёт самого себя» [3: с. 7].

Напомним, одной из характеристик самопознания является идея целостности объекта. Но, как отмечал русский философ, «идея свободы для меня

первичнее идеи совершенства». Для Гегеля, полагаем, первичной была идея единства, целостности существования и познания объекта. В этой связи он сравнивает целостность жизни растения, животного и человека. Уже в растении обнаруживается некоторый центр, простирающийся на периферию, некая концентрация различий, некое саморазвитие изнутри вовне, некое... само себя порождающее единство, и тем самым нечто такое, чему мы приписываем стремление» [3: с. 17]. Но каждая часть растения есть целое растение... и не находится в полном подчинении единству субъекта. В животном организме всё целое проникается своим единством, ничто не проявляется в нем как самостоятельное [3: с. 17].

«Животное есть для себя сущая субъективность и обладает ощущением; ощущение и есть как раз это всеприсутствие единства животного во всех его членах... В этом субъективном внутреннем и заключается основание того, что животное определено через самого себя, изнутри вовне, а не только извне, т. е. что оно обладает стремлением и инстинктом» [3: с. 18]. Двумя веками позже соотечественник Гегеля Х. Плеснер скажет: животное центрично, а человек эксцентричен. Именно эксцентричность человеческого существования является проблемой самопознания и основой драмы или трагедии его жизни.

Самопознание как абсолютный закон духа подчиняется законам его развития. Гегель выделяет три формы развития и существования духа:

«I — в форме *отношения к самому себе*; это *субъективный дух*;

II — в форме *реальности*, как подлежащий порождению духом и порожденный им *мир*, в котором свобода имеет место как наличная необходимость, — это *объективный дух*;

III — как *в себе и для себя* сущее и вечно себя порождающее единство объективности духа и его идеальности, или его понятия, дух в его абсолютной истине, — это *абсолютный дух*» [3: с. 32].

«То, что дух приходит к тому, чтобы знать, что он есть, это и составляет его реализацию. Дух существенно есть только то, что он знает о себе самом. Первоначально он есть дух только в себе; его становление для себя составляет его существование» [3: с. 33]. «Если этот субъективный дух поднял себя до для-себя-бытия, тогда он уже более не субъективный, но *объективный дух*. <...> В духе объективном свобода, знание духа о себе самом как о свободном приобретает форму наличного бытия. Объективный дух есть личность (Person), и как таковая имеет в собственности реальность своей свободы» [3: с. 34]. К ступени объективного духа (самопознания) относится и существование государства, нравственное устройство мира. Но наивысшей степени познания дух достигает «на *третьей* ступени духа, на *точке зрения абсолютного духа*, т. е. на *точке зрения искусства, религии и философии*» [3: с. 34]. Действительно, с точки зрения целостности объекта познания искусство, религия, философия превосходят субъективную и объективную формы (ступени) познания. Однако ступень абсолютного духа не перечеркивает деятельность предшествующих ступеней, а синтезирует их.

Целостность объекта познания выражается Гегелем в диалектике конечного и бесконечного. В этой связи интересен следующий пример: «Конечное есть некоторая не соответствующая своему понятию реальность. Так, Солнце есть нечто конечное, потому что оно не может быть мыслимо без чего-то другого, так как к реальности его понятия относится не только оно само, но и вся Солнечная система. <...> Только реальность *духа* есть *сама* идеальность, только в духе, следовательно, осуществляется абсолютное единство понятия и реальности, и тем самым истинная бесконечность» [3: с. 36]. «Конечность, правильно постигнутая, содержится, как сказано, в бесконечности, предел — в беспредельном. Дух является поэтому *в такой же мере* конечным, как и бесконечным...» [3: с. 37].

Дальнейшая логика самопознания представляется Гегелем путем конкретизации ступеней развития духа: субъективного, объективного и абсолютно-го. Так, познание субъективного духа выражается в антропологии, феноменологии духа и психологии, объективного духа — в учении о праве, моральности, нравственности, а абсолютный дух — в учении об искусстве, религии и философии. Каждая ступень развития духа подразделяется на свои этапы. Так, «три главные формы субъективного духа суть: 1) *душа*, 2) *сознание* и 3) *дух как таковой*» [3: с. 40].

Лишь тот, кто последовательно пройдет все ступени развития духа, осуществит истинное самопознание. Интересно, что Н.А. Бердяев предпочел собственную логику самопознания и признал свой опыт не вполне удачным, сославшись на особенности своего стиля исследования. Однако в его «Самопознании» можно найти почти все основные этапы познания духа, содержащиеся в «Философии духа». И мы попытались представить некоторые из них: описание природных качеств, чувств, мышления, семьи, отношения к власти, к государству выдающегося русского мыслителя. Можно считать, что своим «Самопознанием» Н.А. Бердяев продемонстрировал жизненность, практическую логику «Философии духа». Однако со времен «Энциклопедии философских наук» прошло почти 200 лет, со времени «Самопознания» Н.А. Бердяева более 70 лет.

Чтобы выявить мотивацию к самопознанию, к самооценке, к рефлексии современной мне эпохи попробую заняться самопознанием. Мне не просто объяснить свой приход в философию. Кажется, гораздо естественнее было бы стать мне педагогом. До 14 лет (до 1960 года) я находился в педагогической среде, в окружении учителей, коими были мои родители, да и наши соседи по коммунальной квартире. Правда, мой внешний мир не ограничивался пространством квартиры и школы, был еще двор, где собирались мои ровесники. Посещение шахматного кружка Ярославского дворца пионеров вводило меня в иную среду, в иной мир. Да и учителя не все были на один манер. Так, новый учитель физкультуры Я.А. Смирнов знакомство с нами начал с рассказа о пребывании в немецком плену.

Наблюдение за тем, как нас воспитывали и обучали, сформировало тогда во мне убеждение, что учителей нужно обучать иначе, ориентируясь более на ценности реального, а не идеального мира. Словом, я не принял педагогическую реальность как истинную, как соответствующую действительной жизни. Наверное, поэтому в поисках иной реальности в молодые годы я около десяти лет проработал на заводе: вначале электриком, а после окончания авиационного института производственным мастером и технологом. Таким способом состоялось мое реальное знакомство с советским обществом, с индустриальной эпохой.

В 33 года я оставил работу на заводе, как не приносящую внутреннего удовлетворения, и приступил к изучению философии на философском факультете Уральского университета. Выходит, мое решение изучать философию основано на неудовлетворении своим образом жизни. Истоки этого решения напоминают предсказание Сократа молодому человеку: «Если попадетсЯ плохая жена, станешь философом». Но выбор именно философии в качестве предмета занятий имел, конечно, и другие основания. Неудовлетворенность — лишь мотив к поиску нового содержания жизни. Если следовать логике самопознания Н.А. Бердяева, то следует сказать, что моей первой идеей была идея самостоятельности. Именно исторической закономерности развития самостоятельности работника и была посвящена моя кандидатская диссертация. Революционные события 1991–1993 гг. изменили отношения к самостоятельности работника, организации, субъекта Российской Федерации. Но проблема осознанной самостоятельности, повышения уровня ее у граждан страны остается для меня главной и сегодня.

Когда в 1996 г. волей случая я оказался сотрудником кафедры философии педагогического университета, то вспомнил о своем детском намерении — обучать учителей. Получилось по Сенеке: согласного судьба влечет, а несогласного тащит.

Изучать философию с будущими педагогами — дело благодарное: мотивация к обучению у них высокая. Однако информационная эпоха расширяет образовательное пространство практически до бесконечности и как следствие — пространство мотивов, характерных для освоения внешнего мира жизни человека. Стимулы же для развития внутреннего мира человека остаются на прежнем уровне. Скорее всего, ответственность за развитие внутреннего мира будущего учителя возлагается на гуманитарные науки, на ту роль, которую в его жизни играет творчество, искусство, интеллектуальные игры и виды спорта. Оценить роль Интернета в развитии внутреннего мира человека без специального исследования вряд ли возможно, но, скорее всего, опережающими темпами развивается знание внешнего человеку мира. Формализация учебного процесса, повсеместное распространение тестирования не способствуют развитию мотивации к расширению или углублению внутреннего мира человека. Уровень осознанной самостоятельности будущих учителей

не соответствует требованиям информационной эпохи. Нужно искать способы решения проблемы.

В этой связи поделюсь одним из способов повышения мотивации к самопознанию. Суть его проста. Я предлагаю студентам решить две задачи на определение вида реальности: идеальной или материальной. В одном случае я рисую мелом на доске треугольник, круг и квадрат и спрашиваю студентов, что видят они на доске. Характерный ответ — геометрические фигуры. То есть, студенты говорят о том, что они знают о том, что видят, иначе сказать, об *идеальной реальности*, а не о меле на доске как о *материальной реальности*. Другая задача логическая, о соотношении объемов понятий «стул» и «ножки стула». Очевидно, речь в данном случае идет об идеальной реальности, о том, что находится в голове человека. Однако, как правило, в решении задачи студенты ориентируются на соотношение ножек стула и стула как предметов материальных. Итак, восприятие материальных предметов как идеальных и, наоборот, идеальных как материальных оказывается характерным для мышления современного студента. Осознание этого смещения (идеального и материального), полагаю, способствует развитию критического отношения к собственному мышлению, а следовательно, к самопознанию. Наверняка, существуют иные способы повышения мотивации к самопознанию, к изучению философии. На их поиск и ориентирована данная статья.

Литература

1. *Августин Аврелий*. Исповедь. М.: Республика, 1992. 222 с.
2. *Бердяев Н.А.* Самопознание (Опыт философской биографии). М.: Книга, 1991. 448 с.
3. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 3: Философия духа. М.: Мысль, 1997. 471 с.
4. Евангелие от Матфея. Святое благовествование. Гл. 7, 16 // Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа.
5. *Кант И.* Логика: пособие к лекциям // Кант И. Трактаты. СПб.: Наука, 1996. С. 425–534.
6. *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. С. 77–105. URL: <http://flogiston.ru/library/maslow>.
7. *Плеснер Х.* Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию: пер. с нем. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 368 с. (Серия «Книга света».)
8. *Прокл.* Первоосновы теологии; Гимны. М.: Издательская группа «Прогресс», 1993. 319 с.
9. *Цицерон.* О природе богов // Цицерон. Философские трактаты. М.: Наука, 1985. С. 60–190.

Literatura

1. *Avgustin Avrelij*. Ispoved'. M.: Respublika, 1992. 222 s.
2. *Berdyayev N.A.* Samopoznanie (Opy't filosofskoj biografii). M.: Kniga, 1991. 448 s.

3. *Gegel'*. E'nciklopediya filosofskix nauk. T. 3: Filosofiya duxa. M.: My'sl', 1997. 471 s.
4. *Evangelie ot Matfeya*. Svyatoe blagovestvovanie. Gl. 7, 16 // *Novy'j Zavet Gospoda nashego Iisusa Xrista*.
5. *Kant I.* Logika: posobie k lekciyam // *Kant I. Traktaty'*. SPb.: Nauka, 1996. S. 425–534.
6. *Maslou. A.* Motivaciya i lichnost'. SPb.: Evraziya, 1999. S. 77–105. URL: <http://flogiston.ru/library/maslow>.
7. *Plesner X.* Stupeni organicheskogo i chelovek: Vvedenie v filosofskuyu antropologiyu: per. s nem. M.: «Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya» (ROSSPE'N), 2004. 368 s. (Seriya «Kniga sveta».)
8. *Prokl. Pervoosnovy' teologii; Gimny'*. M.: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1993. 319 s.
9. *Ciceron.* O prirode bogov // *Ciceron. Filosofskie traktaty'*. M.: Nauka, 1985. S. 60–190.

V.M. Kondratyev

**About Motivation to Self-Knowledge
as about a Problem of Philosophy of Education**

The article says the questions of theory and practice of developing self-knowledge motivation as philosophical problem.

Keywords: philosophy; human; self-knowledge; the inward man; motivation.

А.Я. Иванюшкин

Идея евгеники в философском и научном дискурсе (Часть 2: Фрэнсис Гальтон)

Во второй части работы рассматривается предыстория евгеники на материале произведений Фрэнсиса Гальтона, а также анализируются общие черты утопических проектов совершенствования природы человека.

Ключевые слова: история философии; наука; дискурс; евгеника; утопия.

Основоположником научной евгеники является английский ученый (кузен Ч. Дарвина) сэра Фрэнсиса Гальтона (1822–1911). Трехтомное биографическое исследование жизни и творчества Гальтона, принадлежащее перу его ученика, друга и последователя Карла Пирса, содержит почти 1400 страниц и может быть сравнимо только с аналогичным трехтомным трудом о Фрейте Эрнеста Джонса [3]. И.И. Канаев, автор очень содержательной отечественной книги о Гальтоне, подчеркивая необычайную разносторонность научных интересов последнего, замечает, что аутентичную научную биографию этого ученого в состоянии написать только коллектив авторов, являющихся специалистами не только в области истории биологии, но и — этнографии, географии, антропологии (антропометрии), криминалистики, психологии, статистики, метеорологии и климатологии [4: с. 5]¹. Отметим только два понятия, введенные в науку Гальтоном и известные сегодня практически каждому человеку: «антициклоны» в метеорологии и «дактилоскопия» в криминалистике² [13: с. 65].

Выступления и публикации Гальтона, посвященные собственно евгенике, относятся уже к началу XX в., когда ему было 80 и более лет («Эссе о евгенике» — 1909 г.). Слово «евгеника» создал Гальтон, составив его из двух

¹ Мы в основном цитируем работы Гальтона по книге И.И. Канаева, в переводе этого автора.

² Символично, что в год смерти великого ученого в Лувре была украдена картина Леонардо да Винчи «Джоконда». Преступление было раскрыто в 1913 г. благодаря методу дактилоскопии.

греческих (которые мы даем в латинизированной форме): «eu» — хороший, благой, и «genetikos» — относящийся к рождению детей, т. е. в буквальном переводе евгеника означает «науку о рождении хороших детей». Впервые термин «евгеника», обозначающий науку «об улучшении рода», Гальтон употребил в 1883 г. в работе «Исследования человеческой способности» [4: с. 117].

1. Вклад Фрэнсиса Гальтона в науку (до создания учения о евгенике)

Общеизвестно, что прогресс современной науки в огромной степени определяется использованием в ней математических методов — это прямо подчеркивали Леонардо да Винчи, Галилей, Кант, Маркс и др. Как бы вторя этим великим мыслителям, Гальтон говорил: «Считай все, что можешь считать!.. Пока феномены какой-либо ветви знания не будут подчинены измерению и числу, она не может быть достойна называться наукой» [4: с. 84]. Очевидно, что следование этим словам во многом определило непреходящий вклад Гальтона в науку.

Речь идет прежде всего о такой науке, как антропометрия — одна из ранних работ Гальтона в этом направлении (70-е гг.) посвящена исследованию роста и веса мальчиков в городских и сельских школах. Позднее он организует антропометрические лаборатории (в которых исследовались также дыхание, сила мышц и зрение), большинство инструментов и приборов для которых создает он сам. Первая такая лаборатория работала на Международной выставке здравоохранения в 1884 г., ее деятельность продолжалась и в 1885 г. — всего было обследовано около 10 тысяч человек. Гальтон видел большие научно-практические перспективы данного направления своих исследований, в частности, в решении проблем профотбора: «Я очень надеюсь увидеть систему средних степеней... физической эффективности, введенной на конкурсе кандидатов в армию, на флот и на гражданскую службу в Индии» [4: с. 88].

Кульминацией в развитии им данного направления науки стало создание метода дактилоскопии, его труд «Отпечатки пальцев» был опубликован в 1893 г. Значение данного метода для криминалистики невозможно переоценить. Используя увеличенные фотографии узоров на кончиках пальцев, Гальтон доказал, что, нумеруя полосы, можно с огромной точностью идентифицировать отпечаток, даже если он частично смазан.

Для Гальтона понятие антропометрии включало также и психометрию. В учебном пособии Пьера Пишо «Психологическое тестирование» говорится, что само формирование методов психологического тестирования связано с работами Гальтона. Не случайно ученик Гальтона Дж.М. Кеттел впервые применил в 1890 г. термин «тест интеллекта», а в 1905 г. французский психолог А. Бине совместно с психиатром Т. Симоном разработали первый практически пригодный метод тестирования уровня интеллекта умственно-отсталых людей [8: с. 12].

В то же время позитивные научные результаты Гальтона в этом направлении были, с нашей точки зрения, гораздо скромнее, хотя проводимые им научные исследования здесь тоже впечатляющи. Взять его попытки классификации

людей на основе скорости «образования суждения», или эмпирического изучения «ассоциации идей», или изучения с помощью анкетирования способности воображения (создания «умственных образов») и т. д. Дело здесь, как мы полагаем, в некоторой механистичности мировоззрения ученого (особенно сильно сказавшегося на его понимании евгеники): для него физическое и психическое, материальное и идеальное имели одинаковый онтологический статус.

Научный прогресс психологии как позитивной науки был неизменно связан с решением такого рода философско-методологической проблемы. Исходя из определенной теоретической модели психики человека и с помощью соответствующих научных методов, ученый должен как бы «переформатировать» субъективную реальность психики (идеальное) в факты объективной реальности (материальное), доступные строгому наблюдению и далее статистической обработке данных научных протоколов. Например, Фрейд сначала создал структурную модель личности, в которой *сознание* — это лишь «видимая часть айсберга», а под нею находится то, что в основном и определяет поступки человека — *бессознательное*. Его метод психоанализа вот уже более 100 лет достаточно успешно применяется при лечении психических расстройств. Для нас важен методологический аспект такой терапии: а) симптоматика психиатрического пациента — это по преимуществу сфера субъективного; б) в психоаналитических терапевтических сеансах выявляются объективные причинные, корреляционные связи, детерминирующие болезненные переживания, поведенческие отклонения у такого пациента; в) сам этот процесс «переформатирования» субъективной реальности в объективные связи и отношения в сознании пациента содержит в себе момент лечения, исцеления (во всяком случае, так считают врачи-психоаналитики, и главное — многие их благодарные пациенты).

Возвращаясь к работам Гальтона в области психометрии, следует подчеркнуть: причина того, что достаточно большое количество его научных исследований в области психологии, с нашей точки зрения, оказались научно бессодержательными, заключается как раз в своеобразной методологической наивности их автора — он брал в качестве предмета исследования субъективное как таковое, а именно — ту или другую данность собственной психики, предполагая, что это же явление найдет в психике других людей. Неудивительно, что в одном из его исследований многие респонденты (в основном люди науки), которым он задавал вопрос относительно «умственных образов», ответили ему, что не понимают, что это такое [4: с. 74].

Еще раньше в работе «Наследственный талант и характер» (1865) автор исходит из аксиомы, что талант, вообще психические свойства наследственны, так же как физические свойства человека. Эта же концепция лежит в основании его главного труда о наследственности человека «Наследственный гений: исследование его законов и следствий» (1869).

В философско-методологическом плане эта работа представляет наибольший интерес — не только потому, что она неоднократно переиздавалась при жизни автора, но и потому, что анализ и оценка ее плюсов и минусов (как можно судить об этом в контексте истории биологии, генетики и психологии спустя почти 150 лет) позволяет прояснить философские и научные основания евгеники, по Гальтону. К тому же речь идет о работе Гальтона, которая есть в сокращенном русском переводе — «Наследственность таланта, ее законы и последствия» (1875).

Повторим еще раз основополагающую идею Гальтона во всех его трудах о наследственности человека и евгенике: духовные качества, способности человека также наследуются, как и физические. Прежде всего автор исходит из собственного жизненного опыта, в частности — учебы в детстве и юности в различных учебных заведениях, а позднее — в Королевском медицинском колледже Лондона и, наконец, в Кембриджском университете. Между прочим, биографы Гальтона подчеркивают, что сам он был вундеркиндом: в пять лет уже читал любую английскую книгу, в семь лет Купера, Шекспира, Гомера (в переводе), а в восемь — Овидия по латыни. Исследуя в «Наследственной гениальности» сотни генеалогий известных писателей, художников, судей, общественных деятелей и т. д., автор подчеркивает: «Я объявляю претензию на то, что я первый пытался разработать этот вопрос статистически» [4: с. 30].

2. Фрэнсис Гальтон — «отец научной евгеники»

«Эссе о евгенике» было опубликовано Гальтоном в 1907 г. Это — в основном сборник его докладов, начиная с 1901 г., на собраниях в Антропологическом, Социологическом и других обществах. В научном плане Сборник представляет собой своего рода резюме прежних работ Гальтона по наследственности человека («Наследственный гений» и др.).

Следует заметить, что еще в 1866 г. в России вышла книга профессора В.М. Флоринского «Усовершенствование и вырождение человеческого рода» [17], где четко ставится проблема *негативной евгеники*, которую автор понимал, как «гигиену брака» — предупреждение рождения больного потомства. «Негативная евгеника» получила мощное развитие в современном обществе как медицинская генетика, хотя иногда и здесь приходится решать непростые морально-этические вопросы (например, допустимости искусственного аборта, сопряженного с применением метода пренатальной диагностики).

В кратком изложении теоретическая составляющая евгеники, по Гальтону, сводится к следующему. Поскольку человек является одним из биологических видов и как таковой есть продукт биологической эволюции, его природа заключается преимущественно в наследственности, т. е. каждый индивид есть носитель признаков (как позитивных, так и негативных — в том или другом сочетании) расы. Употребление основоположником научной евгеники термина «раса» имеет также методологическую (и как продолжение — мировоззренческую) нагрузку. Свои убеждения Гальтон выработал еще в 60-е гг.:

в формировании человека (личности) наследственность значительно важнее среды; по своей природе люди не равны: степень различия умственной силы (между высшим и низшим интеллектом) даже в среде англичан огромна, что же касается негров, то они на три ступени ниже белых; произвести высокодаровитую расу людей вполне реально — если бы общество затратило хотя бы одну двадцатую часть стоимости и труда, которые тратятся на улучшение пород собак и лошадей, то мы создали бы галактику гениев [4: с. 25–26, 30].

Таким образом, Гальтон делал больше акцент на *позитивной евгенике*: на основе рационального регулирования рождаемости усовершенствовать расу (породу), в конечном счете — весь человеческий род. Евгеника, по Гальтону, — это наука об «улучшении рода», в более широком смысле она применяется к животным и растениям, особенно же к человеку. Евгеника изучает «все условия, при которых могут быть произведены люди высокого типа» [4: с. 117].

Историческое значение работы Гальтона «Эссе о евгенике» заключается в том, что здесь он выступает преимущественно как социальный мыслитель и моралист. Именно эта его последняя книга стала основой развития евгеники (не только как научного направления, но и общественного движения) сначала в Англии, а потом и в других странах.

Теоретическим основанием всех работ Гальтона, посвященных наследственности человека и далее — евгенике, был дарвинизм. Когда Дарвин опубликовал «Происхождение видов» (1859), Гальтону было 37 лет и он был уже хорошо известным ученым, но больше как путешественник, географ и этнограф¹. Естественно, что Гальтон был одним из первых читателей великой книги Дарвина: «Около того времени, когда появилось “Происхождение видов” Дарвина, я начал интересоваться географией человека и был известным образом подготовлен к оценке его точки зрения. Я уверен, что ассимилировал ее с большей подготовленностью, чем большинство людей², прочитав почти сразу, и *мои последующие мысли всегда были окрашены ею* (курсив мой. — А.И.). Некоторые идеи, которые я имел о человеческой наследственности, послужили закваской, и я написал “Наследственный гений”» [4: с. 22]. И.И. Канаев, ссылаясь на «Воспоминания» Гальтона, так пишет о впечатлении на него книги Дарвина: «Она разрушила одним ударом множество догматических барьеров и возбудила ум к восстанию против всех старых авторитетов...» [4: с. 22]. В свою очередь, Дарвин дал высокую оценку книге Гальтона «Наследственный гений» [4: с. 51].

¹ Его книга «Искусство путешествовать» выдержала в 1855–1872 гг. пять изданий, он даже читал особый курс лекций, имевших целью повысить адаптацию в полевых условиях английских офицеров — участников Крымской войны против России. В 1856 г. (в 34 года) Гальтон был принят в члены Королевского общества, а основанием явилась работа «Рассказ исследователя тропической Африки» (1853).

² Первое издание «Происхождения видов» Чарльза Дарвина, 1192 экземпляра, было распродано в ноябре 1859 г. в течение нескольких дней [12: с. 348]. К 1876 г. разошлось 16 тыс. экземпляров книги, при этом она была переведена на большинство языков культурных народов [1: с. 15].

Замечательный советский историк, философ и психолог Б.Ф. Поршнев, подчеркивая, какой «культурный шок» вызвали труды Дарвина, писал: «Трудно даже вообразить себе бурю в умах в 60–80-х годах XIX в. по поводу происхождения человека. Она достигла предела и кульминации к 1891–1894 годам — к моменту открытия остатков питекантропа на о. Ява» [9: с. 65].

О необычайно быстром распространении дарвинизма не только в научных кругах, но во всей просвещенной Европе в целом, в частности, свидетельствует выдающийся русско-американский философ Питирим Сорокин (1889–1968). Вспоминая свой жизненный путь и характеризуя свое мировоззрение в период вступления в партию эсеров в 1905 г., автор, создавший в XX в. теорию культурно-исторической динамики, подчеркивал: «Все мое предшествующее мировоззрение и ценности были заменены на “научно-эволюционную теорию” и “естественно-научную философию” <...> а политическая индифферентность открыла путь к революционному рвению» [11: с. 8].

Несмотря на прямо-таки триумфальное распространение в обществе идей дарвинизма, это учение встретило не только яростную критику мировоззренческого характера, но и неоднозначные оценки в научном сообществе.

С одной стороны, у Дарвина сразу же после выхода в свет «Происхождения видов» появилось множество сторонников и последователей. Если учесть, что сам Дарвин здесь не говорит о происхождении человека, то такие ученые, как К. Фохт, Э. Геккель, Т. Гексли, уже в 1862–1866 гг., обобщив огромный научный материал по сравнительной анатомии, палеонтологии, эмбриологии человека, биологической и геологической летописи, достаточно убедительно обосновали симиальную гипотезу происхождения человека.

С другой стороны, оценка книги Ч. Лайелем, одним из основателей научной геологии и старшим другом Дарвина, была весьма противоречивой. Да, Лайель высоко оценил его «исследования и заключения... связанные со сходствами видов, их географическим распространением, геологической преемственностью», но в конечном счете не согласился с содержанием теории естественного отбора в целом: «И все же я считаю, что без постоянного участия нашего Творца не обойтись» [12: с. 348]. Знаменитый астроном Д. Гершель отозвался о работе Дарвина неодобрительно: «Книгу получил, но взглядов не разделяю» [12: с. 348]. Особенно важен, с нашей точки зрения, отзыв Альфреда Уоллеса, предложившего для объяснения эволюции, независимо от Дарвина, идею естественного отбора. Как утверждал Уоллес, «естественный отбор не мог создать особенностей человеческого мозга, способности к речи, большей части остальных психических способностей человека, а вместе с ними и ряда его физических отличий» [8: с. 78].

В современной науке попытки критиковать как отдельные положения, так и теорию естественного отбора в целом не прекращаются [1: с. 44]. Крупнейший отечественный ученый-биолог и философ А.А. Любищев «критиковал дарвинизм... за естественно-научную недоказанность этой теории... относился к теории Дарвина как натурфилософской... называя ее “умственным наркотиком”, необходимым для людей» [15: с. 16]. Ему вторит известный аме-

риканский генетик Р. Левонтин: «Биологи-эволюционисты упорно игнорируют проблему эмпирической достаточности... Если переменные состояния или параметры, на которых построена теория, измерить невозможно или их измерение связано с такими ошибками, что невозможно сделать выбор между альтернативными гипотезами, теория становится пустым упражнением, никак не связанным с реальным миром» [15: с. 26].

Для Гальтона в отношении теории естественного отбора нет никаких сомнений — ни философского, ни научного характера. Как выразилась Ю.В. Хен, дарвинизм явился для евгеники своеобразным пропуском в науку [19: с. 23]. В генетике и сегодня можно встретить ссылки на работу Гальтона «Наследственный гений» как сохраняющую научную ценность. В то же время общий уровень генетических знаний Гальтона, как и Дарвина, был уровнем, доступным тому типу ученого, которого именовали «натуралист». Этот уровень был ограничен методом наблюдения, когда ученый, исследующий наследственность, еще не знает экспериментального метода Менделя. В определенной степени объяснения природы наследственности носят здесь еще натурфилософский характер, в особенности когда речь идет о наследовании сугубо человеческих способностей — рационального мышления, моральных качеств, религиозной веры и т. д.

И все-таки видеть научные, идейные предпосылки евгеники Гальтона только в дарвинизме было бы односторонне и близоруко. Ю.В. Хен в монографии «Евгенический проект: “pro” и “contra”» считает началом начал евгенического дискурса базовый миф человеческой истории о «золотом веке» и как его оборотной стороне — вырождении человека [18: с. 8–15].

В 1857 г. французский психиатр Б. Морель опубликовал «Трактат о вырождении». Ю.В. Каннабих пишет: «Дарвинистическая идея эволюции и морелевская идея дегенерации, появившись почти одновременно и развиваясь потом параллельно, создали необозримую литературу: они получили применение не только в тех областях знания, на почве которых первоначально возникли, но и в смежных и даже отдаленных по своему содержанию науках» [5: с. 326].

Заслугой Мореля было то, что распространенному представлению о причинах психозов как различного рода жизненных случайностей он противопоставил научный (детерминистский) подход, уделяя при этом основное внимание фактору наследственности. Предоставим опять слово Ю.В. Каннабиху: «Первоклассный наблюдатель и большой художник, Морель резкими схематическими штрихами очертил тип дегенеранта. Он положил начало тому длинному списку физических и психических признаков вырождения, которые потом играли такую важную роль в диагнозах и прогнозах до самого конца века» [5: с. 327].

Необходимо различать позитивный вклад Мореля в научную психиатрию и, скажем так, резонансные эффекты идеи вырождения в общественном сознании той эпохи. Некоторые научные интенции Мореля, трансформируясь в ходе дальнейшего развития клинической психиатрии, получили развитие на рубеже XIX–XX вв. в учении о шизофрении Крепелина – Блейлера.

В целом же его, по сути дела, фаталистическая концепция вырождения (согласно которой малозаметные в первом поколении психические расстройства в четвертом поколении могут привести, например, к раннему слабоумию) представляется нам умозрительной натурфилософской схемой. Однако именно момент фатализма в учении Мореля содержал в себе энергетику особой негативной силы.

На пороге XX вв. (именно когда Гальтон сосредоточился на создании своего учения о евгенике) для многих европейских интеллектуалов идея вырождения превратилась в парадигму нового мировоззрения, в котором нашло выражение эсхатологическое мироощущение, связанное с наступлением нового века. Адепты идеи вырождения считали: причиной прогрессирующего вырождения человеческого рода является ослабление действия естественного отбора, а причиной такого ослабления является прежде всего сокращение деторождения в западных странах. Немецкие авторы определили последнюю тенденцию как *Zwei-kinder-system* (образцовая семья — это семья с двумя детьми). В дополнение к этому аргументу сторонники социал-дарвинизма ссылались на «вредоносную» деятельность медицины, которая, мол, сохраняя жизнь индивидам с ослабленной конституцией, способствует реализации их «права на деторождение», что имеет следствием вырождение природы человека. В таком мировоззрении собственно научное содержание идеи вырождения почти совсем утрачивается, а сама эта идея прежде всего выражает новое, модное декадентское умонастроение. Лучшим примером тому является сочинение исключительно популярного на рубеже XIX–XX вв. врача и писателя Макса Нордау «Вырождение» [7]¹.

Евгеника как наука и система социальных практик должна была сначала стать «лекарством от вырождения», а затем через много поколений — привести к достижению конечной (высшей) цели — совершенствованию человеческого рода.

Биограф Гальтона И.И. Канаев определяет некоторые положения его учения о евгенике как «академический расизм». Например, в «Наследственном гении» Гальтон писал: «Слабые нации мира неизбежно должны уступить дорогу более благородным вариететам человечества... немногие способны даже лишь понять требования современной цивилизации, еще менее выполнить их» [4: с. 25].

Еще раз отметим: раньше, чем Гальтон написал свои труды в области биологии, наследственности человека, он приобрел научную известность, заслуженный авторитет ученого как путешественник и этнограф. Вне сомнения,

¹ Кстати говоря, аналогичный феномен возник в последней трети XX в., когда в обществе стал нарастать экологический алармизм, а несколько позднее смена веков (теперь — XX и XXI) опять была отмечена массовой фобией — в связи с проблемой клонирования человека. Своеобразие всех этих массовых фобий и одновременно как бы обновления эсхатологических настроений в сознании современного человека заключается в том, что подобные массовые страхи связаны с современной наукой.

он был знаком с четырехтомным трудом французского дипломата и социального мыслителя Ж.-А. де Гобино (1816–1882) «Эссе о неравенстве человеческих рас» (1853–1855). По Гобино, от природы расы наделены неравномерно способностями и талантами. В процессе миграции происходит смешение чистых рас: смешение кровей улучшает низшие расы, и ухудшает — высшие. Высшая, арийская, раса почти совсем «растворилась» в этом «плавильном котле» низших народов. В результате смешения рас современное человечество утратило способность к бесконечному развитию. В годы Первой мировой войны учение о неравенстве рас Гобино легло в основу идейного течения пангерманизма, а позднее (в 20-е гг.) — расизма [14: с. 538].

Излагая свое учение о евгенике, Гальтон использует как однопорядковые термины: нация, порода, каста, но чаще всего — раса. С нашей точки зрения, в учении Гальтона о евгенике своеобразно переплелись и идея вырождения, и идея расизма. С одной стороны, идея евгеники есть оборотная сторона идеи вырождения, а с другой — оборотная сторона идеи расового неравенства людей, утверждающей, что человеческий род не является единым, но состоит из принципиально отличных друг от друга видов, как правило иерархически соподчиненных между собой. С самого начала учение Гальтона о евгенике было чревато своеобразным оборотничеством, которое сразу же обнаружилось, когда в нацистской Германии перешли «от слов» о расовой гигиене «к делу» насильственной стерилизации, эвтаназии и геноцида.

Наконец, освещая социокультурные, философские предпосылки евгеники Гальтона, нельзя хотя бы кратко не сказать еще об одном идейном течении, зародившемся в эти же годы, а именно о социал-дарвинизме. Строго говоря, сам Дарвин к этому течению прямого отношения не имеет, его родоначальником является английский философ и ученый Герберт Спенсер (1820–1903). Основополагающим началом своей философской системы Спенсер полагал «закон эволюции»¹. Согласно Спенсеру, «закон эволюции» универсален и распространяется на биологию, психологию и социологию. Как отмечают М. Рьюз и Э.О. Уилсон, социал-дарвинизм был чрезвычайно влиятельным течением мысли второй половины XIX в., успешно выполняя функцию неприкрытой апологии несправедливости и жестокости реалий капитализма в XIX в. Достаточно напомнить утверждение нефтяного магната Джона Д. Рокфеллера, что закон крупного бизнеса (имелась в виду безжалостная конкуренция) есть закон природы. Сам же Спенсер утверждал, что эволюция прогрессирует от монады к человеку и от дикаря к англичанину [10: с. 95].

Таким образом, романтический евгенический проект Гальтона (улучшение человеческого рода) формировался не только на основе «чистой науки»

¹ «Спенсер неоднократно подчеркивал то обстоятельство, что еще за год до выхода знаменитой книги Дарвина “Происхождение видов” (1859) он разработал так называемый закон прогресса, предвосхищавший идею эволюции. Поэтому дарвиновское учение он воспринимал как биологическое подтверждение своего закона» [2: с. 619].

дарвинизма, но прямо или косвенно был связан и с психиатрической теорией вырождения (имеющей в целом сомнительную научную ценность), и с реакционными социальными доктринами расизма и социал-дарвинизма.

4. «Научная евгеника» Гальтона как очередная утопия

Мы согласны с Л.В. Фесенковой, которая рассматривает всю историю евгеники как особую линию эволюции утопического сознания [24]. Рассмотрим подробнее под этим углом зрения евгенический проект Гальтона. Автор считает, что, следуя идеям евгеники, человек будет разумно, рационально направлять эволюцию своей природы, совершенствуя ее. Автор мечтает, как было бы хорошо определять при рождении одаренность каждого ребенка, даже большие финансовые затраты при этом окупались бы сторицей. Если бы он знал, что последующее более чем столетнее развитие генетики, социобиологии и т. д. почти нисколько не прояснило (если не забывать о критериях научного знания) вопрос о наследственной одаренности и тем более — наследуемости социальных качеств человека. Касаясь популяционного аспекта, Гальтон, конечно, считает наиважнейшим вопросом рождения поколений высокоодаренных («которые становятся светом нации»), но здесь он всего-навсего повторяет Платона, в идеальном государстве которого, как отмечалось ранее, «лучшие должны сходиться с лучшими».

По мере того как идея евгеники распространялась в начале XX в. в обществе, с одной стороны, росло число ее сторонников, а с другой — число критиков. Критика касалась и научной состоятельности этих идей, и самой цели, а также средств «улучшения человеческого рода». Как отмечают многие авторы, уже на первом этапе своей истории научная евгеника столкнулась с тремя, скажем так, роковыми вопросами [18: с. 66; 21: с. 85].

1) Каково содержание той идеальной модели человека, которую подразумевают сторонники евгеники? Очевидно, что данный вопрос преимущественно в плоскости философии. 2) Кем должен быть тот «селекционер», который будет проводить в жизнь, практически осуществлять «евгенический проект»? Этот вопрос преимущественно из области политической философии, философии права и государства, а в конечном счете оборачивается радикальными политическими решениями и столь же радикальным обновлением законодательства. 3) Какова должна быть судьба «отбракованного человеческого материала» (еще нерожденных или новорожденных детей, а может быть, вообще — и детей и взрослых), если общество, исповедующее принцип «евгенического детерминизма», отказывает им в праве на жизнь или, в крайнем случае — в праве на деторождение? Этот вопрос приводит нас к неразрешимым дилеммам биоэтики — каков онтологический, моральный и правовой статус эмбриона, как морально оправдать и можно ли считать легитимным «право женщины на аборт», как философски обосновать, морально оправдать и опять же считать легитимным «право на смерть» (эвтаназию).

Отвечая на первый вопрос, Гальтон в духе радикального биологизаторства ставит человека в один ряд с другими биологическими видами, и в итоге «человек будущего» у него характеризуется: здоровьем, энергичностью, мужеством, одаренностью и расположением к людям [4: с. 122]. С нашей точки зрения, такой малосодержательный ответ лучше всего говорит о том, что здесь в принципе не может быть однозначного ответа. Как писал Маркс: «Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [6: с. 3].

Ответом Гальтона на второй вопрос является его программа научных исследований генетики человека, популяризации знаний о наследственности и т. д. Этот же вопрос Платон продумывает гораздо глубже: в действительности реализация целей евгеники на уровне популяций возможна лишь в тоталитарном обществе, каким собственно и является платоновское идеальное государство (а более современную картину которого нарисовал О. Хаксли в антиутопии «О дивный новый мир»).

Третьего вопроса Гальтон всего лишь касается, когда затрагивает вопросы «негативной евгеники», проницательно предвидя бурное развитие и важную роль в современном здравоохранении медицинской генетики.

Утопизм евгенических идей Гальтона во многом коренится в особенностях его мировоззрения. По своему мироощущению Гальтон еще почти целиком принадлежит эпохе Просвещения и разделяет ее наивную веру в прогресс, который почти целиком отождествляется с научным прогрессом. Мировоззрение Гальтона имеет ярко выраженные черты сциентизма, и в значительной степени именно по этой причине судьба его евгенических идей очень похожа на судьбу идей Цезаря Ламброзо.

Невиданная популярность ламброзианства в начале XX в. тоже во многом объяснялась «магией» сциентистских обещаний и надежд — раз и навсегда разрешить вековечную проблему причин преступлений. Концепция Ламброзо методологически сродни другим вульгарно-материалистическим концепциям — физиогномике Лафатера, френологии Галля, собственно концепции «вульгарного материализма» Кабаниса, Бюхнера, Фогта и Молешотта¹. Суть «теории преступного человека» Ламброзо проста: некий человек совершает преступление, потому что это событие детерминировано его «особой биологической конституцией». Фиаско ламброзианства наступило гораздо раньше, уже в начале XX в. Потому что признание этой теории почти целиком отменяло институты юриспруденции, целью которых является определение меры виновности преступника, который в юриспруденции по определению является субъектом свободы воли [20: с. 197–203].

Несостоятельность евгеники Гальтона обнаружилась несколько позднее: по мере введения в различных западных странах насильственной стерилизации,

¹ Получается, что в этом же русле механистической, редуccionистской научной мысли находится и евгеника Гальтона.

но в особенности — осуществления программ расовой гигиены в нацистской Германии. После Второй мировой войны слово «евгеника» приобрело настолько одиозный смысл, что журнал Гальтоновской лаборатории «Евгенические анналы» был переименован в «Анналы генетики человека».

Лично сэр Фрэнсис Гальтон ни в коей мере не может нести ответственность за нацистские преступления против человечности (во всяком случае — не больше, чем родоначальник евгеники Платон). Характеризуя же далее особенности мировоззрения, умонастроения Гальтона как основоположника научной евгеники, необходимо отметить в его текстах, посвященных евгенике, идеи учительства, своеобразного мессианства.

Казалось бы, как правоверный дарвинист, обсуждая в духе евгенических идей рациональный подход к брачным отношениям, он должен говорить всего лишь о внесении элемента искусственного отбора в естественные процессы искусственного отбора. Однако у Гальтона эта достаточно простая мысль звучит так: если в природе процесс эволюции занимает длительное время (миллионы лет), то, взяв на вооружение евгенику, человечество, во-первых, управляет процессом эволюции, во-вторых, сам этот процесс ускоряется во много-много раз и, в-третьих, жестокость борьбы за существование, сопровождающая естественный отбор в дикой природе, нивилируется гуманностью евгенических социальных программ.

Рассуждая о евгенике, Гальтон-ученый превращается в пропагандиста и проповедника: евгеника «вызывает изменение в нашей умственной позиции и налагает новый моральный долг» [4: с. 118]; «мозг нации находится в высших классах»¹ [4: с. 120]; «нужны моральные меры, способствующие размножению высокоодаренных... моральным стимулом для деторождения у молодой пары может служить... благородный энтузиазм, носящий религиозный характер» [4: с. 121]; «города стерилизуют сельскую мощь»² [4: с. 122]; «размеры предстоящих исследований (евгенических. — *А.И.*) огромны, но их объект есть один из высочайших для выполнения человеком» [4: с. 122] и т. д.

Когда Гальтон пытался дать ответ на в общем-то неразрешимый вопрос, какой должна быть идеальная модель человека (здоровье, адаптация и пр.), на бессознательном уровне, как мы полагаем, ответ у него был несколько другой. В этом пункте решение Платона опять же было более продуманным: в платоновском идеальном государстве евгенические практики формируют совершенных стражей. Как видим, прямо в соответствии с концепцией сущности человека Маркса, идеальная модель человека у Платона, конечно, и не средневековый монах, и не гений эпохи Возрождения типа Леонардо да Винчи (в одном лице художник,

¹ Гальтон имеет в виду не социальные классы (страты) в социологическом смысле, но математически обоснованный им вариационный ряд талантливости всех людей.

² Говоря о процессах урбанизации в современном мире, Гальтон отмечает, что в город переселяется наиболее предпочтительная в евгеническом плане часть населения, но неустроенность жизни мигрантов мешает их размножению.

мыслитель, изобретатель-инженер), и не такая личность, как Робинзон Крузо, который вслед за Локком определил бы свою природу как единство трех начал — права на жизнь, права на свободу и права на собственность.

Вот и для сэра Фрэнсиса Гальтона, английского аристократа викторианской эпохи — эпохи расцвета Британской империи, содержание его евгенического проекта гораздо конкретнее прорисовывается в социальной плоскости: «Ни для одной нации высокая человеческая порода не является более необходимой, чем для нашей собственной, ибо мы насаждаем наше племя по всему миру и закладываем основы предрасположения и способностей будущих миллионов человечества» [4: с. 122]. Аналогичную оценку мировоззренческих интенций основоположников русской школы евгеники (Н.К. Кольцова, Ю.А. Филипченко и др.) дает Ю.В. Хен: «Настоящую тревогу у русских евгенистов вызывает только судьба интеллигенции, поскольку в их представлении именно она и является носителем всех ценных для расы качеств» [18: с. 76].

Излагая в 1904 г. в Докладе Социологическому обществу свое понимание евгеники, Гальтон, в частности, говорил о «доведении евгеники до своего рода религии». И далее: «Она (евгеника. — *А.И.*), однако, имеет сильную претензию стать ортодоксальным религиозным догматом будущего, ибо евгеника кооперирует с деятельностью природы, направленной на обеспечение того, чтобы человечество было представлено самой приспособленной расой... Улучшение нашей породы кажется мне одним из самых высоких предметов, за который мы можем пытаться взяться» [4: с. 124].

Конечно, в устах Гальтона приведенная мысль есть метафора — на закате своей долгой жизни ученый мечтал о превращении евгеники в новое мировоззрение, новую этику, смысловое, нормативное содержание которых целиком определяется научными идеями евгеники. Вместе с этим слова «доведение евгеники до своего рода религии» представляются нам глубоко символическими: евгеника, по Гальтону, — это утопия.

Литература

1. Баландин Р.К. Анти-Дарвин. Миражи эволюции. М.: Яуза; Эксмо, 2010. 352 с.
2. Грязнов А.Ф. Спенсер // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2000. С. 619–620.
3. Джонс Э. Жизнь и творения Зигмунда Фрейда / Пер. с англ. В.В. Старовойтова. М.: Гуманитарий, 1997. 445 с.
4. Канаев И.И. Фрэнсис Гальтон (1822–1911). Л.: Наука, 1972. 140 с.
5. Каннабих Ю.В. История психиатрии / Предисловие П.Б. Ганнушкина. М.: ЦТР МГП ВОС, 1994. 528 с.
6. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 3. М.: Политиздат, 1955. С. 1–4.
7. Нордау М. Вырождение / Пер. с нем. и предисл. Р.П. Сементковского. М.: Республика, 1995. 400 с.
8. Пишо П. Психологическое тестирование / Пер. с фр. И. Кружилиной. 16-е изд. СПб.: Питер, 2004. 158 с.

9. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). М.: Мысль, 1974. 487 с.
10. *Рьюз М., Уилсон Э.О.* Дарвинизм и этика // Вопросы философии. 1987. № 1. С. 94–108.
11. Сорокин Питирим. Жизнеописание, мировоззрение, цитаты: за 60 минут. СПб.: Невский проспект; Вектор, 2007. 176 с.
12. *Стоун И.* Происхождение: Роман-биография Чарльза Дарвина / Пер. с англ. М.И. Брука и Ю.С. Кацнельсона. М.: Политиздат, 1983. 478 с.
13. *Торвальд Ю.* Век криминалистики: пер. с нем. / Под ред. и со вступ. ст. Ф.М. Решетникова. 3-е изд. М.: Прогресс, 1991. 323 с.
14. *Федорова М.М.* Гобино // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 2000. С. 538–539.
15. *Фесенкова Л.В.* Теория эволюции и ее отражение в культуре. М.: ИФ РАН, 2003. 174 с.
16. *Фесенкова Л.В.* Евгеника и утопическое сознание (к вопросу об экологических перспективах человечества) // Евгеника в дискурсе глобальных проблем современности / Отв. ред. Ю.В. Хен. М.: Канон+, 2005. С. 52–70.
17. *Флоринский В.М.* Усовершенствование и вырождение человеческого рода // Русская евгеника: сборник оригинальных работ русских ученых (хрестоматия) / Под общ. ред. В.Б. Авдеева. М.: Белые альвы, 2012. 576 с. (Серия «Библиотека расовой мысли».)
18. *Хен Ю.В.* Евгенический проект: «pro» и «contra». М.: ИФ РАН, 2003. 153 с.
19. *Хен Ю.В.* Прошлое и будущее евгенической идеи // Евгеника в дискурсе глобальных проблем современности / Отв. ред. Ю.В. Хен. М.: Канон+, 2005. С. 7–51.
20. *Шишков С.Н.* Невменяемость (мировоззренческие, эмпирические, социальные предпосылки и становление в качестве правовой категории): монография. М.: ФГУ «ГНЦ ССП Росздравица», 2010. 380 с.
21. *Шульга Е.Н.* Философия евгеники: обретения и потери // Евгеника в дискурсе глобальных проблем современности / Отв. ред. Ю.В. Хен. М.: Канон+, 2005. С. 71–90.

Literatura

1. *Balandin R.K.* Anti-Darvin. Mirazhi e'volyucii. M.: Yauza; E'ksmo, 2010. 352 s.
2. *Gryaznov A.F.* Spenser // Novaya filosofskaya e'nciklopediya: v 4 t. T. 3. M.: Mysl', 2000. S. 619–620.
3. *Dzhons E'.* Zhizn' i tvoreniya Zigmunda Frejda / Per. s angl. V.V. Starovojtova. M.: Gumanitarij, 1997. 445 s.
4. *Kanaev I.I.* Fre'nsis Gal'ton (1822–1911). L.: Nauka, 1972. 140 s.
5. *Kannabix Yu.V.* Istoriya psixiatrii / Predislovie P.B. Gannushkina. M.: CTR MGP VOS, 1994. 528 s.
6. *Marks K.* Tezisy' o Fejrbaxe // Marks K., E'ngel's F. Sobr. soch. T. 3. M.: Politizdat, 1955. S. 1–4.
7. *Nordau M.* Vy'rozhdienie / Per. s nem. i predisl. R.P. Sementkovskogo. M.: Respublika, 1995. 400 s.
8. *Pisho P.* Psixologicheskoe testirovanie / Per. s fr. I. Kruzhilinoj. 16-e izd. SPb.: Piter, 2004. 158 s.
9. *Porshnev B.F.* O nachale chelovecheskoj istorii (Problemy' paleopsixologii). M.: My'sl', 1974. 487 s.

10. R'yuz M., Uilson E'. O. Darvinizm i e'tika // Voprosy' filosofii. 1987. № 1. S. 94–108.
11. Sorokin Pitirim. Zhizneopisanie, mirovozzrenie, citaty': za 60 minut. SPb.: Nevskij prospekt; Vektor, 2007. 176 s.
12. Stoun I. Proisxozhdenie: Roman-biografiya Charl'za Darvina / Per. s angl. M.I. Bruka i Yu.S. Kacznel'sona. M.: Politizdat, 1983. 478 s.
13. Torval'd Yu. Vek kriminalistiki: per. s nem. / Pod red. i so vstup. st. F.M. Reshetnikova. 3-e izd. M.: Progress, 1991. 323 s.
14. Fedorova M.M. Gobino // Novaya filosofskaya e'nciklopediya: v 4 t. T. 1. M.: Mysl', 2000. S. 538–539.
15. Fesenkova L.V. Teoriya e'volyucii i ee otrazhenie v kul'ture. M.: IF RAN, 2003. 174 s.
16. Fesenkova L.V. Evgenika i utopicheskoe soznanie (k voprosu ob e'kologicheskix perspektivax chelovechestva) // Evgenika v diskurse global'ny'x problem sovremennosti / Otv. red. Yu.V. Xen. M.: Kanon+, 2005. S. 52–70.
17. Florinskij V.M. Uovershenstvovanie i vy'rozhdenie chelovecheskogo roda // Russkaya evgenika: sbornik original'ny'x rabot russkix ucheny'x (xrestomatiya) / Pod obshh. red. V.B. Avdeeva. M.: Bely'e al'vy', 2012. 576 s. (Seriya «Biblioteka rasovoj my'sli».)
18. Xen Yu.V. Evgenicheskij proekt: «pro» i «contra». M.: IF RAN, 2003. 153 s.
19. Xen Yu.V. Proshloe i budushhee evgenicheskoy idei // Evgenika v diskurse global'ny'x problem sovremennosti / Otv. red. Yu.V. Xen. M.: Kanon+, 2005. S. 7–51.
20. Shishkov S.N. Nevmenyaemost' (mirovozzrencheskie, e'mpiricheskie, social'ny'e predposy'lki i stanovlenie v kachestve pravovoj kategorii): monografiya. M.: FGU «GNCz SSP Roszdrava», 2010. 380 s.
21. Shul'ga E.N. Filosofiya evgeniki: obreteniya i poteri // Evgenika v diskurse global'ny'x problem sovremennosti / Otv. red. Yu.V. Xen. M.: Kanon+, 2005. S. 71–90.

A.Y. Ivanyushkin

The Idea of Eugenics in the Philosophical and Scientific Discourse (Part 2: Francis Galton)

The second part of the article discusses the background of eugenics. Based on works of Francis Galton the author analyzes the general features of the “utopian projects” of improving human nature.

Keywords: history of philosophy; science; discourse; eugenics; Utopia.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ

Н.М. Мамедов

Экология и становление новой культуры

В статье показывается, что развитие экологии и осмысление экологических проблем послужили предпосылкой разработки концепции устойчивого развития, претендующей ныне на статус теории исторического процесса. Обосновывается точка зрения, что переход к устойчивому развитию, в общем и целом, является культурологической проблемой. Под культурой при этом понимается не только совокупность материальных и духовных ценностей, созданных людьми, а также то, что способствует сохранению и дальнейшему развитию общества.

Ключевые слова: экология; основания генезиса экологии; устойчивое развитие; культура; культура устойчивого развития; образование для устойчивого развития.

Постановка проблемы. Экология, возникнув во второй половине XIX века как биологическая наука, в последние годы все в большей мере определяет особенности развития общества, становится важнейшей основой формирования цивилизации будущего. Данные экологии, исследования состояния биосферы и перспектив мирового развития [8; 9; 11] послужили предпосылкой разработки концепции устойчивого развития, обосновывающей необходимость гармонизации социально-экономического и экологического развития как условия выживания человечества [13]. Что послужило основой обобщения экологии и превращения ее в интегративную социоестественную науку? Как развитие экологии содействовало формированию экологического мировоззрения, формированию концепции устойчивого развития? Какова роль науки, образования, культуры в переходе общества к устойчивому развитию? Эти вопросы имеют как теоретическое, так и практическое значение, от ответа на них зависит будущее человечества.

Генезис экологии. Понятие «экология», введенное в научный оборот в 1866 г. немецким естествоиспытателем Эрнстом Геккелем, сегодня используется при изучении качественно различных явлений. Интенсивно развиваются такие направления экологии, как глобальная и социальная экология, экология человека. Основу экологического познания составляет, в основном, так называемый экологический подход. Его сущность заключается в том, что

в представлении об экосистеме имплицитно входит разделение ее структуры на две крупные подсистемы. Одна из них «помещается» в центре системы и рассматривается как «главный объект» а другая — как окружающая среда. Все связи оцениваются прежде всего по их воздействию на установленный «главный объект». Во второй половине XX века, когда интенсивно стали развиваться системные исследования, экологический подход обоснованно представили как частный случай (центрированный вариант) системного подхода [3].

Общенаучный характер экологического подхода определяется тем обстоятельством, что в качестве центрального объекта можно представить различные компоненты природной и социальной действительности. В классической (биологической) экологии в качестве главного объекта выступают те или иные уровни живой природы (организм, популяция, сообщество). Использование экологического подхода по отношению к человеку и обществу определило предметное поле экологии человека и экологии общества (социальной экологии) [4].

В целом, можно сказать, что экология эволюционировала от рассмотрения отношения «организм – среда» к рассмотрению отношения «общество – природа». Это сделало возможным включение экологического аспекта в теорию взаимоотношений общества и природы, а самого человека — в систему экологических отношений. Так реализовалась гуманитаризация экологии.

В отличие от традиционных областей науки, в которых проявляется лишь опосредованная связь с ценностными факторами, развитие экологии привело к проникновению ценностных представлений в саму ткань экологических положений. Современная экология, таким образом, отличается от классического типа науки, она становится как бы «нормативным естествознанием», несет ответственность не только за истинность получаемых знаний, но и также за их применение. И если термодинамика и эволюционная теория уточнили понятие времени, показали его необратимость, квантовая теория показала ограниченность резкого противопоставления объекта и субъекта, теория систем вернула целостный, холистический подход в естествознание, то экология усилила ценностные измерения в науке, в какой-то степени «смягчила» классическую научную рациональность.

В последнее время особое внимание уделяется экологизации науки, стали говорить о регулятивной роли экологической парадигмы в развитии современной науки. Обострение глобальной экологической ситуации в мире вызвало переосмысление статуса науки как социального института и как системы знания. Наука призвана стать основой построения нового типа взаимоотношений человека и природы. Современная наука оказалась неадекватной реальным проблемам человеческого бытия. Кризисная экологическая ситуация, как и другие издержки научно-технического прогресса, обусловлена рационалистическими принципами мироотношения, лежащими в основе развития западной цивилизации и сформировавшимися еще в Новое время. Фрагментарность науки, ценностная расплывчатость ее оснований во многом были причиной

создания техносферы, которая стала непредсказуемо трансформировать природную среду, разрушать ее, затрудняя жизнедеятельность человека. Призывая к преодолению технократизма, разумеется, нельзя отвергать в целом науку и ее главную ценность — поиск истины, ибо в противном случае откроется дорога к мифотворчеству.

Экологическая парадигма является символом «экологической духовности» — нового сознания, которое призвано способствовать переходу человечества в «экологический век». Становление экологической парадигмы сопровождается изменением образа мира и облика научного знания. Категории истины, красоты и добра становятся рядоположенными, равноправными в движении познания; человек предстает неотъемлемой частью всех теоретических построений. Происходит смещение акцентов: от рационального к интуитивному, от редукционизма к холизму, от линейности к нелинейности. Можно сказать, что экологическая парадигма предстает как совокупность идей, убеждений, ценностей, мировоззренческих позиций, формирующая новое видение реальности и задающая ориентиры познавательной и преобразовательной активности человека. Она нацеливает на постижение смысла мира, на выявление места человека в нем, задает определенную исследовательскую позицию. Духовно ориентированная наука призвана сыграть решающую роль в обретении конструктивной функции в решении экологических проблем.

Экология как наука и мировоззрение. В последнее время усиливается точка зрения, согласно которой по мере обобщений экологии она вроде бы теряет научное качество и становится определенным воззрением или идеологией. Нередко в таких случаях ставится под сомнение объективное содержание экологических знаний, смешиваются и противопоставляются различные функции экологии. Получается, что научным качеством могут обладать лишь узкоспециализированные дисциплины со строго определенными, устоявшимися методами и принципами. В современных условиях это можно считать историческим анахронизмом, навеянным духом позитивизма.

Такой взгляд на экологию имеет также негативные практические последствия, в частности, он отрицательно отражается на развитии экологического образования. Считается, что экологическое мировоззрение надо формировать не на основе преподавания экологии, а иными способами, опираясь, например, на средства массовой коммуникации, литературу, искусство и т. д. Не отрицая роль последних в экологическом просвещении, совершенно не оправдано уничижительное отношение к научно-теоретическому основанию экологического образования — экологии.

Каждая наука, в зависимости от меры отображения реальности и особенно от социальной значимости ее положений и результатов, в той или иной степени влияет на взгляды и идеи людей, на их отношение к действительности. Экология, обретая некоторые черты мировоззрения, не отчуждается от науки. Напротив, именно в силу своего объективного характера она оказывает все

более существенное влияние на мировоззрение и поведение людей. Деятельность человека по отношению к природе, конечно, коррелируется и этически, и эстетическими мотивами, но только на первый взгляд может показаться, что альтернатива уничтожить или сохранить, например, леса — только этический (или эстетический) вопрос. Является научно установленным фактом, что леса, помимо других своих многообразных функций, — важнейшие производители кислорода на нашей планете, определяют гидрологические процессы, поддерживают истоки рек. Кажется невероятным, но одна из глобальных проблем современности — проблема пресной воды — в значительной мере оказывается связанной с состоянием лесов. Не так прост и вопрос сохранения биологического разнообразия диких животных. Каждый его вид выполняет определенные функции в сообществе, и их исчезновение в принципе может нарушить устойчивость всей экосистемы со всеми вытекающими отсюда последствиями. В целом, от определенного решения экологических вопросов зависит не только жизнь человека, но и состояние отдельных компонентов биосферы, физических параметров нашей планеты, ее космического окружения.

Концепция устойчивого развития. Смысл перехода к устойчивому развитию заключается в выживании человечества и сохранении биосферы. Для этого необходимо кардинальным образом трансформировать все сферы деятельности человека в направлении уменьшения давления на биосферу. Устойчивое развитие должно характеризоваться экономической эффективностью, биосферосовместимостью и социальной справедливостью при общем снижении антропогенного пресса на биосферу.

Другими словами, устойчивое развитие — не только экологобезопасное развитие. Это также стабильность в социальной и политической сферах жизни общества, которая должна основываться на соблюдении прав человека, принципов демократии, правового государства, норм международного права. В таком случае концепция устойчивого развития объединяет в единую систему экологические, экономические и социально-политические связи и отношения. Более того, она диктует необходимость взаимосвязи разума с нравственностью. Достижения разума, оторванные от нравственных начал, исторически зачастую приобретали разрушительный, антигуманный характер. Для ограничения спонтанного развития общества становятся востребованными духовные ценности и нормы высокой морали.

По мере осмысления проблем и перспектив перехода современного общества к устойчивому развитию стало очевидным, что такой переход возможен при гармоничных общественных отношениях, нравственном совершенствовании людей, изменении человеческих качеств на основе гуманистических ценностей и идеалов. Таким образом, произошла трансформация концепции устойчивого развития, она, по существу, превратилась в теорию исторического процесса, отображающую социальную и природную (социоприродную) действительность в единстве и в развитии [5].

С экологической точки зрения, для обеспечения устойчивого развития необходимо сохранение в естественном виде значительных территорий на поверхности нашей планеты, среда или экосистемы которых выполняют стабилизирующую функцию в поддержании жизненно важных параметров биосферы. К таким территориям, например, относятся сибирская тайга, амазонская сельва, горные и субтропические леса. Разрушительное воздействие человека на биосферу может быть уменьшено до безопасного для нее уровня путем сохранения меры биосферных процессов. Этот вывод подтверждается теорией биотической регуляции окружающей среды, обоснованной В.Г. Горшковым [2]. Теория биотической регуляции показывает необходимость кардинального изменения направления и содержания социально-экономического развития и акцентирует внимание на глобальном характере экологических противоречий, несмотря на их локальное происхождение.

В целом приоритетными задачами перехода к устойчивому развитию на ближайшие годы признаны:

- реформирование системы образования на основе парадигм устойчивого развития;
- развитие «зеленой» экономики, высоких технологий и альтернативных источников энергии;
- поддержание на глобальном и региональном уровнях социальной гармонии, преодоление тенденций дифференциации общества;
- содействие толерантности, взаимопониманию в различных регионах мира, предотвращение межэтнических, межконфессиональных конфликтов.

Эти требования носят преимущественно характер целей, которые должны лежать в основе региональных и глобальных действий в области социально-политического, экономического и научно-технического развития.

Реализация стратегии устойчивого развития предполагает изменения способа мышления людей, усиление его прогностических качеств. Высокая компетентность становится одной из сущностных характеристик человека будущего, потому что ущерб природе наносится не только умышленно, но и по незнанию. «Конструирование» устойчивого будущего (экологической цивилизации) в не меньшей мере зависит от доминирующих в обществе мировоззренческих установок, человеческих качеств жителей нашей планеты, от системы ценностей культуры.

Культура устойчивого развития. Культура, на наш взгляд, — это совокупность различных способов и результатов адаптации и организации жизнедеятельности людей в определенной среде [3]. Передаваемый из поколения в поколение опыт освоения человеком действительности в различных формах и видах определяет сущность конкретной культуры. В этом отношении справедливо утверждение о том, что каждое человеческое общество обладает своей культурой, сложной или простой, развитой или неразвитой. Национальная культура — это целостный, духовно-материальный феномен, воплощенный в родовой общности людей,

определенном этносе. Следует согласиться с культурными антропологами в том, что культуры бывают не лучшими и худшими, а разными.

Однако разнообразие культур не исключает наличия общих черт, инвариантов в них. Все культуры являются определенным развитием изначальной, «примитивной» культуры, что позволяет людям осознавать себя единым целым. Примитивная культура (лат. *Primitivus* — первый, самый ранний) охватывала простейшие умения и навыки, обеспечивала непосредственную жизнедеятельность древних людей, она основывалась на поверхностных сведениях об окружающей среде, не требующих глубокого понимания природных явлений и процессов. Духовное единство человечества стало ветвиться и модифицироваться по мере исторического развития, в частности, освоения новых регионов и континентов, перехода от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству, и особенно с началом Осевого времени, по К. Ясперсу, когда на смену мифологическому мировоззрению пришло рациональное, философское, сформировавшее тот тип человека, который существует поныне. Ясперс датирует осевое время VII–V вв. до нашей эры.

В целом можно сказать, что культуры в силу внутренних и внешних причин меняются в историческом масштабе времени. Эти процессы связаны с самоорганизацией общества, с пространственным распространением и взаимодействием различных культур, с конвергенцией их ценностей. При этом не происходит полной унификации форм духовной жизни, определенное разнообразие культур сохраняется. Исходное единство генезиса культур определяет возможность взаимодействия, диалога современных культур, возможность их оценки с гуманистических и экологических позиций. Важнейшим индикатором сравнения той или иной культуры, вслед за К. Марксом, можно считать характер отношения в ней людей к природе и их отношение друг к другу.

В условиях глобализации культурологические вопросы значительно актуализировались. Культурная глобализация создает уникальные возможности для обогащения традиционных ценностей, идей, жизненных установок. Наряду с этим отдельные культуры подвергаются суровому испытанию, возникает проблема сохранения разнообразия культур. Разнообразие является духовным богатством человечества, важнейшим фактором развития, создающим предпосылки для творчества и инноваций. Как общее достояние человечества культурное разнообразие должно поддерживаться, сохраняться в интересах будущих поколений.

Если этническая культура стала крупной, технологически богатой, в ней возникла, например, письменность, появились города, то можно считать, что она достигла уровня цивилизации. При сопоставлении понятий «цивилизация» и «варварство» появляется возможность оценить меру гуманистичности культуры. В таком случае цивилизация предстает не только как показатель высокого уровня научно-технологического развития, качества жизни, степени

ухода от примитивных способов хозяйствования, но и как мера свободы человека, его гармоничного, нравственного развития.

Современная цивилизация формировалась в процессе длительной исторической эволюции на основе варварства. И в каждую эпоху в ней в той или иной степени проявлялись его элементы. Это объясняет пристальное внимание к формам варварства, которые оказались «внутренне имплантированными в многотысячелетнее развитие самой цивилизации... Настоятельно необходимо вести речь о рецидивах, всплесках варварства как “наследственной болезни” всей цивилизации...» [10: с. 131–132].

Как объяснить то, что культура, достигнув цивилизационного уровня, не только сохраняет в себе элементы варварства, но и может идти вспять и даже вернуться на уровень варварства? С чем связано искажение подлинной функции культуры?

Можно выделить три обстоятельства, повлиявшие на неадекватное развитие культуры. Первое, безусловно, связано с природой человека: «Современный человек — курьезная смесь характерных черт, приобретенных на разных стадиях многовекового процесса умственного развития... Скептицизм и научные знания бок о бок соседствуют здесь с прадедовскими предрассудками, устаревшими стереотипами мыслей и чувств, глухим невежеством и ошибочными мнениями...» [14: с. 96]. Второе — с недостаточностью знаний, ограниченностью теоретических основ преобразующей деятельности человека в каждый конкретно-исторический период развития общества. Отсюда особые надежды на научное познание, на реализацию ноосферогенеза. Третье обстоятельство обусловлено наличием объективной неопределенности в социальных и природных системах, которая не снимается в процессе развития познания.

Сейчас осознается регулятивная, программирующая функция культуры в созидании будущего. ЮНЕСКО разработала индикаторы влияния культуры на развитие в целом, которые в настоящее время проходят апробацию в 12 странах мира. Вопрос об определяющей роли культуры в переходе к устойчивому развитию был четко обозначен в 2012 г. в Рио-де-Жанейро на юбилейной Конференции ООН – «Рио+20». В резолюции указанной конференции намечены контуры «будущего, которое мы хотим». Для достижения «желаемого будущего» признано целенаправленное изменение культуры современного общества в соответствии с гуманистическими и экологическими ценностями. По существу, предстоит сформировать высокую культуру общества, которую можно определить как культуру устойчивого развития. Под культурой при этом понимается не только совокупность материальных и духовных ценностей, созданных людьми, а также то, что способствует в ней сохранению и дальнейшему развитию общества. Если культура как социальный феномен — «творение человеческих рук» — всегда противопоставлялась природе, то культура устойчивого развития должна стать способом гармоничного соединения человека с природой на основе глубокого познания и понимания сущности природы.

Крупным шагом в этом направлении стали международные конференции ЮНЕСКО, посвященные культуре устойчивого развития, проходившие в г. Баку в 2011–2013 гг. и в 2013 г. в г. Ханчжоу. По итогам конференций приняты декларации, в которых содержится призыв сделать культуру основой политики устойчивого развития.

В соответствии с концепцией устойчивого развития ценности, сформировавшиеся в эпоху индустриального общества, должны подвергнуться радикальным изменениям. Вот почему необходимо целенаправленно использовать не только культурные традиции, но и развивать, пропагандировать новую культуру — культуру устойчивого развития. Осознание того, что люди не просто существуют на Земле ради самих себя, а что они должны выполнять определенную биосферную функцию, составляет главную парадигму экологического мировоззрения и основную ось культуры устойчивого развития. Культура, в арсенале которой находятся огромные богатства, накопленные человечеством в виде знаний материальных и духовных ценностей, а также социальный опыт предшествующих и настоящих поколений, позволяет выявить наиболее приемлемые пути и подходы к решению проблем перехода общества к устойчивому развитию.

Роль образования в формировании культуры устойчивого развития. Еще на саммите ООН по устойчивому развитию, проходившем в Йоханнесбурге в 2002 году, было уделено пристальное внимание проблемам реформирования образования в интересах устойчивого развития. Генеральной Ассамблеей ООН была объявлена «Декада образования для устойчивого развития» (2005–2014 гг.). В документах саммита подчеркивалось, что образование является ключевым фактором глобальных перемен, и речь в данном случае должна идти об интеграции вопросов устойчивого развития в структуру образования на всех уровнях.

Сейчас подведены определенные итоги Декады «Образование для устойчивого развития». В них отражена интенсификация процессов глобализации, неоднозначность социально-политических и экономических трансформаций в мире, зачистившие масштабные естественно-природные и техногенные катастрофы, наметившиеся изменения климата и другие факторы. В содержании современного образования центральными становятся такие понятия, как ценность жизни, состояние биосферы, качество жизни, социальная гармония, экологические потребности, оценка технологических нововведений и др.

Однако, несмотря на осознание важности реформирования систем образования в интересах устойчивого развития, этот процесс оказался недостаточно эффективным. Отчасти это связано с тем, что педагогические традиции основаны на усвоении известных знаний, воспроизводстве реальных связей и отношений, нашедших отражение в общественном сознании. Будущее же всегда в той или иной степени неопределенно. И его размытые контуры, расплывчатое содержание педагогам трудно представить в качестве основы образования. Данное обстоятельство определяет, по существу, постановку

принципиально новых педагогических проблем, от адекватного решения которых во многом зависит переход человечества к устойчивому развитию.

Вместе с тем следует учесть, что образование для устойчивого развития многогранно, оно нацелено на отражение социально-экономических, правовых, технологических и целого ряда других вопросов. При этом экологическое образование приобретает статус интегрирующего фактора образования в целом, определяет его стратегическую цель и ведущие направления.

Главным основанием экологического образования выступает признанное мировым сообществом право человека на благоприятную среду жизни. Качество окружающей среды определяет здоровье — основное право человека и главную цель развития цивилизации. Если литература и история нужны для усвоения ценностей духовной культуры, естествознание — закономерностей природы, то экологическое образование необходимо для формирования подлинно человеческого отношения к природе, определения допустимой меры преобразования природы, усвоения специфических социоприродных закономерностей и нормативов поведения, при которых возможно дальнейшее существование и развитие человека.

Особое значение должно придаваться экологическому образованию в России. Сильная зависимость России, ее истории, культуры от естественных факторов, сурового климата, пространства, характера народонаселения в должной мере не осознается. Хотя еще Н.А. Бердяев писал, что «в судьбе России огромное значение имеют факторы географические, ее положение на земле, ее необъятные пространства» [1: с. 62–63]. Как ни странно, почти все социально-экономические реформы, предпринятые в истории России, не учитывали и не учитывают ее природных, экологических и культурных особенностей. Не здесь ли следует искать причины их фатальных неудач?

Нужно понять, что Россия не только самая большая и богатая горючими ресурсами страна, но и самая холодная страна в мире, где «вечная мерзлота» охватывает более половины территории, где доминирует преимущественно экстремальная экологическая среда, где рождаемость носит неустойчивый характер. Этого факта достаточно, чтобы, не оглядываясь на предметную структуру образования, принятую в других странах, незамедлительно вводить непрерывное экологическое образование в России.

Очень часто противопоставляют экологическое образование и экологизацию образования. Почему-то считают, что важнее и проще реализовать экологизацию образования, чем ввести отдельный интегрированный предмет «Экология». Но экологизация может быть лишь производной от экологического образования. Точно так же как математизация отдельных сфер человеческой деятельности основывается на предварительном математическом образовании. На школьном уровне речь должна идти как об экологизации традиционных предметов, так и о новом интегративном предмете «Экология», объединяющем на основе ключевых понятий такие направления экологии,

как биологическая экология, геологическая экология, экология человека и социальная экология. Опыт создания такого учебника имеется [7].

В педагогическом отношении при раскрытии содержания экологического образования необходимо:

- стараться соблюдать достаточно высокую точность (достоверность) используемых данных о состоянии природной среды в целом и отдельных ее составляющих;

- комплексно освещать экологические явления; важно воспроизвести не только сложную совокупность природных процессов, но и дать их в отношении к событиям в самом обществе; например, недостаточно привести данные об исчезновении с лица планеты каких-либо видов растений или животных; многих этот факт оставит более или менее равнодушными, но если дать этот пример во взаимосвязи с цепью природных явлений, показать его в тенденции и воздействии на остальные биосферные процессы, а через них на общество, то впечатление будет уже существенно иным [6].

Экология вооружает людей знанием способов борьбы с опасными тенденциями разрушения природных ресурсов. В связи с этим особая сложность экологического образования заключается в необходимости убеждения людей в вероятности далеко не очевидных процессов, идущих подчас незаметно, переходящих затем в масштабные последствия; в подчеркивании приоритетности природных факторов как наиболее важных и не заменимых пока современными техническими средствами.

Приоритет ценностей природы важно обосновывать еще и потому, что всей прежней историей борьбы с природой люди воспитывались в духе противостояния природным условиям, которые рассматривались зачастую как препятствие к достижению практических целей. Естественно, что при этом на первый план всегда выдвигались ценности социального порядка. Тем самым за исторически длительный период сложилось преимущественно наступательное отношение к природе, и оно в основном продолжается по сей день.

Содержание экологического образования включает не только научные знания и представления, оно также дополняется образами искусства и литературы. Выдвижение на первый план когнитивной функции закономерно отвечает характерной для экологического образования тенденции целостного познания человека, общества и природной среды во всей совокупности их взаимосвязей. В то же время искусство и литература несут огромный нравственно-эстетический потенциал, воплощая общечеловеческие ценности и идеалы, отношение к человеку и природе, сформировавшееся в разные эпохи. Тем самым произведения искусства не просто способствуют ознакомлению с эволюцией отношения человека и общества в его историческом развитии к природе, но и дают модели такого исторически меняющегося отношения. Осуществляемая в процессе экологического образования интеграция научных знаний о взаимодействии человека и общества с природой и соответствующих художественных образов

направлена на преодоление разрыва между логической и образной формами познания действительности и служит гуманизации образования.

В заключение следует подчеркнуть, что имеющихся научных знаний вполне достаточно, чтобы решить значительную часть проблем, волнующих ныне общество, однако использование этих знаний направляется отнюдь не гуманистическими соображениями. Как отмечал основатель «Римского клуба» Ауреллио Печчеи, развитие науки и техники все больше требует от нас мудрости, и хотя наш век по масштабам накопленных знаний превзошел все предыдущие, но мы отнюдь не стали в той же степени мудрее [12].

Образование для устойчивого развития должно исходить из того, что сами по себе научные знания не достаточны для придания нашей деятельности человеческого смысла. Необходима еще и мудрость, которая содействует осознанию подлинных целей человеческого существования. В этой связи особое значение приобретают гуманитарные образовательные линии. Судя по всему обязательными должны стать в содержании образования преподавание психологии, культурологии, этики.

В условиях современного духовно-нравственного кризиса общества гуманизация образования приобретает особое значение. Так, благодаря развернутому преподаванию этики понятия добра и зла, справедливости и несправедливости, нравственности и безнравственности не только будут фиксировать действительные или воображаемые явления, но будут также содержать оценку определенных представлений, одобрять или осуждать их, требовать их осуществления или устранения.

Литература

1. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: АСТ, 1990. 336 с.
2. Гориков В. Г. Физические и биологические основы устойчивости жизни. М.: ВИНТИ, 1995. 470 с.
3. Культура устойчивого развития: от идеи к реальности / Сост. и отв. ред. Н.М. Мамедов. Баку, 2013. 346 с.
4. Мамедов Н.М. Основы социальной экологии. М.: Ступени. 2003. 256 с.
5. Мамедов Н.М. Исторический процесс и концепция устойчивого развития // Вестник Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО. 2010. Вып. 13. С. 22–26.
6. Мамедов Н.М. Контекст экологического образования // Непрерывное образование. 2012. № 2. С. 13–20.
7. Мамедов Н.М., Суравегина И.Т. Экология: учебник для 10 (11) класса общеобразовательных учреждений. М.: Школа-Пресс, 2006. 299 с.
8. Медоуз Д. Пределы роста. М.: АКАДЕМКНИГА, 1989. 245 с.
9. Мусеев Н.Н. Быть или не быть... человечеству? М.: Россия молодая, 1999. 288 с.
10. Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2010. 480 с.
11. Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). М., 1989.

12. *Печчеи А.* Человеческие качества. М.: «Прогресс», 1980. 302 с.
13. *Трусов Ю.П.* Экологический подход и проблемы становления ноосферы. Препринт. Пушкино, 1980. 30 с.
14. *Юнг К.Г.* К вопросу о подсознании // Человек и его символы. М.: Серебряные нити, Медков С.Б., 2006. 352 с.

Literatura

1. *Berdyayev N.A.* Sud'ba Rossii. M.: AST, 1990. 336 s.
2. *Gorshkov V.G.* Fizicheskie i biologicheskie osnovy' ustojchivosti zhizni. M.: VINITI, 1995. 470 s.
3. Kul'tura ustojchivogo razvitiya: ot idei k real'nosti / Sost. i otv. red. N.M. Mamedov. Baku, 2013. 346 s.
4. *Mamedov N.M.* Osnovy' social'noj e'kologii. M.: Stupeni. 2003. 256 s.
5. *Mamedov N.M.* Istoricheskij process i koncepciya ustojchivogo razvitiya // Vestnik Komissii RF po delam YuNESKO. 2010. Vy'p. 13. S. 22–26.
6. *Mamedov N.M.* Kontekst e'kologicheskogo obrazovaniya // Neprery'vnoe obrazovanie. 2012. № 2. S. 13–20.
7. *Mamedov N.M., Suravegina I.T.* E'kologiya: uchebnik dlya 10 (11) klassa obshheobrazovatel'ny'x uchrezhdenij. M.: Shkola-Press, 2006. 299 s.
8. *Medouz D.* Predely' rosta. M.: AKADEMKNIGA, 1989. 245 s.
9. *Moiseev N.N.* By't' ili ne by't'... chelovechestvu? M.: Rossiya molodaya, 1999. 288 s.
10. *Motroshilova N.V.* Civilizaciya i varvarstvo v e'poxu global'ny'x krizisov. M.: Kanon+ROOI «Reabilitaciya», 2010. 480 s.
11. Nashe obshhee budushhee. Doklad Mezhdunarodnoj komissii po okruzhayushhej srede i razvitiyu (MKOSR). M., 1989.
12. *Pechchei A.* Chelovecheskie kachestva. M.: «Progress», 1980. 302 s.
13. *Trusov Yu.P.* E'kologicheskij podxod i problemy' stanovleniya noosfery'. Preprint. Pushhino, 1980. 30 s.
14. *Yung K.G.* K voprosu o podsoznanii // Chelovek i ego simvol'y'. M.: Serebryany'e niti, Medkov S.B., 2006. 352 s.

N.M. Mamedov

Ecology and the Formation of a New Culture

The paper shows that the development of ecology and understanding environmental problems were the prerequisite for the development of the concept of sustainable development, which is now claiming the status of the theory of the historical process. The author substantiates the view that the transition to sustainable development, in the general and the whole is a problem of cultural studies. Under culture thus the author understands not only the totality of material and spiritual values created by people, but also that that contributes to the preservation in it and further development of the society.

Keywords: ecology; bases of the genesis of ecology; sustainable development; culture; the culture of sustainable development; education for sustainable development.

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ»,
2014, № 3 (11)**

Бессонов Борис Николаевич — доктор философских наук, профессор, заведующий общеуниверситетской кафедры философии МГПУ.

Васильев Игорь Аркадьевич — кандидат философских наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории системного мониторинга и проектирования образования НИИСО МГПУ, почётный работник высшего профессионального образования.

Геворкян Елена Николаевна — первый проректор МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО.

Иванюшкин Александр Яковлевич — доктор философских наук, профессор общеуниверситетской кафедры философии МГПУ.

Капицын Владимир Михайлович — доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

Кондратьев Виктор Михайлович — кандидат философских наук, доцент общеуниверситетской кафедры философии МГПУ.

Мамедов Низами Мустафаевич — доктор философских наук, профессор, эксперт ЮНЕСКО (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ).

Уймина Татьяна Николаевна — аспирант общеуниверситетской кафедры философии МГПУ, преподаватель Педагогического колледжа № 5 (г. Москва).

Фролова Мария Ивановна — научный консультант ЗАО «Эктив Инжиниринг».

Хохлов Александр Сергеевич — кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии Самарского филиала МГПУ.

«МСТТУ Vestnik» / Authors,
series «Philosophical Sciences», 2014, № 2 (10)

Bessonov Boris Nikolayevich — Doctor of Philosophy, professor, head of all-university department of Philosophy, Moscow City Teacher Training University.

Vasiliev Igor Arkadevich — Ph.D. (Philosophy), docent, senior researcher of Laboratory of Systematic Monitoring and Planning of Education, Scientific Research Institute of Moscow City Education, Moscow City Teacher Training University, Honored Employee of Higher Professional Education.

Gevorkyan Elena Nikolaevna — First Vice-Rector of Moscow City Teacher Training University, Doctor of Economics, professor, academician of Russian Academy of Science.

Ivanyushkin Aleksandr Yakovlevich — Doctor of Philosophy, professor, all-university department of Philosophy, Moscow City Teacher Training University.

Kapitsyn Vladimir Mikhailovich — Doctor of Political Sciences, professor, Comparative Politics department, Political Science faculty, Moscow State University.

Kondratiev Victor Mikhailovich — Ph.D. (Philosophy), docent, all-university department of Philosophy, Moscow City Teacher Training University.

Mamedov Nizami Mustafaevich — Doctor of Philosophy, Professor, UNESCO expert (Moscow, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)).

Uimina Tatiana Nikovaelna — postgraduate, all-university department of Philosophy, Moscow City Teacher Training University, teacher, College of Education № 5 (Moscow).

Frolova Maria Ivanovna — scientific consultant, JSC «Active Engineering».

Khokhlov Aleksandr Sergeevich — Ph.D. (Philosophy), docent, head of Philosophy, Sociology and Political Science department, Samara Branch of Moscow City Teacher Training University.

E-mail: Philos-mgpu@mail.ru

Требования к оформлению статей

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по философским наукам.

Журнал адресован научно-педагогическим работникам, педагогам высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям ученой степени и студентам — всем, кто интересуется вопросами философского осмысления истории человечества и цивилизации, современной жизни общества, сущности человека в свете его творческой деятельности, проблемами устойчивого развития мира в эпоху глобализации и экологического кризиса, участия человека в судьбе планеты.

Редакция просит Вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета МГПУ к оформлению научной литературы.

1. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал 1,5, поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 а.л.). Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева, заголовок — посередине полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещаются аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова и словосочетания (не более 5), разделяют их точкой с запятой.

4. Статья снабжается затекстовыми ссылками, оформленными в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка, в том числе на интернет-ресурсы и архивные документы, даются в тексте в квадратных скобках: [З: с. 147], по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5 – 2008 «Библиографическая ссылка».

6. В конце статьи (после списка литературы) указываются название статьи, автор, аннотация (Resume) и ключевые слова (Keywords) на английском языке.

7. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

8. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный или почтовый адрес для контактов) на русском и английском языках.

9. В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно узнать на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра МГПУ.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

По вопросам публикации статей в журнале «Вестник МГПУ», серия «Философские науки» обращаться к составителю, заместителю главного редактора *Бирич Инне Алексеевне*.

Телефон редакции (499) 181-66-29. E-mail: philos-mgpi@mail.ru.

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Философские науки»
№ 3 (11), 2014

Главный редактор:
доктор философских наук, профессор *Б.Н. Бессонов*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № 77-5797 от 20 ноября 2000 г.

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*

Редактор:

В.П. Бармин

Корректор:

Л.Г. Овчинникова

Перевод на английский язык:

А.С. Джанумов

Техническое редактирование и верстка:

О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГБОУ ВПО МГПУ:

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36. E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 10.10.2014 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆.

Бумага офсетная.

Объем 7,5 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.